

39

Г-39

М. Н. Гернетъ

Лекторъ Московскаго Городскаго Народнаго Университета
имени А. Л. Шанявскаго.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО.

Часть общая.

БИБЛИОТЕКА
Всесоюзнаго
научно-иссѣдательскаго центра
Советскаго Союзнаго государства

Лекціи, читанныя въ Народномъ Университетѣ

Московскаго Общества Народныхъ Университетовъ.

Цена 1 р. 25 к.

Принято 1966

Издание Н. А. Ходушина

ХЕРСОНЪ

1913.

1957 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее изданіе моихъ лекцій, читанныхъ мною въ аудиторіяхъ Московскаго общества народныхъ университетовъ, преслѣдуетъ цѣли популяризаціи науки уголовного права. Нѣсколько большій размѣръ нашей книги сравнительно съ изданными означеннымъ обществомъ выпусками лекцій по другимъ областямъ знаній нисколько не оказалъ вліянія на нашу основную задачу: заинтересовать нашей наукой болѣе широкіе слои такъ жадно и такъ безкорыстно ищущихъ знанія. Слѣдуя примѣру другихъ лекторовъ, мы также совершенно устранили примѣчанія и указанія на литературу въ сноскахъ и ограничились рекомендаціей читателямъ лишь важнѣйшихъ работъ на русскомъ языкѣ, исключая притомъ отсюда трудно доступныя статьи въ періодическихъ изданіяхъ. Если наша книга попадетъ въ руки читателя, который пожелалъ бы ознакомиться съ какимъ либо вопросомъ болѣе подробно, то мы отсылаемъ его за поисками русской и иностранной литературы къ нашей статьѣ „Библіографическіе указатели по вопросамъ уголовного права“, напечатанной въ № 4 за 1912 г. „Журнала уголовного права и процесса“ и вышедшей также отдѣльнымъ изданіемъ въ 1913 г.

Мих. Гернетъ.

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Исторія уголовного права.

Опредѣленіе уголовного права. Определеніе уголовного права также, какъ и выясненіе содержанія нѣкоторыхъ другихъ правъ, сопряжено со значительными трудностями. По отношенію къ уголовному праву это объясняется тѣмъ, что оно является однимъ изъ древнѣйшихъ правъ. Профессоръ Берлинскаго университета Листъ считаетъ его даже первой и самой ранней ступенью въ исторіи развитія права. Тысячелѣтнее существованіе уголовного права должно было сопровождаться глубокими измѣненіями его содержанія въ связи съ общимъ развитіемъ человѣческаго общества. Наиболѣе удовлетворительнымъ надо признать опредѣленіе уголовного права, какъ совокупности правовыхъ нормъ, запрещающихъ или предписывающихъ какія либо дѣйствія подѣ страхомъ особыхъ юридическихъ послѣдствій, носящихъ названіе наказанія. Запрещенное или предписанное подѣ страхомъ наказанія дѣйствіе носить названіе преступленія. Несомнѣнно, что такія опредѣленія носятъ формальный характеръ, но мы увидимъ въ послѣдствіи, что многочисленныя сдѣланныя до сихъ поръ попытки дать опредѣленіе *содержанія* преступленія оказались всѣ одинаково неудачными.

Дѣленіе исторіи уголовного права на періоды. Общепринятымъ дѣленіемъ исторіи уголовного права является раздѣленіе ея на четыре періода. Признакомъ разграниченія берется изъ момента борьбы съ преступностью. Начинаютъ исторію уголовного права съ эпохи, которой даютъ наименованіе періода мести, когда защита интересовъ сосредоточивалась въ рукахъ самаго потерпѣвшаго или его близкихъ. На смѣну этого періода наступаетъ другой-эпоха композицій или матеріальнаго вознагражденія за причиненный вредъ. Затѣмъ наступаетъ укладъ, когда образовавшаяся и окрѣпнувшая власть строить для борьбы съ преступниками болѣе или менѣе сложную карательную систему на основѣ устрашенія. Послѣдній, современный намъ періодъ, называютъ эпохою исправленія преступника. Это дѣленіе имѣетъ преимущества, что отличается большою наглядностью при-

знака, выбраннаго для разграниченія періодовъ. Но у него есть и недостатокъ: признакъ дѣленія выбранъ изъ области борьбы съ преступленіями и совершенно не обращается при этомъ вниманіе на характеръ преступности, которая не оставалась за долгій періодъ своего существованія безъ измѣненій. Такое пренебреженіе къ особенностямъ преступности, какъ общественнаго явленія, весьма характерно для ученыхъ прежняго времени, а частью и новаго, которые, не интересуясь преступностью, придаютъ исключительно большое значеніе наказанію.

Мы считаемъ болѣе правильнымъ разсматривать исторію уголовного права по тѣмъ періодамъ, черезъ которые прошла жизнь человѣчества и на которые дѣлятъ ее соціологи. Такое разсмотрѣніе имѣетъ тѣ преимущества, что, не раздѣляя между собою моменты правонарушенія и борьбы съ нимъ, ставитъ уголовное право въ прямую связь съ общественнымъ и экономическимъ строемъ жизни человѣчества и, такимъ образомъ, даетъ возможность изучать его не въ томъ обособленномъ видѣ, въ какомъ склонны были заниматься его изслѣдованіемъ многіе криминалисты и въ какомъ оно никогда не бываетъ въ живой дѣйствительности.

**Уголовное
право у охот-
ничьихъ и
пасту-
шескихъ
племенъ**

Разсмотримъ уголовное право въ періодъ до-го-сударственный и государственный. О жизни человека въ первомъ періодѣ исторія культуры знаетъ, что первобытный дикарь поддерживалъ свое существованіе собираніемъ фруктовъ и овощей, охотой и рыболовствомъ. Позднѣе онъ переходитъ къ скотоводству и, наконецъ, къ земледѣлію. Первыми общественными единицами были семья въ ея различныхъ формахъ и родъ. Несложная и однообразная, болѣе или менѣе одинаковая жизнь первобытныхъ людей не должна быть особенно богата случаями столкновенія, но они бывали и настоятельно требовали своего разрѣшенія. При переходѣ къ скотоводству и къ болѣе осѣдлой жизни, случаи столкновенія интересовъ должны были участиться. Увеличеніе стадъ создаетъ богатство родовъ. Въ составъ патріархальной семьи съ ея широкою властью владыки теперь входятъ, кромѣ членовъ-родственниковъ, также плѣнные не-пріятели, обращенные въ рабовъ. Появляются богатые и бѣдные, свободные и рабы. Всѣ эти характерныя черты соціальной жизни находятъ свое отраженіе на способахъ защиты нарушае-

мыхъ интересовъ и на самомъ характеръ нарушеній. При господствѣ родового быта защита интересовъ лежитъ на самомъ родѣ и осуществляется въ формѣ мести. Укажемъ въ видѣ примѣра на австралійскихъ дикарей, бытъ которыхъ подробно описанъ англійскими изслѣдователями Балдуиномъ Спенсеромъ и Гилленомъ. Они живутъ охотою и собираніемъ корней, перекочевывая съ мѣста на мѣсто въ предѣлахъ извѣстной мѣстности, за которые не выходятъ. Они охотятся въ одиночку или группами; ихъ вооруженіе состоитъ изъ копья и бумеранга; ихъ орудія (топоры, долото) сдѣланы изъ камня; огонь добываютъ посредствомъ тренія; они не носятъ одежды; живутъ въ шалашахъ, устроенныхъ изъ вѣтвей или зарываются на ночь въ землю; изъ животныхъ ими приручена только собака. Защита интересовъ достигается местию-самоуправствомъ. Наиболее тяжкимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболее частымъ преступленіемъ является чародѣйство: свои болѣзни, а также болѣзни и смерть близкихъ, австралійскій дикарь объясняетъ колдовствомъ и мститъ заподозрѣнному убійствомъ. Преступленія противъ собственности, можно сказать, здѣсь еще неизвѣстны. Наоборотъ, здѣсь часты случаи недозволеннаго полового общенія, влекущаго за собою драку мужчинъ или ихъ поединокъ въ родѣ современныхъ дуэлей. Совѣщаніе стариковъ выбираетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ способъ отмщенія. По рассказамъ туземцевъ, „мститель“ надѣвалъ особые башмаки, подошва которыхъ сплеталась изъ шнурковъ, скрученныхъ изъ человѣческихъ волосъ. Для отмщенія иноплеменникамъ выбирается особый „отрядъ мстителей“. Въ описываемомъ англійскими изслѣдователями случаѣ отряду мстителей были добровольно выданы чародѣи, насылавшіе смерть племени мстителей. Они были убиты и вокругъ труповъ была устроена пляска. Только послѣ этого мстители вынули изъ своихъ волосъ особая закрученныя туда палочки, которыя и побросали на трупы: отмщеніе совершилось. Местъ считается священной обязанностью у всѣхъ народовъ на извѣстной ступени развитія. Дикарь, не отмстившій врагу, устраняется отъ всякихъ развлеченій; онъ помѣщаетъ передъ своимъ шалашемъ палку, которая остается у всѣхъ на виду до тѣхъ поръ, пока не совершится отмщеніе. Община не только одобряетъ, но даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ помогаетъ ему. Такъ, въ Полинезій потерпѣвшій имѣетъ право убить врага или за-

владѣть всѣмъ его имуществомъ. Если при выборѣ имъ второго способа своего удовлетворенія онъ встрѣчаетъ сопротивленіе, то община приходитъ къ нему на помощь.

Въ этотъ періодъ обиженный не обращаетъ вниманія на внутреннюю сторону дѣянія, за которое онъ рѣшаетъ мстить: для него безразлично причинилъ-ли ему вредъ взрослый или ребенокъ, здоровый или больной человекъ и дѣйствовалъ ли онъ умышленно, неосторожно или даже случайно. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ его мечь обрушивается даже на животныхъ и на такіе неодушевленные предметы, какъ дерево или камень, ударившіе его при своемъ паденіи. Такъ было у древнихъ евреевъ, магометанъ, поклонниковъ будды, римлянъ, русскихъ и др.

Древнѣйшія указанія на существованіе мести у евреевъ относятся къ періоду ихъ кочевой жизни и господству патриархальнаго строя. Патриарху принадлежало право жизни и смерти надъ членами рода. Книга „чиселъ“ говоритъ: „мститель за кровь можетъ самъ убить убійцу при встрѣчѣ съ нимъ“. У евреевъ этого же періода предавался смерти быкъ, забодавшій человека. Въ священной книгѣ магометанъ—„Коранъ“ мы также находимъ указанія на слѣды мести: „правовѣрные, законъ возмездія установленъ вамъ за убійство; свободный долженъ умереть за свободнаго, слуга за слугу, женщина за женщину“.

При переходѣ къ скотоводству и при расчлененіи общины на богатыхъ и бѣдныхъ, свободныхъ и рабовъ, развиваются преступленія противъ собственности. Мечь начинаетъ постепенно вымирать и замѣняться матеріальнымъ вознагражденіемъ. Кража домашнихъ животныхъ становится частымъ преступленіемъ и поэтому привлекаетъ къ себѣ особенное вниманіе обычнаго права. У древнихъ евреевъ кража вола влекла за собою обязанность уплатить за него пять воловъ, за покражу овцы уплачивалось четыре овцы и т. д. При несостоятельности воръ подлежалъ продажѣ, чтобы изъ вырученной отъ нея суммы покрыть взысканіе за кражу. Насколько право народа, занимающагося скотоводствомъ, интересовалось охраной домашнихъ животныхъ видно изъ „Салической правды“. Въ ней имѣются спеціальныя отдѣлы и каждый въ нѣсколько статей о кражѣ свиней, козъ, собакъ, разной птицы и пр. При этомъ особенно разсматриваются случаи кражи свиньи супоросой и несупоросой,

борова выложеннаго и невыложеннаго, собаки цѣпной, охотничьей, борзой, сторожевой и пр.

У древнихъ славянъ находимъ эти же характерныя особенности. Местъ была въ большомъ употребленіи. Объ этомъ свидѣлствуютъ лѣтописи. Такъ, княгиня Ольга мстила за смерть своего мужа, убитаго въ сраженіи; жена кн. Владимира, крестившаго Русь, — Рогнѣда пыталась убить его изъ мести за убійство ея отца и за полонъ ея родины-Полоцкаго княжества. Когда Владимиръ рѣшилъ казнить жену, его малолѣтній сынъ спасъ свою мать угрозою мести. Такимъ образомъ, местъ имѣла мѣсто не только между чужеродцами, но и въ предѣлахъ одной и той же семьи. Древнѣйшій памятникъ русскаго законодательства „Русская Правда“ въ первой же своей статьѣ устанавливаетъ право мести: „Аже убьетъ мужъ мужа, то мстити брату брата, или сынови отца, либо отцу сына, либо брату чаду, либо сестрину сынови, аще не будетъ кто мстя, то 40 гривенъ за голову“. Перечень родственниковъ здѣсь данъ не исчерпывающій, а лишь примѣрный.

**Вымираніе
мести.**

Выкупы.

Борьба за право посредствомъ мести вела къ большимъ неудобствамъ и сопряжена была съ большимъ рискомъ для значительнаго круга лицъ, близкихъ обидчику или обиженному, такъ какъ актъ мести вызывалъ въ свою очередь обязанность мести со стороны тѣхъ, кому мстили. Развитіе скотоводства и выгоды, сопряженныя съ владѣніемъ большимъ количествомъ скота, даютъ возможность развитія системы выкуповъ, т. е. полюбовнаго окончанія дѣла мировою сдѣлкой, при условіи уплаты потерпѣвшей сторонѣ опредѣленнаго количества домашнихъ животныхъ или другихъ предметовъ. Но расправа-местъ исчезаетъ лишь постепенно: ограничивается кругъ лицъ, за которыхъ допускается мщеніе, ограничивается время, въ теченіе котораго можетъ быть осуществлено право мести, создаются особые мѣста или убѣжища, въ которыхъ можетъ укрываться обидчикъ, не опасаясь мести. Местъ перестаетъ быть только частнымъ дѣломъ: развившееся общество, заинтересованное въ упорядоченіи совмѣстной жизни, беретъ на себя обязанность отмщенія или расправы съ преступникомъ или становится посредникомъ между спорящими сторонами. Изъ названныхъ выше мѣстъ убѣжищъ преступники могли безопасно вести переговоры объ условіяхъ примиренія. Такими мѣста-

ми служатъ, на примѣръ, у дикихъ африканскихъ племенъ хижины жрецовъ, могилы начальниковъ племени и мѣстопробываніе кудесниковъ. У древнихъ евреевъ были особые города убѣжищъ. Преступникъ также находилъ себѣ спасеніе у алтарей боговъ или въ ихъ храмахъ. Съ теченіемъ времени объемъ мести ограничивается до очень узкихъ предѣловъ, но окончательно эта форма борьбы за право исчезаетъ очень поздно.

Изъ общей суммы денежнаго вознагражденія за причиненный ущербъ часть поступала въ послѣдствіи въ пользу жрецовъ, начальника, судей и др. Такъ, у абиссинцевъ половина суммы штрафа шла въ пользу родственниковъ убитого и половина начальнику; у нубійцевъ убійство влечетъ за собою обязанность уплаты семьѣ убитого „выкупа за кровь“, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, начальнику племени уплачивается высокій штрафъ, состоящій изъ шести верблюдовъ, одной коровы и семи овецъ. Размѣръ штрафа стоитъ въ зависимости отъ соціального положенія жертвы. Начавшееся развитіе соціальныхъ неравенствъ оказываетъ очень большое вліяніе на уголовное право: чѣмъ выше положеніе жертвы преступленія, тѣмъ значительнѣе сумма штрафа. Такъ, въ „Русской Правдѣ“ жизнь, личныя и имущественныя права членовъ княжеской дружины и его слугъ охранялись болѣе высокимъ штрафомъ. Убійство же виновнаго раба не считается преступленіемъ. Въ эту эпоху обращается вмѣстѣ съ тѣмъ вниманіе на размѣръ причиненнаго вреда и, такимъ образомъ, устанавливается градація защищаемыхъ интересовъ или правовыхъ благъ. Убійство считается болѣе тяжкимъ преступленіемъ, чѣмъ поврежденіе здоровья; лишеніе преступникомъ глаза влечетъ иной штрафъ, нежели лишеніе ноги, руки и т. д. По сообщенію Поста, у африканскаго племени кимбунда легкое пораненіе головы влечетъ штрафъ въ суммѣ 15—20 денежныхъ единицъ, поломъ руки 100—200 и одну козу, а поломъ ноги 250—300 и быка для жертвоприношенія. Въ эпоху дѣйствія „Русской Правды“, когда часть штрафа уже шла въ пользу князя, лишеніе руки и ноги наказывалось строже, чѣмъ лишеніе пальца. Оскорбленіе дѣйствіемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ считалось болѣе тяжкимъ преступленіемъ, нежели нанесеніе раны: по „Русской Правдѣ“ нанесеніе раны мечемъ влечетъ 3 гривны продажи, а ударъ мечемъ въ ножнахъ или палкою—12 гривенъ. Объемъ преступныхъ дѣяній въ этотъ періодъ зна-

чительно расширяется: среди преступлений противъ чести различаются обиды словомъ и дѣйствиємъ и среди нихъ особенно упоминаются случаи нанесенія удара, толканіе, вырываніе волосъ и др., но оскорбленіе словомъ появляется, какъ преступленіе, позднѣе оскорбленія дѣйствиємъ; на примѣръ, въ „Русской Правдѣ“ о немъ не упоминается. въ уставѣ Ярослава говорится только объ оскорбленіи бранью женщинъ. Среди имущественныхъ преступленийъ различаются похищеніе, присвоеніе, поврежденіе. Когда объектомъ имущественнаго преступленія является домашнее животное, то обыкновенно размѣръ денежнаго вознагражденія повышается.

**Уголовное
право у зем-
ледѣльче-
скихъ наро-
довъ.**

При переходѣ къ земледѣлію среди имущественныхъ преступленийъ особенно упоминаются порча металлическихъ знаковъ, кража хлѣба съ поля и изъ амбаровъ. Эти преступленія влекутъ за собою для виновнаго очень тяжелыя послѣдствія. Границы земельныхъ участковъ ставятся подъ охрану самихъ боговъ и нарушеніе земельныхъ правъ является оскорбленіемъ божества. Сложившаяся, осѣвшая на мѣстѣ и окрѣпшая община считаетъ эти имущественныя преступленія на столько важными, что начинаетъ запрещать въ этихъ случаяхъ мировыя сдѣлки между преступникомъ и потерпѣвшимъ и караетъ преступника даже смертью, въ то время, когда съ убійцею расправляются еще сами родственники убитаго.

Развитіе экономическаго неравенства въ положеніи различныхъ членовъ общины и наличность неимущихъ преступниковъ, съ которыхъ нельзя получить матеріальнаго вознагражденія, и образованіе болѣе или менѣе сильной власти приводятъ къ новымъ способамъ борьбы съ преступностью: на смѣну мести и композицій является наказаніе преступниковъ, т. е. причиненіе имъ того или другаго страданія по приговору суда, въ интересахъ поддержанія сложившагося общежитія. Первыми такими наказаніями являются смертная казнь и тѣлесныя наказанія. Примѣняющее ихъ государство ставитъ своею задачею дѣйствовать на преступниковъ посредствомъ устрашенія. Первоначально простые и несложные способы умерщвленія преступника и тѣлеснаго его наказанія постепенно становятся все болѣе изощренными и мучительными. Первое упоминаніе наказанія смертью въ русскихъ законодательныхъ памятникахъ встрѣчается въ Уставной Двинской Грамотѣ 1397 г. (хотя на прак-

тикѣ смертная казнь примѣнялась на Руси и ранѣе): вора, уличеннаго въ третьей кражѣ, приказывается повѣсить. Ко времени же изданія Уложенія царя Алексѣя Михайловича 1649 г. въ употребленіи было уже нѣсколько различныхъ способовъ казни. Наивысшаго своего развитія система устрашительныхъ наказаній достигаетъ въ средніе вѣка и не исчезаетъ вполне и въ наши дни.

Классовыя неравенства. Уголовные законы этого періода ярко отражаютъ классовыя неравенства: интересы высшихъ классовъ и особенно имѣющихъ большое вліяніе жрецовъ и духовенства находятся подъ преимущественной охраной. Кодексъ Ману объясняетъ это социальное неравенство самымъ происхожденіемъ кастъ: браминъ вышелъ изъ головы верховнаго существа, воинъ изъ руки, купцы изъ кармана, а на долю судры выпало низкое происхожденіе изъ ступни. Вслѣдствіе такого высокаго своего происхожденія, браминъ получилъ право повелѣвать всѣми остальными; только ему дозволено изучать книгу законовъ. Воины обязаны защищать браминовъ и исполнять ихъ волю, потому что рука защищаетъ тѣло и исполняетъ волю головы; торговцы должны поддерживать своею торговою дѣятельностью, Судра же долженъ служить всѣмъ, не вмѣшиваясь въ дѣла управленія. Среди статей кодекса Ману мы встрѣчаемъ, наприкладъ, такія: Ману назначилъ десять мѣстъ на тѣлѣ лицъ трехъ кастъ для примѣненія къ нимъ наказанія. Что же касается брамина, то онъ долженъ оставаться цѣль и невредимъ (ст. 124). Если король допуститъ судру отправлять правосудіе, то его царство рухнетъ въ бездну, какъ воля падаетъ въ ровъ (21 ст.). Браминъ не можетъ быть казненъ смертію, лица же другихъ кастъ могутъ быть казнены (ст. 379). Пусть король никогда не губитъ брамина, хотя бы онъ совершилъ всѣ преступленія; пусть онъ изгонитъ его изъ царства, не лишая его имущества и не причиняя ему никакого зла (380 ст.).

Памятникомъ законодательства интересующаго насъ періода въ Россіи является Уложеніе царя Алексѣя Михайловича. Какъ и другія законодательства, оно въ самой откровенной формѣ признаетъ, что передъ лицомъ уголовного закона не можетъ быть общаго равенства: одно и то же преступленіе влечетъ за собою различныя наказанія, смотря по тому, кто является потерпѣвшимъ и кто совершилъ преступленіе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ

градація потерпѣвшихъ до удивительныхъ мелочей. Интересы лицъ духовнаго званія, которымъ принадлежала тогда въ Россіи большая роль, охраняются различно не только въ зависимости отъ ихъ положенія на іерархической лѣстницѣ, но и въ зависимости отъ принадлежности ихъ къ тому или другому монастырю. Такъ, особыми статьями предусматривается обида лицъ духовнаго званія и каждаго въ отдѣльности; мы перечисляемъ ихъ въ порядкѣ убывающаго значенія: патріархъ, митрополитъ, архіепископъ, епископъ, архимандритъ, игуменъ, казначей, соборный старецъ, рядовой старецъ. Въ то время, какъ обида архимандрита Троицко-Сергіевской Лавры оцѣнивается ста рублями, есть монастыри, обида архимандрита которыхъ влекла за собою обязанность уплаты 20, 25, 30, 35, 40 руб. и дороже.

**Устраши-
тельные
наказанія.** Жестокая расправа съ преступниками становится обычнымъ явленіемъ. Уже названный нами кодексъ Ману, оправдывая наказаніе, говоритъ: „чтобы помочь королямъ въ ихъ управленіи, богъ создалъ наказаніе и оно правитъ человѣческимъ родомъ; наказаніе бодрствуетъ, когда родъ людской спитъ, наказаніе есть сама справедливость.“ Яркими образцами карательныхъ системъ, проникнутыхъ идеей устрашенія, служатъ на Западѣ Бамбергское уголовное уложеніе 1511 г. и т. н. Каролина 1532 г., большинство статей которой списано изъ Бамбергскаго кодекса. Уже одинъ внѣшній видъ этихъ законодательныхъ памятниковъ показываетъ, что ихъ составители возлагали всѣ свои надежды въ борьбѣ съ преступностью на жестокія наказанія. Такъ, на обложкахъ этихъ кодексовъ, а также и на отдѣльныхъ ихъ страницахъ, помѣщены рисунки, наглядно показывающіе какъ слѣдуетъ производить различныя казни и пытки. Оба названныя уложенія устанавливали на ряду съ такъ называемыми „простыми“ способами смертной казни еще „квалифицированные“, т. е. особенно мучительные, въ родѣ слѣдующихъ: виновный долженъ быть разрѣзанъ или разорванъ на четыре части; эти четыре части должны быть повѣшены или выставлены на четырехъ общественныхъ дорогахъ. Но практика шла еще далѣе: судьи сами выдумывали наказанія за преступленія, которыя считались почему либо особенно тяжкими. Трудно повѣрить изощренности человѣческой мысли въ этой области причиненія страданія. Каждый видъ

казни повѣшеніемъ, сожженіемъ, колесованіемъ и пр совершался нѣсколькими способами. Вѣшали на веревкѣ, цѣпяхъ, за шею, за ноги, за ребро на крюкѣ; сдирали съ живого кожу, клали въ бочку, утыканную внутри гвоздями, варили въ кипяткѣ, рвали тѣло щипцами, заливали ротъ расплавленнымъ металломъ, вбивали иглы и т. п.

Для большей устрашительности оставляли трупы казненныхъ возможно дольше на мѣстѣ казни и для этого придумали совершать казнь черезъ повѣшеніе въ особыхъ металлическихъ сѣткахъ. Сохранились средневѣковые рисунки, изъ которыхъ видно, что для повѣшенія устраивались высокія, въ видѣ брандмауера, каменные стѣны съ окнами въ три ряда и въ каждомъ изъ нихъ можно было повѣсить по два и болѣе приговоренныхъ. Казни совершались публично и часто съ очень большою торжественностью, при участіи представителей высшей власти и многочисленнаго духовенства. Наиболѣе серьезными преступленіями въ этотъ періодъ считались религіозныя и, рѣже совершавшіяся, политическія. Къ числу религіозныхъ преступленій относилось также и колдовство, вѣра въ которое была особенно распространена.

Размѣръ и характеръ примѣнявшагося наказанія опредѣлялся не только задачами устрашенія, но и желаніемъ причинить преступнику страданіе, равное злу преступленія. Эта система уголовныхъ каръ носитъ названіе возмездія или тальона. Въ Россіи въ эпоху написанія уложенія 1649 года широко примѣнялись казни отсѣченіемъ головы, повѣшеніемъ, колесованіемъ, сожженіемъ, четвертованіемъ, утопленіемъ, наказанія кнутомъ и др. Грубая жестокость нашего кодекса была прямымъ слѣдствіемъ грубости русскаго общества. Въ то время кнутъ былъ символомъ управленія въ государственной системѣ и въ семьѣ. Именно въ эту эпоху „Домострой“ училъ бить жену плеткою и „сокрушать ребра дѣтямъ въ юности“, а представители высшаго класса развлекались зрѣлищами кулачныхъ боевъ. Въ добавленіе къ коллекціи русскихъ казней, Петръ I-й ввелъ своимъ „Воинскимъ уставомъ“ 1716 г. еще наказанія, заимствованныя у иностранцевъ: убитого на дуэли приказывалось вѣшать за ноги; за нанесеніе раны приказывалось ставить виновнаго подъ висѣлицу и прибивать ему руки гвоздемъ или ножомъ и „гонять шпицрутенами“, т. е. прогонять сквозь

строй солдатъ съ палками. За кражу на сумму болѣе 20 руб. назначалось обрѣзаніе ушей, носа и ссылка въ каторгу (воин. арт., 189); въ главѣ „о страхѣ Божьемъ“, которой предпосланъ эпиграфъ: „Богу единому слава“, за богохуленіе полагается прожженіе языка раскаленнымъ желѣзомъ и отсѣченіе головы и т. д.

Жестокія наказанія, однако, не оказываютъ вліянія на уменьшеніе преступленій. Гнетъ религіозной нетерпимости и мракъ невѣжества приводили къ колоссальному росту религіозныхъ преступленій. Преслѣдованіе еретиковъ и колдуній дѣлали костры сжигаемыхъ жертвъ неугасимыми. Инквизиція всюду видѣла враговъ церкви и всюду находила колдуновъ и вѣдьмъ и справлялась съ ними безпощадно. Она утѣшала просыпавшуюся совѣсть увѣреніемъ, что муки смерти на землѣ спасутъ казненныхъ отъ вѣчныхъ мукъ ада. Казнь становилась богоугоднымъ дѣломъ и принятіе въ ней участія, хотя бы въ видѣ подкладыванія сучьевъ въ костеръ сжигаемаго еретика, вело къ прощенію грѣховъ. Кромѣ этихъ преступленій, сильно увеличились грабежи, разбои, бродяжничество. Они вызывались съ неизбежностью всѣмъ укладомъ жизни того времени: безпрестанныя войны лишали земледѣльца увѣренности, что посѣянное имъ будетъ собрано съ поля; алчность и жестокость помѣщичьей власти дѣлали барина полнымъ хозяиномъ собственности, чести и жизни его крестьянина; это приводило къ обнищанію крестьянина и превращало его въ грабителя и разбойника на дорогахъ. Обезземеленный крестьянинъ становился также и бродягою, но бродяжничество, занесенное теперь въ число тяжкихъ преступленій, влекло за собою суровыя наказанія. Такъ, въ Англіи за бродяжничество въ первый разъ законъ предписывалъ бить плетью до крови, во второй разъ, кромѣ наказанія плетью, отрѣзалось полъ уха, а въ третій разъ — назначалась смертная казнь. Ростъ торговли и развитіе городовъ привлекали туда безработныхъ и на почвѣ особенностей городской жизни создавалась городская преступность.

Начиная съ половины 18 вѣка, начинаютъ дѣлать попытки смягченія наказаній, но онѣ приводятъ къ нѣкоторымъ желательнымъ результатамъ лишь съ начала 19 вѣка. Въмѣсто идеи устрашенія преступника, выдвигается мысль о необходимости его исправленія.

Смягченіе
наказаній.

Исправленіе
преступ-
ника.

Сцены кровавой жестокости на городских площадях уже претятъ общественному мнѣнію. Раздающіеся сначала очень робко голоса о равенствѣ всѣхъ передъ лицомъ уголовного законодателя встрѣчаются съ горячимъ сочувствіемъ особенно тѣхъ, кто сильнѣе страдалъ отъ этого неравенства. Такъ, передъ великой французской революціей третье сословіе выступаетъ съ опредѣленной программой требованій реформы въ области уголовного законодательства. Въ наказахъ этого сословія избраннымъ депутатамъ вопросы уголовного права занимаютъ одно изъ самыхъ важныхъ мѣстъ. Нѣтъ такого наказанія, относительно котораго не высказывалось бы третье сословіе, требуя или полной его отмѣны, или смягченія: если оно говоритъ о смертной казни, то настаиваетъ на ограниченіи области ея примѣненія, на отмѣнѣ квалифицированныхъ казней; оно требуетъ улучшенія тюрьмы. Ни въ наказахъ дворянства, ни въ наказахъ духовенства, мы не находимъ такого вниманія къ мѣрамъ уголовной репрессіи. Вопросъ о преступленіи интересовалъ сословія дворянъ и духовенства болѣе, нежели наказанія. Но третье сословіе и въ данномъ случаѣ отстаиваетъ принципъ равенства и въ громадномъ большинствѣ своихъ наказовъ въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ требуетъ отмѣны законовъ объ охотѣ, которая была привилегіей высшихъ классовъ. Наконецъ, организація уголовной юстиціи также сильно интересовала общественное мнѣніе и въ частности наиболѣе многочисленное третье сословіе.

Дѣйствующіе въ настоящее время кодексы были созданы въ эпоху этихъ новыхъ общественныхъ вѣяній: мѣры уголовной репрессіи были значительно смягчены; въ нѣкоторыхъ государствахъ была отмѣнена смертная казнь, клейменіе, тѣлесныя наказанія; вездѣ было улучшено тюремное заключеніе; отправленіе уголовного суда было организовано на новыхъ началахъ, съ установленіемъ публичности, гласности процесса и съ привлеченіемъ въ число судей членовъ самого общества. Однако, нельзя и теперь сказать, что принципъ равенства нашелъ себѣ полное осуществленіе: въ нѣкоторыхъ случаяхъ остались сословныя неравенства, но чаще явились новыя, вытекающія изъ особенностей капиталистическаго строя (напримѣръ, болѣе строгая отвѣтственность рабочаго и прикащика за разглашеніе тайны производства, нежели фабриканта за неисполненіе предпи-

саній объ охрaнѣ здоровья и жизни работающихъ у него въ предпріятіи и т. д.).

**Современ-
ные уго-
ловные
кодексы.** Большинство изъ дѣйствующихъ въ настоящее время уголовныхъ кодексовъ въ различныхъ государствахъ значительно устарѣли и вопросъ объ изданіи новыхъ уложеній стоитъ на очереди въ Германіи, Австріи, Франціи, Россіи и другихъ странахъ.

Наиболѣе старымъ кодексомъ является французское уложеніе, вступившее въ силу еще въ 1810 году. Конечно, сто лѣтъ протекшія со времени его обнародованія, не прошли безслѣдно для содержанія этого уголовного уложенія: были значительно измѣнены статьи какъ особенной части, т. е. устанавливающія понятія различныхъ преступленій и наказаніе за нихъ, такъ и статьи общей части, въ которой содержатся общія понятія о преступномъ дѣяніи, условіяхъ отвѣтственности, размѣрахъ примѣняемаго наказанія и пр. Происшедшія измѣненія дали часто старому кодексу новое содержаніе, но смѣшеніе стараго съ новымъ на однихъ и тѣхъ же страницахъ уложенія, не служило, конечно, къ поднятію его достоинства. Съ нѣкоторыми измѣненіями французскій кодексъ дѣйствуетъ также и въ Бельгіи, Люксембургѣ и Монако.

Въ Германіи дѣйствуетъ „Обще-Имперское уголовное уложеніе“. До 1876 г. въ каждомъ изъ германскихъ государствъ было свое уложеніе. Правительство Германіи приготовило теперь проектъ новаго уложенія. Научная мысль дѣятельно готовится къ обсужденію этого проекта: издано нѣсколько томовъ большой научной цѣнности: „сравнительнаго сопоставленія германскаго уголовного законодательства съ иностранными“; тремя профессорами совмѣстно выработанъ контръ-проектъ, ведется энергичная полемика между представителями различныхъ научныхъ направленій.

Въ Австріи дѣйствуетъ уложеніе отъ 27 мая 1852 г., которое является лишь улучшеннымъ изданіемъ уложенія отъ 1803 г. Мысль о новомъ кодексѣ давно занимаетъ австрійское правительство: было выработано нѣсколько проектовъ, не получившихъ силы закона. Послѣдній проектъ опубликованъ два года тому назадъ. Въ Венгріи до сихъ поръ въ силѣ уложеніе 1880 г., въ Испаніи—уложеніе 17 іюня 1870 г., въ Даніи—отъ 10 февраля 1866 г., въ Португаліи—отъ 10 декабря

1852 г. Въ Швейцаріи выработанъ проектъ обще-швейцарскаго уложенія, но пока каждый кантонъ имѣетъ свой кодексъ. Въ Англіи нѣтъ уголовного уложенія; здѣсь примѣняются отдѣльные уголовные законы.

Въ Россіи имѣется нѣсколько уголовныхъ кодексовъ. До 1864 г. дѣйствовало лишь одно уложеніе, изданное въ 1845 г., переизданное нѣсколько разъ. Въ 1864 году былъ изданъ „Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями“. Наконецъ, 22 марта 1903 г. было Высочайше утверждено „Уголовное уложеніе“. „Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ“ (послѣднее изданіе его вышло въ 1885 г., а продолженія къ нему въ 1906, 1908 и 1909 г.г.) содержитъ постановленія о болѣе тяжелыхъ преступленіяхъ, ответственности за совершеніе которыхъ виновные подлежатъ передъ общими судебными мѣстами. Наоборотъ, „Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями“, примѣняется единоличными или мѣстными судами. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ преступленіе, указанное въ „Уложеніи“ подлежитъ суду мѣстному и, наоборотъ, но говорить объ этихъ исключеніяхъ не представляется необходимымъ въ данномъ мѣстѣ. Что касается „Уголовнаго Уложенія“ 1903 г., то въ дѣйствіе введены лишь нѣкоторыя его главы: первыя четыре главы полностью, почти вся 5-ая и нѣкоторыя статьи изъ другихъ главъ, т. е. общія постановленія о преступленіи и наказаніи (1—72 ст. ст.), статьи о религіозныхъ и государственныхъ преступленіяхъ (2—5 гл.), о противодѣйствіи правосудію и др. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что устарѣло „Уложеніе о наказаніяхъ 1845 г.“, но то же приходится сказать и относительно „Уголовнаго уложенія“: оно состарилось раньше, чѣмъ были введены въ дѣйствіе указанные выше его части: работы по его составленію начались еще въ 1879 г., т. е., болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ.

Кромѣ этихъ кодексовъ, имѣются: „Воинскій Уставъ о наказаніяхъ“, „Уставъ о ссыльныхъ“, „Собраніе церковныхъ законовъ“ и нѣкоторые другіе законы, содержащіе въ себѣ статьи о преступленіяхъ и наказаніяхъ за нихъ лицъ воинскаго званія, духовныхъ, крестьянъ, ссыльныхъ и др.

Литература. В. Сергѣевичъ: Лекціи и изслѣдованія. 4-е изд. 1910 г., 352—453 стр. Черри. Развитие карательной власти въ древнихъ общинахъ. Пер. съ англ. съ предисл. П. Люблинскаго. Спб. 1907 г. Кистяковский А. Элементарный учебникъ общаго уголовного права 3 изд. Кіевъ 1890 г. § 22—36. Сергѣевскій Н. Наказанія въ русскомъ правѣ XVII вѣка. Спб. 1887 г.

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Исторія науки уголовного права.

**Разработка
вопросовъ
уголовнаго
права въ
древнемъ
мірѣ.** Въ настоящее время въ наукѣ уголовного права идетъ горячая борьба между различными школами относительно содержанія и. методовъ науки и относительно способовъ борьбы съ преступленіями.

Споръ относительно объема содержанія науки уголовного права и тѣсно связаннаго съ нимъ вопроса о методахъ начался недавно — съ конца 70-хъ годовъ прошлаго вѣка. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ вопросомъ о способахъ борьбы съ преступностью или вѣрнѣе о тѣхъ цѣляхъ, которыя должна преслѣдовать карательная политика государства. Уже древнѣйшіе философы Греціи, Рима, Іудеи, Египта и другихъ странъ задумывались надъ цѣлями наказанія и выдвигали два различныхъ начала: одни видѣли въ наказаніи осуществленіе требований идеи справедливости, а другіе отводили ему болѣе скромную, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе практичную цѣль — служеніе поддержанію правопорядка. Такъ, Пифагоръ и его ученики настаивали, что наказаніе преступника вызывается самою справедливостью, требующею, чтобы совершившій зло понесъ равное зло. Наоборотъ, школа софистовъ (Протагоръ, Калликлесъ, Критіасъ), оставляя въ сторонѣ идею возмездія или отмщенія, настаивала на необходимости исправленія преступника или его обезвреженія для соціальнаго организма. Великій философъ Греціи, Платонъ, не провелъ строго опредѣленной точки зрѣнія: онъ то видѣлъ въ наказаніи средство возмездія, то средство устрашенія или исправленія. Но рекомендуемая имъ система устрашенія чужда тѣхъ жестокостей, которыми богата, какъ мы увидимъ ниже, средневѣковая доктрина: для философа наказаніе печальная необходимость, оправдываемая цѣлями общежитія. Характерно, что этотъ древнѣйшій мыслитель старался сузить область примѣненія смертной казни, допуская ее только по отношенію къ неисправимымъ преступникамъ, на которыхъ не оказали благотворнаго вліянія другія наказанія. Помимо этого вопроса, Платонъ затрагивалъ также цѣлый рядъ другихъ изъ области ученія о преступленіи и наказаніи. Онъ останавливался на мотивахъ преступной дѣятельности и сумѣлъ возвыситься надъ учеными позднѣйшихъ вѣковъ, такъ какъ требовалъ, чтобы на-

казаніе постигало только виновныхъ и не распространялось на ихъ родныхъ. Профессоръ Чубинскій, у котораго мы находимъ подробное изложеніе уголовно-политическихъ взглядовъ Платона, справедливо замѣчаетъ, что философъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оставался вѣрнымъ духу своего времени. Такъ, онъ далекъ отъ проведенія принципа равенства наказаній, примѣняемыхъ къ свободнымъ гражданамъ и рабамъ. Рабъ считался собственностью господина, который и могъ его безнаказанно убить, а за убійство чужого раба отвѣчалъ лишь возмѣщеніемъ убытковъ. Платонъ останавливался на вопросѣ о причинахъ преступленій и указывалъ въ числѣ ихъ на невѣжество, а поэтому и требовалъ отъ правительства предупрежденія преступленій посредствомъ соотвѣтствующаго воспитанія гражданъ. Онъ отводилъ широкую роль прощенію или примиренію и признавалъ необходимость уменьшенія наказанія, въ случаѣ совершенія преступленія по неосторожности, по молодости лѣтъ и проч.

Римляне занимались вопросами уголовного права болѣе грековъ. Въ памятникѣ римской юриспруденціи-дигестахъ — мы находимъ выдержки изъ трудовъ Ульпіана, Павла, Марціана и др. Знаменитый ораторъ Цицеронъ умѣлъ удачно затрагивать общіе вопросы о преступленіи и наказаніи въ своихъ рѣчахъ, посвященныхъ частнымъ случаямъ. Но блестяще начавшееся развитіе криминалистической мысли у римлянъ было остановлено паденіемъ Рима, когда тамъ утвердили свое господство народы, стоявшіе по своей культурѣ значительно ниже римлянъ.

Господство варваровъ смѣнилось затѣмъ господствомъ церкви, оказавшимся также очень неблагоприятнымъ для научной мысли: священное писаніе считалось безспорнымъ матерьяломъ не только для разрѣшенія вопросовъ религіи, но и для провѣрки правильности научныхъ открытій. Тамъ, гдѣ старые римляне, обращаясь къ толкованію уголовного закона, искали разрѣшенія въ трудахъ научной мысли своихъ философовъ и юристовъ, юриспруденція интересующаго насъ періода ссылалась на авторитеты текстовъ, взятыхъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Изъ первой главы мы уже видѣли, что религіозныя преступленія получаютъ въ это время значеніе самыхъ страшныхъ. Сообразно съ этимъ и ученые этого періода писали обширныя

Наука уголовного права въ средніе вѣка.

изслѣдованія о вѣдмахъ, о преслѣдованіи колдуновъ, еретиковъ и пр. Образцомъ такихъ работъ можетъ служить, напримѣръ, вышедшее въ 1556 году „Собраніе знаменитѣйшихъ для всѣхъ законовѣдовъ необходимѣйшихъ и полезнѣйшихъ трактатовъ“. Сюда вошли труды болѣе двадцати криминалистовъ на указанные нами выше темы. Двое изъ этихъ авторовъ спорили: летаютъ ли вѣдьмы на шабашъ тѣлесно или переносятся туда лишь духовно, оставляя свое тѣло въ обычномъ мѣстѣ своего пребыванія. И тотъ авторъ, который доказывалъ, что вѣдьмы уносятъ на шабашъ и свое тѣло, ссылаясь въ подтвержденіе этого на случаи изъ собственной судебной практики. Въ 1487 г. вышла книга подъ заглавіемъ „Молоть вѣдьмамъ“. Она была написана двумя духовными авторами Шпренгеромъ и Инстититоромъ съ благословенія самого папы и доказывала зачатіе женщинами отъ животныхъ, порчи колдунами урожаевъ и пр. Ко всѣмъ этимъ „преступленіямъ“ авторы книги относились съ самою безчеловѣчною жестокостію, но книга пользовалась большимъ успѣхомъ и въ теченіи 33 лѣтъ вышла въ 13 изданіяхъ. Самымъ яркимъ представителемъ этого теченія въ области уголовного права былъ Бенедиктъ Карпцовъ, пользовавшійся громаднымъ авторитетомъ. Его очень обширная работа вышла въ 1638 году и, какъ теперь доказано, была лишена всякой оригинальности и творчества самого автора въ ней было очень мало.

Школа естественнаго права. Книга Карпцова появилась въ то время, когда уже зарождалось нсвсе побѣдонссное направленіе въ изученіи права, извѣстное подъ именемъ школы естественнаго права (глашатай этого ученія Гуго Гроцій опубликовалъ свою книгу „О войнѣ и мирѣ“ въ 1625 г.). Изъ ученыхъ, которые примкнули къ борцамъ противъ вѣры въ колдовство и потребовали отмѣны жестокихъ казней и обращенія большаго вниманія на предупрежденіе преступленія посредствомъ воздѣйствія на порождающія его причины, особенною извѣстностью пользуются Томазій, профессоръ въ университетѣ г. Галле, Монтескье, Беккарія, Бентамъ. Но значительно ранѣе этихъ ученыхъ англичанинъ Томасъ Моръ развилъ въ своемъ политическомъ романѣ „Утопія“ идеи о необходимости отмѣны смертной казни за воровство и о перенесеніи центра вниманія въ борьбѣ съ преступленіями съ репрессіи на предупрежденіе ихъ посредствомъ полнаго и радикальнаго переустройства го-

сударства и общества съ отрицательною частною собственности. Но хотя „Утопія“ Мора и доставила автору большую извѣстность, однако его идеи были слишкомъ новы для его времени и не могли найти себѣ практическаго осуществленія.

Беккарія. Иначе было съ краснорѣчивымъ и талантливимъ призывомъ Беккарії. „Лучше управлять людьми свободными и счастливыми, чѣмъ владычествовать надъ стадомъ трепещущихъ рабовъ“, писалъ Беккарія и возсталъ противъ господствовавшей тогда системы устрашенія. Почва для его идей была уже подготовлена. Они отвѣчали лучшимъ стремленіямъ вѣка. Это было то переходное время, когда старый порядокъ получалъ ударъ за ударомъ, а идейные борцы новаго строя зорко стояли на своихъ постахъ. Имена Вольтера, Дидеро, Юма и др. пользовались широкою извѣстностью, а носители этихъ именъ видѣли въ Беккарії своего союзника. Книга Беккарії (род. 1738 г.) появилась на итальянскомъ языкѣ въ 1764 г. подъ заглавіемъ „О преступленіяхъ и наказаніяхъ“. Какъ показываетъ это заглавіе работы молодого итальянскаго ученаго, она вся посвящена вопросамъ уголовного права-преступленіямъ и наказаніямъ. Но разсужденія автора о наказаніяхъ имѣютъ несравненно большее значеніе. Въ основаніе карательной системы Беккарія кладетъ положеніе, что наказаніе имѣетъ цѣлью охрану общественнаго порядка. Наказаніе, не удовлетворяющее этой цѣли, несправедливо. Съ этой точки зрѣнія жестокость наказанія является зломъ не только потому, что жестокія наказанія не спасаютъ общество отъ преступленій, но и потому, что они противны гуманности. Высказываясь противъ смертной казни и требуя ея замѣны пожизненнымъ заключеніемъ, Беккарія энергично высказывался противъ пытки, противъ общаго отобранія имущества осужденнаго (конфискаціи) и требовалъ суда скораго и милостиваго. Онъ предупреждалъ отъ злоупотребленій правомъ помилованія, высказался за необходимость равенства всѣхъ передъ лицомъ уголовного законодателя, осудилъ широко практиковавшійся въ то время обычай давать денежныя награды за выдачу или убійство болѣе важныхъ преступниковъ. Добавимъ, что Беккарія высказалъ нѣсколько мыслей о зависимости между соціальною средой и преступленіями, но очень кратко и лишь попутно, не остановившись на ихъ подробномъ развитіи.

Почти въ одно время съ книгою Беккаріи появились труды другихъ авторовъ, пытавшихся обратить общественное вниманіе въ борьбѣ съ преступностью на новые пути. Если Беккарія видѣлъ спасеніе въ уничтоженіи жестокости наказаній и въ замѣнѣ безграничнаго произвола судьи дѣятельностью суда, поставленнаго въ опредѣленныя закономъ границы, то раздались и другіе призывы, оставшіеся, однако, пока не услышанными. Въ 1781 г. Лафатеръ, въ 1796 г. Кабанисъ опубликовали свои труды о связи между внѣшнею и внутреннею организаціями человѣка, о значеніи наслѣдственности. Въ то же время вышелъ рядъ талантливыхъ и смѣлыхъ работъ, доказывавшихъ связь между преступностью и общественно-политическимъ строемъ государства. Таковы: „Философское изысканіе о правѣ собственности и о воровствѣ“ 1782 г. Бриссо-де-Варвилля, его же „Теорія уголовныхъ законовъ“ 1781 г., книга Марата „Планъ уголовного законодательства“ 1780 г. и др.

Классическая школа въ наукѣ уголовного права. Какъ не были дерзки для того времени требованія Беккаріи, повлекшія за собою даже доносы на него въ подстрекательствѣ къ бунту, они были менѣе радикальны, чѣмъ ученія указанныхъ нами предшественниковъ антропологической и особенно соціологической школъ. Беккарія не измѣнялъ системы борьбы съ преступностью: онъ не отрицалъ наказанія, но лишь требовалъ его смягченія. Ученіе же психіатровъ-врачей приводило къ замѣнѣ наказанія леченіемъ преступника, а доктрина соціологовъ провозглашала необходимость ряда очень глубокихъ общественныхъ реформъ. Юристамъ идеи Беккаріи были ближе, чѣмъ новые принципы психіатровъ-врачей и соціологовъ. Воспринятыя криминалистами мысли итальянскаго ученаго легли въ основаніе т. н. классическаго направленія въ наукѣ уголовного права. Наиболѣе характерною его чертою является ограниченіе содержанія нашей науки изученіемъ преступленія и наказанія исключительно съ юридической точки зрѣнія при помощи логическаго метода. Преступленіе для этой школы есть только понятіе, а преступникъ только человѣкъ, совершившій преступленіе. Криминалисты-классики исключали разсмотрѣніе какъ причинъ преступности, такъ и особенностей преступника, отнеся это къ области другихъ дисциплинъ. Они замкнулись въ тѣсныя рамки догмы, за предѣлами которой отказывались видѣть какіе бы то

ни было другіе вопросы, достойные ихъ вниманія. Однако, такое ограниченіе содержанія науки юридическими понятіями не мѣшало имъ останавливаться иногда съ удивительною подробностью на вопросахъ, входившихъ въ область отвлеченной философіи. Къ числу наиболѣе часто затрагиваемыхъ такихъ чисто философскихъ проблемъ надо отнести, напримѣръ, тему о правѣ наказанія. Не смотря на очень значительное число различныхъ теорій въ обоснованіе этого права, сторонники классической школы не перестаютъ и теперь дѣлать въ этомъ же направленіи новыя попытки. Объясненіе этому, а также и другимъ мало оригинальнымъ, но многочисленнымъ теоріямъ о причинной связи, объ отличіи гражданской неправды отъ уголовной и пр. слѣдуетъ искать въ ограниченности того поля, на которомъ работаетъ мысль криминалиста догматика. Обиліе этихъ теорій, иногда всецѣло относившихся къ области метафизики и пополненіе содержанія изслѣдованій составленіемъ комбинацій различныхъ возможныхъ случаевъ придаетъ наукѣ уголовного права въ ея изложеніи классиками характеръ полнѣйшей оторванности отъ жизни. Классическая школа признала за преступникомъ отрицавшееся ранѣе человѣческое достоинство. Преступникъ былъ для прежняго времени нисшимъ существомъ, подпавшимъ власти дьявола и потому считался заслуживающимъ самыхъ жестокихъ наказаній. Для полученія признанія въ винѣ заподозрѣннаго можно было пытаться. Классики возвели преступника на степень человѣка и провозгласили тождество преступнаго и не преступнаго человѣка. Но провозглашеніе этого равенства избавляло ихъ отъ необходимости изученія преступника. Самый фактъ преступленія начали объяснять злою волею виновнаго. Эта воля первоначально объявлялась свободною и только развитіе въ психологіи и философіи противоположной доктрины привело къ попыткамъ построенія отвѣтственности преступниковъ на началахъ несвободы воли. Одни изъ авторовъ исходили при этомъ изъ цѣлей общаго предупрежденія преступленій, а другіе—частнаго, т. е. одни полагали, что *угроза* наказаніемъ дѣйствуетъ благотворно на всѣхъ, а другіе придавали большое значеніе наказанію въ его *примѣненіи* къ преступнику. Наконецъ, многіе признавали необходимость обоихъ видовъ этого предупрежденія. Но всѣ сторонники классическаго направленія интересовались изъ многихъ средствъ

борьбы съ преступленіемъ только однимъ наказаніемъ. Различіе между ними было лишь въ томъ, что одни отстаивали болѣе суровыя, а другіе болѣе мягкія мѣры репрессіи.

Заслугою классической школы былъ юридическій анализъ многихъ вопросовъ уголовного законодательства, а ея недостаткомъ — узкость ея основной точки зрѣнія, сопровождавшаяся полнымъ пренебреженіемъ къ изученію такихъ живыхъ явленій дѣйствительности, какъ самъ преступникъ и причины преступленій.

Уголовно-антропологическая школа.

Заслуга обращенія вниманія криминалистовъ на самого преступника принадлежитъ туринскому профессору Ломброзо. Врачъ-психіатръ, профессоръ судебной медицины, онъ опубликовалъ въ одномъ періодическомъ изданіи рядъ статей въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго вѣка и выпустилъ ихъ въ 1876 году первымъ изданіемъ, въ 1878 году — вторымъ, а позднѣе еще въ нѣсколькихъ изданіяхъ на французскомъ, итальянскомъ, нѣмецкомъ языкахъ подъ заглавіемъ: „Преступный человекъ, антропология, судебная медицина, юриспруденція и тюремовѣдѣніе“. Эта работа вызвала бурю споровъ. Широкая постановка вопросовъ давала возможность принять участіе въ начавшемся обсужденіи идей туринскаго профессора представителямъ различныхъ научныхъ спеціальностей. Спорящіе раздѣлились вначалѣ на два враждующихъ лагеря: одни примкнули къ новатору, другіе старались доказать непоколебимую правильность устоевъ, на которыхъ покоилась доктрина науки уголовного права. Но авторъ новаго труда, наоборотъ, доказывалъ ошибочность основныхъ положеній господствовавшей школы: онъ отрицалъ свободу воли, признававшуюся почти всѣми криминалистами; на смѣну понятія преступленія, какъ юридического явленія, онъ выдвигалъ ученіе о немъ, какъ явленіи естественнаго порядка; въ противоположность утвердившемуся тогда взгляду на преступника какъ на человека, ничѣмъ неотличающагося отъ негреступнаго, онъ развилъ свою теорію о преступности, какъ явленіи атакизма, вырожденія и какъ продуктъ эпилепсіи; онъ потребовалъ господства позитивнаго метода опыта и наблюденія; въ борьбѣ съ преступностью онъ рѣшился отстаивать мѣры, противъ которыхъ боролась старая школа. Въ виду того большаго значенія, которое принадлежитъ труду Ломброзо въ исторіи нашей науки, мы остановимся на немъ подробно.

Эмбріологія
преступле-
нія

Ломброзо починає своє дослідження з ембріології преступлення, подь которой онъ разумѣетъ ученіе о преступленіи съ естественной точки зрѣнія. Для криминалиста классической школы преступленіе всегда было только юридическимъ событіемъ. Для Ломброзо оно не является исключительнымъ достояніемъ правовой жизни, но фактомъ, встрѣчающимся не только у всѣхъ представителей животнаго міра, но даже среди нѣкоторыхъ растеній. Онъ называетъ эти факты эквивалентными или равнозначущими преступленію. Такъ, онъ заноситъ въ разрядъ преступныхъ растенія, питающіяся не соками земли, но не совсѣмъ обычнымъ для растеній способомъ — тѣми насѣкомыми, которыя садятся на ихъ листья. Эти растенія, по словамъ автора, совершаютъ какъ бы убійства насѣкомыхъ, привлекая ихъ запахомъ: заманивъ къ себѣ на листокъ, они всасываютъ ихъ. Но еще болѣе сходства съ преступленіями человека авторъ видитъ въ нѣкоторыхъ явленіяхъ жизни животнаго. Онъ заноситъ въ число убійць слоновъ, собакъ; онъ считаетъ грабителями муравьевъ, грабящихъ жилища другихъ муравьевъ, находитъ дѣтоубійство, отцеубійство, воровство и даже мошенничество у дикихъ и домашнихъ животныхъ. Изученіе этихъ явленій должно, по словамъ Ломброзо, приблизить насъ къ познанію преступнаго человека, такъ какъ животныя надѣлены, по его утвержденію, тѣми же страстями, что и люди. Въ отдѣлѣ эмбріології преступленія входитъ также изученіе преступности среди дикарей. Изысканія автора имѣютъ цѣлью показать, что преступленіе, какъ естественное явленіе, не только знакомо дикимъ племенамъ, но является у нихъ общимъ правиломъ. Впрочемъ, у нихъ не всегда считаются преступными дѣйствія, запрещенныя подь страхомъ наказанія въ наши дни: дѣтоубійство, отцеубійство, людоедство, производство выкидыша и пр. часто считаются дозволенными у дикарей и, наоборотъ, преступленіями считаются нѣкоторыя отступленія отъ обычаевъ, религіи. Эта часть труда Ломброзо имѣетъ большое значеніе для его теоріи: въ началѣ своей научной дѣятельности онъ вполне отождествлялъ преступнаго человека съ дикаремъ. Совершая преступленія, современный преступникъ поступалъ такъ, по ученію Ломброзо, потому, что являлся на свѣтъ больной, ненормальной организаціей: въ немъ какъ бы воскресалъ къ жизни его отдаленный предокъ-дикарь. Но въ то время, какъ этотъ предокъ

могъ безнаказанно грабить, насиловать, убивать, его потомокъ встрѣчаетъ преслѣдованіе карающаго меча уголовной юстиціи въ новыхъ окружающихъ его условіяхъ современной цивилизаціи. Первая часть книги Ломброзо заканчивается изслѣдованіемъ ребенка. Отдавая большое значеніе средѣ, воспитанію, примѣру, подѣ вліяніемъ которыхъ вырастаетъ ребенокъ, авторъ доказывалъ, что очень часто многіе пороки и преступленія обнаруживаются уже въ самомъ раннемъ дѣтствѣ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ они врождены ребенку: тогда воспитаніе оказывается безсильнымъ. Относясь отрицательно къ исправительнымъ пріютамъ, Ломброзо полагалъ, что было бы лучше замѣнить ихъ домами для сумасшедшихъ или такими учрежденіями, въ которыя можно было бы заточать малолѣтнихъ съ выраженными признаками преступности.

**Внѣшность
преступни-
ка**

Во второй части своего труда туринскій профессоръ изучаетъ патологию и антропOMETPію преступленія. Вооружившись измѣрительными аппаратами, онъ подробно изслѣдовалъ всѣ части тѣла преступника и сравнилъ ихъ съ соотвѣтствующими частями тѣла нормального человека, подѣ которымъ онъ разумѣлъ не совершавшаго преступленія. Изслѣдованію были подвергнуты не только внѣшняя форма органовъ тѣла, но и внутреннее ихъ строеніе: были измѣрены, взвѣшены и подробно изучены черепа, мозги, форма лица, носы, уши преступника, біеніе его сердца, свойства крови, мочи, его желудокъ, ростъ, вѣсъ, зрѣніе, слухъ, цвѣтъ глазъ, волосъ и проч. Въ послѣднемъ пятомъ изданіи своего труда о преступномъ человекѣ, какъ и въ прежнихъ изданіяхъ, а также въ позднѣйшемъ собраніи его новѣйшихъ работъ о преступникѣ, вышедшихъ на нѣмецкомъ языкѣ въ 1907 г., Ломброзо характеризуетъ внѣшній обликъ преступника самыми непривлекательными чертами. Этому внѣшнему безобразію и глубокимъ отступленіямъ отъ нормы вполне отвѣчаетъ внутреннее уродство преступника. Голова его безобразна. Черепа большею частью небольшого размѣра: при сравненіи 14 размѣровъ череповъ, первый самый маленькій размѣръ былъ найденъ только у преступниковъ, а четырнадцатый и тринадцатый размѣры, — самые большіе — у преступниковъ не были найдены вовсе; размѣры четвертый, пятый и шестой — ниже средняго, — были найдены чаще у преступниковъ. Однако, большіе, — десятый и двѣнадцатый, — размѣры были чаще найдены также у преступниковъ. Форма черепа, по изысканіямъ сторонни-

ковъ школы Ломброзо, большею частью неправильная. Она характеризуется слишкомъ покатымъ лбомъ или выдающимися впередъ сильно развитыми лобными пазухами. Прибавьте сюда неправильную постановку глазныхъ впадинъ, огромныя обезьяньи челюсти и выдающіяся скулы, толстыя мясистыя уши, загнутый или свернутый на сторону носъ, слишкомъ тонкія или, наоборотъ, непомѣрно толстыя губы, и вы получите портретъ преступнаго человѣка. Изученіе строенія лица привело сторонника Ломброзо, де-Блазіо, къ разнесенію всѣхъ существующихъ формъ лица на десять категорій по геометрическимъ фигурамъ, которыя напоминаютъ эти лица. Онъ нашелъ, что наиболѣе совершенныя формы — овальное лицо и эллипсисъ — были найдены значительно чаще у неприступныхъ людей, а ромбъ, прямоугольникъ, треугольникъ, квадратъ и восьмиугольное лицо, наоборотъ встрѣчались чаще у преступниковъ.

Все, что мы говорили до сихъ поръ, относилось къ преступникамъ безъ раздѣленія ихъ на группы по преступленіямъ. Но, по ученію Ломброзо, у каждой спеціальной преступности есть своя фізіономія. Такъ, убійцы отличаются холоднымъ, неподвижнымъ, стекляннымъ взглядомъ; носъ ихъ загнутъ какъ у хищной птицы; уши мясистыя и вмѣстѣ съ тѣмъ длинныя; растительность чрезвычайно обильная, но не на лицѣ, скулы большія, зубы длинные, а губы часто тонкія. Преступники-воры имѣютъ маленькіе быстро бѣгающіе глаза, рѣдкую бородку и подвижное лицо. Преступники по половому побужденію имѣютъ толстыя губы, большія челюсти и т. п.

Критика совершенно справедливо направила свои удары особенно на эти выводы Ломброзо. Она указала на противорѣчія въ работахъ различныхъ сторонниковъ этой школы: одни изъ нихъ опредѣляли иногда очень высокою цифрою найденную ими аномалію, въ то время какъ другіе почти не находили ее; авторы расходились между собою также и въ признаніи за тою или другою особенностью значенія аномаліи, свойственной только преступнику или вообще характерной для него.

Татуировка у преступниковъ. Въ отдѣлѣ, посвященномъ психологіи и біологіи преступника, Ломброзо пытается доказать сходство преступника съ дикаремъ указаніемъ на склонность ихъ обоимъ къ татуировкѣ, на характеръ преступнаго жаргона или языка, при посредствѣ котораго они между собою объясняются.

Татуировка, т. е. покрытіе своего тѣла рисунками, дѣйстви- тельно очень распространена среди преступниковъ въ нѣкото- рыхъ государствахъ, но не во всѣхъ. Такъ, въ Россіи она встрѣ- чается рѣдко. Критики Ломброзо вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ на распространеніе татуировки среди моряковъ и представите- лей нѣкоторыхъ другихъ профессій. Изслѣдованіе о татуировкѣ въ Бельгіи, произведенное Вервекомъ надъ весьма большимъ числомъ лицъ, выяснило связь между характеромъ рисунка и профессіей лица (напечатано въ 1906 году въ 25 т. тру- довъ Брюссельскаго антропологическаго общества). Весьма рас- пространенною оказывается татуировка и среди посѣтителей чти- маго католиками Лурда; здѣсь особыя лица занимаются этимъ ремесломъ, чтобы дать возможность богомольцамъ унести на самихъ себѣ неизгладимыя воспоминанія посѣщенія святыни (съ помощью иглы и краски дѣлаются на рукахъ или груди изобра- женія святыхъ, креста, ангеловъ и пр.). Пребываніе въ тюрьмѣ, въ связи съ праздною и отсутствіемъ пищи для работы ума и для всякихъ впечатлѣній, является причиною распространенія татуировки особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда среди заключен- ныхъ находится татуировщикъ или лицо, хотя сколько нибудь знакомое съ этимъ искусствомъ. Справедливо одинъ изъ сто- ронниковъ новой школы, такъ называемой соціологической, Тардъ указывалъ, что въ то время, какъ преступникъ избѣгаетъ тату- ировать свое лицо, избирая для этого скрытыя части тѣла, ди- карь, наоборотъ, особенно тщательно разрисовываетъ свое лицо.

**Жаргонъ
преступни-
ковъ.**

Другою особенностью, сближающею преступника съ дикаремъ, Ломброзо считаетъ жаргонъ преступни- ка. Въ всякаго сомнѣнія, что такой языкъ у пре- ступниковъ существуетъ. Честь его открытія принадлежитъ не Ломброзо: онъ извѣстенъ съ очень давняго времени. Но заслу- гой представителя уголовно-антропологической школы является обращеніе вниманія криминалистовъ на эту сторону преступни- ка: „наука“, говоритъ онъ, „найдетъ въ этомъ языкѣ средство понижить въ душу этихъ отверженныхъ; при посредствѣ его можно видѣть каковы ихъ идеи о справедливости, о жизни, о душѣ и нравственности“. Языкъ преступниковъ характеренъ и своею образностью и ѣдкимъ остроуміемъ часто довольно ци- ничнаго свойства. Нѣкоторыя слова образуются по созвучію: такъ пистолетъ обозначается словомъ „пуфъ“, часы слогами—

„тикъ-тикъ“, взломъ — „фрикъ-фракъ“. Въ этихъ словахъ Ломброзо видитъ особенное сходство языка преступника съ языкомъ дикаря. Стыдъ обозначается словомъ краска, луну зовутъ шпіономъ, палача мировымъ судьей, адвоката — прачкой, тюрьму — училищемъ, ноги — сучками и т. д. Въ словарь жаргона русскихъ преступниковъ мы находимъ сходныя слова. Такъ, сыщика зовутъ борзымъ, судебного пристава — дьячкомъ, судебныя пренія — грызнею, тюрьму — постоялымъ дворомъ и т. д., адвоката — врачомъ, прокурора — дворникомъ, мирового судью — Мирономъ Никитичемъ, вошь — купчихою, клопа — бекасомъ, полицію — фараоновымъ племенемъ; слово „рѣшенный“ означаетъ присужденнаго на долгіе сроки въ каторгу, „туковать“ — перестукиваться, „париться“ — содержаться въ полицейскомъ участкѣ и т. д.

Общераспространенное мнѣніе о происхожденіи языка преступниковъ объясняетъ его тѣми условіями, въ которыхъ живетъ преступный міръ, находящійся въ постоянной опасности преслѣдованія. Преступленіе объединяетъ арестантовъ въ одну корпорацію съ общими интересами и съ одними и тѣми же врагами. Условія жизни профессиональнаго преступника съ необходимостью вызываютъ потребность укрываться и постоянно быть на сторожѣ. Своеобразный языкъ служитъ однимъ изъ средствъ такого укрывательства и сохраненія въ тайнѣ того, чего не должны знать непрінадлежащіе къ преступному міру. Извѣстно, что особый языкъ или жаргонъ также существуетъ у представителей нѣкоторыхъ профессій: необходимость сговориться между собою о цѣнѣ въ присутствіи покупателя вызываетъ къ жизни этотъ жаргонъ. Ломброзо признаетъ большое значеніе за этимъ факторомъ образованія преступнаго жаргона, но онъ придаетъ также большое значеніе атакъизму: „атакъизмъ имѣетъ здѣсь большее значеніе, чѣмъ что нибудь другое: преступники говорятъ не такъ какъ мы, потому что чувствуютъ иначе; они говорятъ, какъ дикари, потому что они настоящіе дикари среди блестящей европейской цивилизаціи“. Болѣе правильнымъ является объясненіе особенностей жаргона преступниковъ особенностями ихъ соціальнаго положенія. Подтвержденіе этому можно видѣть въ существованіи словъ, вошедшихъ въ употребленіе у преступниковъ различныхъ національностей: общеніе между преступниками нѣкоторыхъ специальностей приводитъ къ образованію международнаго воровскаго языка.

**Іероглифы
преступни-
ковъ**

Атавистическое происхожденіе преступности подтверждается профессоромъ Ломброзо характерною чертою преступниковъ сноситься между собою при помощи іероглифовъ, посредствомъ которыхъ сносились между собою древніе народы и сносятся дикари. Этому антропологическому объясненію противопоставляется соціологическое: іероглифы вызываются тѣми же причинами, которыя вызвали жаргонъ тюрьмы. При разобщеніи въ мѣстахъ заключенія и при запрещеніи сноситься между собою арестанты прибѣгаютъ къ этимъ іероглифамъ и такимъ образомъ удовлетворяютъ свою потребность въ общеніи съ меньшимъ рискомъ быть замѣченными и наказанными. Неграмотность, распространенная среди преступниковъ, не остается здѣсь также безъ вліянія.

**Творчество
у преступ-
ника.**

Изслѣдуя психологію преступника, Ломброзо изучаетъ его поговорки, пѣсни, надписи на стѣнахъ тюрьмы и страницахъ книгъ изъ тюремной библіотеки; онъ разсматриваетъ литературу, которая интересуется преступный міръ и ихъ собственныя произведенія. Что касается литературы перваго рода, то самъ авторъ искалъ ее не только въ тюрьмахъ, но и на площадяхъ среди нисшихъ слоевъ населенія. Этимъ онъ признавалъ, что преступники, вышедшіе большею частью изъ низовъ народа, не отличаются отъ нихъ своими литературными вкусами: рассказы о разбойникахъ и выдающихся преступленіяхъ особенно интересуютъ ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и малообразованнаго читателя изъ народа. Интереснѣе литература самого преступника. Она даетъ матерьялъ судить о его характерѣ и о вліяніи на него карательной системы. Воспѣваніе преступленія и призывъ къ мести часто, по словамъ Ломброзо, составляютъ содержаніе этихъ произведеній, но мы находимъ среди тюремныхъ пѣсенъ и такія, которыя проникнуты глубокой любовью арестанта къ матери: онѣ имѣются и въ книгѣ Ломброзо и въ собраніи пѣсенъ русскихъ заключенныхъ. Было бы слишкомъ односторонне дѣлать на основаніи тюремной литературы заключеніе о наличности лишь однихъ отрицательныхъ качествъ преступника. Богатый матерьялъ, обрисовывающій и положительныя стороны преступника, собранъ нѣмецкимъ тюремнымъ священникомъ Іегоромъ.

Глава, посвященная изслѣдованію искусства у преступниковъ, также отмѣчаетъ односторонность направленія творческой фан-

тазіи преступника: сцены убійства, картины суда и ареста преобладають въ этихъ произведеніяхъ. Объясненіе этому слѣдуетъ искать въ томъ фактѣ, что мысль находящихся въ ожиданіи суда и осужденныхъ невольно обращается къ этимъ важнымъ событіямъ въ ихъ жизни, но такое содержаніе, на примѣръ, фигурокъ, вылѣпленныхъ изъ мякиша хлѣба или изъ глины, еще не свидѣтельствуетъ о жестокости тюремнаго ваятеля.

**Психологія
преступни-
ка**

Не привлекательными чертами рисуетъ глава уголовно антропологической школы психологію преступника отъ рожденія: онъ жестокъ, но теряется передъ неожиданною опасностью и отвѣчаетъ жалкою трусливостью на смѣлое обращеніе съ нимъ. Онъ тщеславенъ и любитъ преувеличивать передъ товарищами совершенныя имъ преступленія. Онъ мстителенъ и нерѣдко мститъ много лѣтъ спустя послѣ обиды. Вино, азартныя игры и развратъ его любимое времяпровожденіе. Всѣми этими качествами прирожденный преступникъ приближается, по мнѣнію Ломброзо, къ дикарю, который также жестокъ, склоненъ къ пьянству и пр. Но при этой характеристикѣ авторъ не удѣлялъ должнаго вниманія той соціальной средѣ, изъ которой вербуются армія преступниковъ, принадлежащихъ низамъ современнаго общества, лишеннымъ воспитанія и здоровыхъ развлеченій.

**Критика
ученія о пре-
ступномъ
типѣ.**

Таковы доказательства Ломброзо существованія атактистическаго типа прирожденного преступника. Какъ ни велика его заслуга, состоящая въ обращеніи къ позитивному методу, но ошибочное пользованіе этимъ методомъ наблюдается у него довольно часто. Его измѣренія и сравненія имѣли бы значеніе только въ томъ случаѣ, если бы полученные имъ результаты измѣренія преступнаго населенія тюремъ были сопоставлены съ измѣреніями нормальныхъ лицъ одинаковой съ преступниками національности, одинаковой съ ними профессіи, того же возраста, матеріальнаго положенія и пр. Но этого сдѣлано не было. Что касается существованія особыхъ типовъ убійцъ, воровъ, изнасилователей, то надо имѣть въ виду, что не всегда даже профессиональные преступники специализируются на совершеніи преступленія какого нибудь одного вида, и выборъ такой специальности зависитъ отъ тѣхъ условій соціальнаго порядка, въ которыхъ протекаетъ жизнь лица, обратившагося къ преступленію. Въ большихъ городахъ разви-

тіе гражданскаго оборота, существованіе громадныхъ магазиновъ даетъ возможность специализироваться на торговыхъ обманахъ, сильное движеніе по улицамъ, скопленіе публики въ театрахъ, у трамваевъ, въ садахъ и пр. создаютъ специалистовъ карманниковъ. Наоборотъ, выбитый изъ общественной колеи, деклассированный житель деревни, становится бродягой или грабителемъ на дорогахъ, такъ какъ условія сельской жизни затрудняютъ развитіе воровства и обмановъ. Наконецъ, нѣкоторые изъ привычныхъ преступниковъ проходятъ черезъ разныя ступени въ своей преступной карьерѣ. Эта карьера начинается съ дѣтскаго возраста, когда заброшенный родителями, безъ семьи и призора, ребенокъ обращается къ мелкимъ кражамъ для поддержанія своего существованія. Попавъ въ тюрьму или исправительную колонію, онъ постигаетъ плоды опыта болѣе искушенныхъ жизнью товарищей по наказанію. Близкое общеніе юныхъ преступниковъ приводитъ къ образованію воровскихъ шаекъ. Карманный воришка превращается въ вора. Наблюденія показываютъ, что воръ иногда превращается въ убійцу. Такъ, начавшій съ кражъ кончается убійствомъ.

Вѣрныя замѣчанія о преступномъ типѣ высказываетъ сторонникъ соціологической школы Тардъ. Онъ противопоставляетъ типу прирожденнаго преступника типъ профессиональнаго преступника. Профессія способствуетъ выработкѣ опредѣленнаго типа. Черты такого типа иногда настолько характерны, что позволяютъ узнать его носителя, независимо отъ его національности. Одинаковая работа мускуловъ и нервовъ играетъ не малую роль въ образованіи профессиональнаго типа. Тардъ говоритъ, что, если бы мы подвергли обслѣдованію по методамъ антропологической школы, напримѣръ, адвокатовъ, то нашли бы у нихъ свои особенности. Профессоръ Манувріе нашелъ различныя въ среднемъ объемы головы у представителей различныхъ профессій. Образованію профессиональнаго типа преступника благопріятствуетъ ростъ повторной преступности.

**Ученіе Лом-
брозо о пре-
ступникѣ
нравственно
помѣшан-
номъ.**

Въ третьемъ изданіи своего труда о преступномъ человѣкѣ Ломброзо, въ дополненіе къ ученію о прирожденномъ преступникѣ и о преступности, какъ явленіи атавизма, развиваетъ новое положеніе: прирожденный преступникъ вполне сливается съ нравственно, помѣшаннымъ. Авторъ старается убѣдить въ этомъ читате-

ля изслѣдованіемъ нравственно-помѣшаннаго по той же программѣ, по которой онъ изучалъ прирожденнаго преступника и сравненіемъ ихъ особенностей. Мы не будемъ излагать результаты этого сравнительнаго изученія: въ окончательномъ выводѣ Ломброзо приходитъ къ признанію полного сходства обоихъ изучаемыхъ имъ явленій. Но онъ не ограничивается этимъ сравненіемъ. Онъ обращается къ изслѣдованію эпилептика и находитъ въ эпилепсіи такія черты, которыя даютъ ему, по его словамъ, основаніе объединить въ одну группу нравственно-помѣшаннаго, прирожденнаго преступника и эпилептика.

Развитіе идей уголовно-антропологической школы шло въ сторону нѣкоторыхъ уступокъ критикѣ, направившей свои удары на теорію прирожденнаго преступника. На ряду съ существованіемъ прирожденнаго преступника школа признала существованіе преступника случайнаго; сводя первоначально факторы преступности почти къ исключительному господству антропологическихъ особенностей, она стала позднѣе изучать и социальныя причины и признавать за ними нѣкоторую долю вліянія; на одномъ изъ международныхъ антропологическихъ конгрессовъ вожди школы Ломброзо признали возможность исправленія прирожденнаго преступника; исходя изъ цѣлей обезопасенія общества отъ преступника и отстаивая въ началѣ суровый принципъ: „слишкомъ долго жалѣли преступника, пора пожалѣть и общество“, самъ Ломброзо подъ конецъ своей жизни высказался противъ смертной казни, въ которой видѣлъ ранѣе средство спасенія отъ нѣкоторыхъ категорій преступниковъ. Но на вопросахъ борьбы съ преступностью по ученію антропологической школы мы подробнѣе остановимся позднѣе.

Естественно возникаетъ вопросъ, въ чемъ же заслуга Ломброзо передъ наукою уголовного права? Не смотря на всѣ его ошибки, она весьма велика. Именно ему мы обязаны введеніемъ въ нашу науку новаго метода, т. н. позитивнаго, въ отличіе отъ метода классической школы, исключительно логическаго. Старая школа работала надъ понятіями и опредѣленіями. Въ юридической наукѣ они, конечно, были необходимы. Но очень часто имъ не доставало тѣла и крови. За понятіями не было видно человѣческой жизни и души. Ломброзо вдунулъ эту душу, и передъ изслѣдователями всталъ живой человѣкъ-преступникъ.

Но была еще заслуга. Обращеніе къ позитивному методу и къ изученію преступника привело ученыхъ, несогласныхъ съ криминалистами — классиками и антропологами, къ образованію новой, но теперь уже сильной школы — криминалистовъ-соціологовъ. Они внесли въ науку уголовного права изученіе преступника, какъ продукта соціальныхъ условій. Преступность получила для нихъ характеръ соціального явленія. Если Ломброзо сумѣлъ за юридическими понятіями разглядѣть живого человѣка, то соціологи за жестокими безнравственными уродами-преступниками сумѣли разглядѣть еще болѣе безнравственный, жестокой и уродливый общественный укладъ, фабрикующій всѣхъ этихъ малыхъ и большихъ враговъ порядка, воровъ, убійцъ, бродягъ и нищихъ. Если антропологъ, видя причину преступности въ самомъ преступникѣ, направлялъ предлагаемыя имъ мѣры и воздѣйствія на его личность, соціологъ искалъ спасенія въ улучшеніи условій жизни народа.

Соціологическая школа. Появленіе соціологическаго направленія связывается съ опубликованіемъ въ 1883 г. миланскимъ адвокатомъ, а теперь извѣстнымъ депутатомъ-соціалистомъ Филиппомъ Турати небольшой брошюры, направленной противъ Ломброзо. Название этой брошюры было также оригинально, какъ и название труда Ломброзо. Глава уголовно-антропологической школы своею книгою „О преступномъ человѣкѣ“ удачно подчеркнул основную мысль своего изслѣдованія. Турати назвалъ свою работу „Преступленіе и соціальный вопросъ“ и такимъ образомъ не менѣе удачно подчеркнул значеніе общественной среды въ образованіи преступности. Турати былъ однимъ изъ первыхъ криминалистовъ, спеціально занявшихся выясненіемъ преступленія, какъ соціального явленія. Конечно, всегда можно найти предшественниковъ всякой идеи, но на долю Турати выпадаетъ честь наиболѣе яркаго изображенія принциповъ, легшихъ въ основаніе соціологической школы.

Предшественники соціологической школы. Мысли о связи между соціальными условіями и преступностью страны высказывались съ очень давняго времени. Изъ предшественниковъ соціологической школы большинство останавливалось на соотношеніи между бѣдностью и имущественными преступленіями и въ частности на пагубномъ значеніи частной собственности. Такимъ образомъ, въ число предшественниковъ нашей школы могутъ

быть занесены всѣ тѣ писатели и дѣятели, которыхъ считаютъ сторонниками утопическаго и научнаго социализма. Мнѣ пришлось въ другой моей книгѣ довольно подробно останавливаться на этомъ вопросѣ и здѣсь я ограничусь самыми краткими замѣчаніями.

Въ работахъ, появившихся до начала XIX вѣка, связь между экономическимъ строемъ и преступностью не подтверждается доказательствами: авторы ограничиваются указаніемъ на такую связь и призывами къ воздѣйствію на основную причину зла; они требуютъ уничтоженія частной собственности. Начиная съ XIX вѣка, зависимость между общественными причинами и преступностью уже подтверждается цифровыми данными и на ряду съ изученіемъ вліянія бѣдности изслѣдуется вліяніе и другихъ факторовъ; такія мысли высказываются также и лицами, стоявшими по ихъ направленію очень далеко отъ социализма. Изъ болѣе раннихъ работъ замѣчательною является романъ уже названнаго нами выше Томаса Моруса. Онъ писалъ: „пока существуетъ классъ благородныхъ, питающихся отъ трудовъ работающихъ на нихъ въ потѣ лица своего бѣдняковъ, пока богачи окружены толпою слугъ, которыхъ они безжалостно рассчитываютъ, когда тѣ состарятся или заболѣютъ, до тѣхъ поръ воровство не исчезнетъ. Что бы никто не былъ поставленъ въ необходимость красть, а затѣмъ умирать на плахѣ, надо всѣмъ членамъ общества обезпечить средства къ существованію. Бросаютъ многихъ какъ бродягъ въ тюрьмы, но въ чемъ состоитъ ихъ преступленіе? Только въ томъ, что они не могутъ никого найти, кто далъ бы имъ работу“. По мысли Моруса, въ странѣ безъ богатыхъ и бѣдныхъ, гдѣ золото и серебро можно видѣть лишь на оковахъ рабовъ, при общей трудовой жизни и при отсутствіи праздныхъ, не только преступленія, но и гражданскія тяжбы являются рѣдкими исключеніями.

Авторъ другого политическаго романа Томасъ Компанелла изображаетъ въ своемъ „Городѣ Солнца“ (1620) коммунистическій строй, въ которомъ вычеркнута любовь къ себѣ и остается только любовь къ общинѣ. Результатомъ такого общественнаго и политическаго строя должно быть, по мнѣнію автора, исчезновеніе гражданскихъ тяжбъ и уменьшеніе преступности.

Сходныя мысли развивалъ въ концѣ XVIII вѣка Бриссо де Варвилль: „О правѣ частной собственности и воровствѣ“ (1782 г.).

Онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія школы естественнаго права и различаетъ два вида собственности: 1) собственность естественную, границы которой опредѣляются потребностями индивида и 2) собственность, установленную законами государства. По словамъ автора „мы далеко ушли отъ природы; въ естественномъ состояніи богачъ-воръ, а въ обществѣ-воръ тотъ, кто крадетъ у этого богача“. Воровства не будетъ, говоритъ онъ, когда исчезнетъ богатство.

Сходныя мысли также развивали Годвинъ (1796), Маратъ (1780) и др. Но особенный интересъ представляетъ дѣятельность Оуена на фабрикахъ въ Нью-Ланаркѣ. Улучшеніе положенія рабочихъ, состоявшее въ увеличеніи заработной платы, при уменьшеніи рабочаго дня, устройство общественныхъ столовыхъ, здоровыхъ развлеченій и пр. привело къ исчезновенію пьянства и преступленій, которыя совершались здѣсь до реформаторской дѣятельности Оуена въ очень большомъ количествѣ. Достигнутые результаты привели Оуена къ слѣдующимъ выводамъ: „вину и причины современной преступности надо искать не въ личности преступника, а въ системѣ его воспитанія. Настойчиво и систематически проводите принципы лучшаго благосостоянія, прибѣгайте къ мѣрамъ возможно меньшей суровости и мало по малу преступленія исчезнутъ“.

Опыты Оуена были повторены его соотечественникомъ Ванделеромъ въ земледѣльческой колоніи и дали тѣ же результаты (въ 1830 г.).

На положеніе рабочаго класса, какъ на причину преступленій, указывалъ С. Симонъ и его послѣдователи: „причины преступленій и всѣхъ несчастій надо искать въ эксплоатаціи человѣка человекомъ, въ существованіи рядомъ класса ничего не дѣлающихъ и тружениковъ, не имѣющихъ времени на развитіе своихъ интеллектуальныхъ и нравственныхъ способностей“.

Съ цифровыми доказательствами прежде другихъ выступили представители и родоначальники такъ называемой нравственной статистики—Кетле, Герри и Дюкпетъ. Они воспользовались свѣдѣніями о числѣ преступленій, которыя начали въ то время (около начала второй четверти прошлаго вѣка) собирать прави-

тельства по довольно обширной программѣ. Сопоставленіе цифръ преступленій съ другими соціальными явленіями, выясненіе значенія пола, возраста, семейнаго состоянія обвиняемыхъ привели названныхъ авторовъ къ признанію господства закона причинности въ сферѣ человѣческихъ дѣйствій. На эти въ высшей степени важные выводы статистиковъ классическая школа уголовного права не обратила должнаго вниманія. Выходившіе ежегодно отчеты министерствъ юстиціи въ разныхъ странахъ о движеніи чиселъ уголовныхъ дѣлъ и своды свѣдѣній по тюремной статистикѣ оставались безъ научной разработки почти вплоть до начала 80-хъ годовъ. Немногія уголовно-статистическія работы, появившіяся въ 70-ые годы въ Германіи, Франціи, Россіи, принадлежавшія перу криминалистовъ, прошли почти незамѣченными.

Другая судьба ждала работу названнаго нами ранѣе Турати: она появилась въ эпоху борьбы старой классической школы съ уголовно-антропологическою и въ періодъ усиленнаго интереса къ вопросамъ уголовного права. Авторъ ея занялъ особое мѣсто въ происходившемъ спорѣ научныхъ направленій: онъ отказывался признать правильность ихъ обоихъ. Классическая школа его не удовлетворяла своею вѣрою въ спасительную силу наказанія и пренебреженіемъ къ живой дѣйствительности, а школу Ломброзо онъ упрекалъ въ одностороннемъ вниманіи къ этой дѣйствительности: для нея преступный человѣкъ существовалъ со всѣми его аномаліями какъ будто внѣ времени и пространства. Турати направилъ свои главныя усилія на доказательство виновности въ каждомъ совершенномъ преступленіи прежде всего самого общества, которое съ его недостатками и несправедливымъ устройствомъ само порождаетъ преступленія. Онъ такъ формулировалъ свои основныя положенія. Нѣтъ нравственнаго вмѣненія. Непреодолимая силы руководятъ человѣческими дѣйствіями. Единственное позитивное основаніе наказанія — общественная польза, рассматриваемая въ ея наиболѣе широкомъ и гуманномъ смыслѣ — въ свѣтѣ теоріи эволюціи, въ комбинированныхъ интересахъ индивида и вида, общества и самаго преступника. Классовыя неравенства служатъ въ обществѣ источникомъ преступленій. Вопросъ о борьбѣ съ преступностью можетъ быть рѣшенъ лишь радикальнымъ обновленіемъ соціальныхъ институтовъ.

**Либеральное
и социали-
стическое
крыло.**

Основные положенія Турати могутъ быть раздѣ-
лены на двѣ группы. Одни изъ нихъ непосредственно
вытекаютъ изъ доктрины социализма, а другія съ нею
не связаны. Сообразно съ этимъ криминалисты со-
ціологической школы могутъ быть раздѣлены на два крыла:
социалистическое и либеральное. Сторонники перваго сводятъ
всѣ причины къ одной — къ господству частной собственности.
На почвѣ имущественнаго неравенства развиваются условія,
благопріятствующія появленію различныхъ преступленій. Въ то
время какъ для сторонниковъ социалистическаго крыла рядъ
причинъ имѣетъ производный характеръ, находящій свое объ-
ясненіе въ способахъ современнаго производства, для осталь-
ныхъ криминалистовъ этой школы эти же причины имѣютъ
вполнѣ самостоятельное значеніе. Отсюда вытекаетъ различіе
во взглядахъ тѣхъ и другихъ на средства борьбы съ преступ-
ностью. Оба крыла отдаютъ безусловное предпочтеніе мѣрамъ
предупрежденія, т. е. реформамъ общественной среды, но пер-
вые считаютъ лучшей уголовной политикой не только лучшую
соціальную политику: они идутъ дальше и проводятъ программу
доктрины социализма.

**Содержаніе
и методы
науки уго-
ловнаго
права.**

Характерною чертою для криминалистовъ соціоло-
гической школы является ихъ требованіе расширенія
содержанія нашей науки добавленіемъ къ юридиче-
скому изученію преступленія и средствъ борьбы съ
нимъ еще изученія причинъ преступности и изслѣдо-
ванія, согласно съ изученіемъ криминалистовъ-антропологовъ,
также и самаго преступника. Съ такимъ расширеніемъ содер-
жанія науки совершенно не согласны послѣдователи классиче-
скаго направленія. Въ русской литературѣ мысль о необходи-
мости включенія соціологическаго изслѣдованія въ науку уго-
ловнаго права была высказана ранѣе, чѣмъ зародилось антро-
пологическое направленіе. Еще въ 1872 году М. В. Духовской,
впослѣдствіи профессоръ Московскаго университета, говорилъ
своимъ слушателямъ въ своей лекціи „О задачѣ науки уголов-
наго права“ (напечатана въ IV кн. 1873 г. Времен. Дем. Юрид.
Лиц.): „общее правило, признанное за вѣрное науками опытно-
ми, состоитъ въ томъ, что разумное отысканіе средствъ по-
вліять на какое нибудь явленіе можетъ быть сдѣлано только
тогда, когда будетъ изслѣдовано само это явленіе, когда бу-

дуть найдены причины, производящія его. Нѣтъ дѣйствія безъ причины, всякое явленіе есть результатъ извѣстныхъ причинъ. Если это такъ, то слѣдовательно и то явленіе, изслѣдованіемъ котораго занимаемся мы теперь (преступленіе), имѣетъ свои извѣстныя причины“. Духовской считаетъ положительно невѣрнымъ взглядъ на уголовное право, какъ на науку, изучающую только преступленіе и налагаемое за него наказаніе: уголовное право занимается изслѣдованіемъ того явленія въ общественномъ строѣ, которое называлось и называется преступленіемъ. Сообразно съ общей задачей, принятой на себя науками общественными, уголовное право должно было приступить къ изслѣдованію причинъ этого аномальнаго явленія и къ указанію чрезъ это средствъ для его искорененія.

Взгляды Духовскаго встрѣтили критику со стороны классической школы и особенно ея представителя Сергѣевскаго. Онъ не отрицалъ значенія соціологическаго изученія преступленія и наказанія, но полагалъ, что наука уголовного права должна оставаться юридической дисциплиной, что соціологическое и юридическое изслѣдованія не могутъ быть соединяемы въ одно, такъ какъ разнятся ихъ методы и цѣли. Цѣль юридическаго изслѣдованія—тройкая: „во-первыхъ, дать руководство судебной практикѣ для подведенія частныхъ, въ жизни встрѣчающихся случаевъ подъ общее правило, выраженное въ общей формѣ закона; во-вторыхъ, дать руководство законодателю къ болѣе правильному построенію этого закона, дабы онъ могъ охватывать въ своихъ общихъ опредѣленіяхъ частные случаи дѣйствительной жизни; въ-третьихъ, посредствомъ изученія исторіи положительнаго уголовного права дать ключъ къ оцѣнкѣ и разумѣнію дѣйствующаго права въ его цѣломъ и частяхъ. Наоборотъ, соціологическое изслѣдованіе не имѣетъ такихъ спеціальныхъ практическихъ цѣлей; соціологъ стремится къ одному: опредѣлить значеніе и мѣсто преступленія въ ряду другихъ явленій соціальной жизни“.

Мы полагаемъ, что внесеніе соціологическаго и антропологическаго элемента въ науку права должно лишь способствовать болѣе правильному разрѣшенію всѣхъ ея задачъ, поставленныхъ ей Сергѣевскимъ. Такъ, правильное построеніе закона безъ знанія преступника совершенно невозможно. Изученіе

преступника привело уже къ нѣкоторымъ результатамъ, не-отвергаемымъ и сторонниками классической школы: таково, на-примѣръ, раздѣленіе преступниковъ на случайныхъ и привычныхъ. Еще большее значеніе должно имѣть для законодателя знаніе причинъ преступности: выясненіе причинъ преступности покажетъ преимущественное значеніе мѣръ предупрежденія передъ мѣрами репрессіи или даже вредъ наказанія. Точно также несомнѣнно значеніе соціологическаго изученія для „уразумѣнія и оцѣнки дѣйствующаго права“. Не противорѣчитъ ли самъ себѣ профессоръ Сергѣевскій, требуя внесенія въ науку уголовного права историческихъ свѣдѣній для выясненія характера права и въ то же время утверждая, что внесеніе соціологическихъ свѣдѣній, характеризующихъ преступленіе какъ одно изъ явленій общественно-правовой жизни, вредитъ цѣлостности науки уголовного права? Остается еще одна цѣль, намѣченная Сергѣевскимъ для юридическихъ изслѣдованій: дать руководство судебной практикѣ для подведенія частныхъ случаевъ подъ общее положеніе, выраженное въ законѣ, но и она можетъ быть достигнута безъ помощи антропологическаго и соціологическаго изученія преступленія и преступника лишь при условіи игнорированія самимъ закономъ всѣхъ результатовъ, добытыхъ антропологіей и соціологіей. Однако, такое игнорированіе съ каждымъ днемъ отходитъ все далѣе въ область прошлаго.

Профессоръ Таганцевъ добавляетъ къ этимъ положеніямъ Сергѣевского еще одно: „соединеніе въ одну единую науку соціологическаго, антропологическаго и юридическаго изслѣдованія преступленія и преступника теоретически не соотвѣтствовало бы основнымъ началамъ классификаціи отдѣльныхъ отраслей знанія, а практически послужило бы только къ взаимному вреду разработки этихъ отдѣльныхъ отраслей изслѣдованія, такъ какъ онѣ разнятся и по преслѣдуемымъ ими цѣлямъ“. Но это возраженіе не можетъ быть признано правильнымъ: не науки существуютъ для классификаціи, а классификація для наукъ и то или другое раздѣленіе наукъ на группы отнюдь не должно служить препятствіемъ измѣненію содержанія науки, вызываемому необходимостью ея обновленія.

По этимъ соображеніямъ ограниченіе содержанія науки уголовного права лишь изученіемъ юридическихъ понятій преступ-

ленія и наказанія представляется намъ неправильнымъ, а расширеніе рамокъ нашей науки внесеніемъ въ нее элементовъ антропологическаго и соціологическаго не только возможнымъ, но и необходимымъ. Согласно принятой многими терминологіи, предложенной проф. Листомъ, наука уголовного права въ широкомъ смыслѣ распадается на нѣсколько отдѣловъ или вѣтвей; въ нее входятъ: 1) наука уголовного права въ узкомъ смыслѣ, которая должна заниматься систематическимъ изложеніемъ правовыхъ понятій; 2) изученіе преступника и преступленія какъ соціальнаго явленія составляетъ задачу криминологіи; послѣдняя въ свою очередь раздѣляется на уголовную антропологию и уголовную соціологию; первая изучаетъ преступника, вторая стремится раскрыть соціальныя причины преступности; 3) ученіе о наиболее пригодныхъ средствахъ борьбы съ преступностью составляетъ предметъ новой вѣтви уголовного права—уголовной политики.

Методъ классической школы юридическій или догматическій, состоящій въ анализѣ юридическихъ отношеній, въ установленіи юридической природы этихъ отношеній, въ отысканіи общихъ юридическихъ понятій. Недостаткомъ такого изученія является постановка права въ состояніе полнѣйшей изолированности. Такое изученіе приводитъ къ господству формы надъ содержаніемъ. Мы можемъ пользоваться этимъ методомъ поскольку изучаемъ преступленіе и наказанія какъ юридическія понятія. Но такъ какъ эти понятія не остаются только на страницахъ учебниковъ по уголовному праву и кодексовъ, а примѣняются къ явленіямъ общественной жизни, то они не остаются только дедуктивнымъ выводомъ, но превращаются въ факты общественной жизни. Послѣдніе изучаются съ помощью метода позитивнаго или индуктивнаго, т. е. посредствомъ наблюденія и опыта. Впрочемъ, роль опыта въ нашей наукѣ болѣе ограничена, чѣмъ значеніе наблюденія.

Залогъ развитія науки уголовного права лежитъ въ признаніи необходимости сознательнаго пользованія обоими методами. Какъ невозможно обойтись безъ операціи логическаго мышленія при изученіи юридическихъ понятій, такъ неправильно отрѣшаться отъ наблюденій жизни, въ которой понятія превращаются въ факты дѣйствительности.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Ученіе о преступленіи, какъ о соціальномъ явленіи.

Причины преступности и ихъ дѣленіе. Мы принимаемъ предложенное Листомъ наименованіе трехъ вѣтвей нашей науки лишь съ однимъ исключеніемъ: вмѣсто названія криминологія, мы будемъ употреблять названіе, предложенное голландскимъ профессоромъ Ванъ-Гамелемъ, „этіологія преступленія“. Въ самомъ дѣлѣ, слово „криминологія“, происходящее отъ латинскаго слова *crimen*—преступленіе, не вполне отвѣчаетъ содержанію этой вѣтви науки.

Итакъ подъ именемъ криминальной этіологіи разумѣется ученіе о причинахъ преступности. Причины эти настолько разнообразны, что необходима ихъ классификація или дѣленіе. Существуетъ нѣсколько дѣленій причинъ преступности на группы. Мы будемъ держаться классификаціи, предложенной профессоромъ Ферри. Онъ предложилъ слѣдующія три группы: 1) причины антропологическія, 2) космическія и 3) соціальныя. Но Ферри далъ опредѣленіе лишь антропологическихъ факторовъ, отнеся къ нимъ тѣ причины, которыя лежатъ въ самой личности преступника. Самъ Ферри допустилъ несомнѣнныя ошибки при отнесеніи причинъ въ ту или другую изъ этихъ трехъ группъ. Эти ошибки должны быть объяснены отсутствіемъ опредѣленія каждой группы.

Мы признаемъ антропологическими причинами всѣ тѣ, которыя лежатъ въ самыхъ свойствахъ природы человѣка, какъ одного изъ представителей животнаго міра, въ его тѣлесной и духовной организаціи. Сюда войдутъ аномаліи черепа и организаціи преступника, которыми онъ надѣленъ, по ученію школы Ломброзо. Сюда же относятся полъ, возрастъ, раса, но никоимъ образомъ сюда нельзя отнести профессію, общественный классъ, воспитаніе, какъ дѣлаетъ Ферри, или вѣбрачность и законность рожденія, какъ поступаетъ проф. Калаянни.

Въ группу физическихъ причинъ входятъ силы внѣшней природы, окружающей человѣка.

Въ группу соціальныхъ причинъ относятся вліянія на преступность той общественной среды, въ которой живетъ преступникъ. Подъ общественною средою понимается обществен-

ный кругъ, гдѣ живетъ человѣкъ и всѣ социальныя институты и государственный политическій строй, въ соприкосновеніе съ которыми человѣкъ, живущій въ государствѣ и обществѣ, входитъ. Сюда, на примѣръ, относятся вліяніе семейной обстановки, организація труда, распредѣленіе собственности, жизнь въ городѣ и деревнѣ, цивилизація, войны, религія, общественное мнѣніе и пр.

Физическіе факторы. Уголовно-антропологическая школа охотно занимается изслѣдованіемъ вліянія на преступность внѣшней природы. Такъ, въ работѣ Ломброзо „Преступленіе“ (переводъ Гордона) читатель найдетъ главу, гдѣ говорится о вліяніи на преступность временъ года, географической широты мѣстности, строенія почвы и пр. Для выясненія отношенія различныхъ школъ къ интересующему насъ вопросу, мы остановимся на ученіи о вліяніи на преступность временъ года.

Въ русской литературѣ еще въ 1873 г. проф. Фойницкій на основаніи французской уголовной статистики указывалъ, что преступность удивительно правильно распредѣляется по четыремъ временамъ года. Позднѣйшія изслѣдованія (на примѣръ, трудъ Вадлера о преступности въ балканскихъ государствахъ) отмѣчали, что не вездѣ встрѣчается такое правильное дѣленіе преступности на четыре части. Было установлено, что преступленія противъ личности и противъ собственности распредѣляются по временамъ года не одинаково, но каждая группа всегда однообразно. Впрочемъ, это явленіе было замѣчено еще въ половинѣ 19 вѣка Герри. Наибольшее число преступленій противъ собственности совершается зимою; затѣмъ идетъ осень; весна занимаетъ третье мѣсто, а лѣто послѣднее. Наоборотъ, преступленія противъ личности распредѣляются въ обратномъ порядкѣ: наибольшее количество преступленій выпадаетъ на лѣто и весну, а наименьшее на осень и зиму. При разсмотрѣніи преступленій противъ личности по мѣсяцамъ выясняется наибольшее число ихъ совершеній въ іюнѣ, іюлѣ или августѣ. Наоборотъ, на декабрь и январь приходятся наименьшія цифры. Что же касается преступленій противъ собственности, то они даютъ прямо противоположное распредѣленіе: наименьшее число ихъ совершается въ іюнѣ, іюлѣ, августѣ, а наибольшее въ декабрѣ, январѣ. Если мы примемъ среднее число преступленій

въ день за сто, то получимъ слѣдующія цифры по различнымъ мѣсяцамъ.

Преступленія противъ личности

Преступленія противъ собственности

	Бельгія.		Англія.	Франція.	Германія.	Россия.
	Обида, клевета.	Раны.				
Январь .	5,7	7,2	—	87	78	83
Февраль .	6,9	7,2	72	95	83	86
Мартъ .	8,5	7,3	82	94	81	66
Апрѣль .	7,9	7,4	101	97	94	109
Май .	9,0	9,1	105	113	108	118
Іюнь .	11,1	9,2	119	124	116	122
Іюль .	11,8	10,5	123	112	121	115
Августъ .	11,3	10,6	119	112	128	113
Сентябрь .	9,4	9,0	117	101	118	113
Октябрь .	6,3	8,9	104	90	102	109
Ноябрь .	6,5	7,8	89	88	91	86
Декабрь .	4,5	5,6	83	86	78	78
Среднее	8,3%	8,3%	100	100	100	100

	Англія.	Франція.	Германія.	Россия.
Январь .	109	112	109	105
Февраль .	101	109	108	105
Мартъ .	97	98	96	91
Апрѣль .	98	92	90	77
Май .	98	93	93	87
Іюнь .	98	93	93	87
Іюль .	98	91	92	85
Августъ .	98	92	93	94
Сентябрь .	99	95	93	106
Октябрь .	104	99	104	107
Ноябрь .	108	110	113	101
Декабрь .	98	116	117	109
Среднее	100	100	100	100

Эти цифры съ несомнѣнностью устанавливають существованіе календаря преступности. Но въ то время, какъ Ломброзо выдвигаетъ объясненіе преступности особыми состояніями организма подъ вліяніемъ тепла и холода, соціологическая школа придаетъ рѣшающее значеніе соціальнымъ причинамъ. Такъ, Ломброзо, говоря объ уменьшеніи преступленій противъ личности въ холодное время и объ ихъ увеличеніи въ болѣе теплыя времена года, объясняетъ, что „сильный холодъ дѣлаетъ воображеніе лѣнивымъ, а умъ болѣе спокойнымъ; наоборотъ, южанинъ чувствуетъ себя пьянымъ отъ рожденія: солнце и воздухъ для него страшный естественный алкоголь“. Иначе думаетъ соціологическая школа: увеличеніе преступленій противъ личности въ лѣтнее время должно быть объяснено большимъ общеніемъ людей между собою, приводящимъ ихъ къ болѣе частымъ столкновеніямъ. Въ самомъ дѣлѣ, лѣтомъ люди чаще внѣ дома: въ это время года совершаются полевые ра-

боты, прогулки, народныя гулянія, путешествія и пр. Въ холодное же время обостряется борьба за существованіе и бѣдные слои населенія страдаютъ сильнѣе: ихъ обостренная нужда толкаетъ ихъ на преступленія противъ собственности. Вадлеръ, развивающій эту же мысль, указываетъ, напримѣръ, что въ Сербіи двѣ трети лѣсныхъ проступковъ совершается въ холодные мѣсяцы съ октября по февраль, а на остальные семь мѣсяцевъ приходится только одна треть этихъ нарушеній. Такое соціологическое объясненіе распредѣленія преступленій по временамъ года и по мѣсяцамъ выдвигаетъ въ борьбѣ съ преступностью значеніе мѣръ, парализующихъ вліяніе бѣдности и ведущихъ къ оздоровленію отношеній людей между собою.

Антропологическіе факторы.

По вопросу о вліяніи на преступность возраста въ литературѣ высказаны различныя мнѣнія. По мнѣнію проф. Неклюдова, возрастъ самъ по себѣ является „космополитическою“ причиною преступленій: „вліяніе возрастовъ на количество преступниковъ одинаково для всѣхъ государствъ“. Согласно другому мнѣнію, нашедшаго себѣ наиболее яркое выраженіе у Колаянни, не возрастъ является причиною преступленій, а та соціальная обстановка, которая окружаетъ человѣка. Если мнѣніе Неклюдова было бы правильно, то слѣдовало бы ждать, что во всѣхъ странахъ преступники будутъ распредѣляться одинаково по возрастнымъ группамъ, но этого не замѣчается: возрастъ политическихъ преступниковъ не одинаковъ по различнымъ странамъ. Если типичнымъ преступленіемъ дѣтскаго возраста повсемѣстно являются кражи, то объясненіе этому надо искать не въ фізіологическомъ значеніи возраста, а въ заброшенности ребенка бѣдности, лишеннаго физической и духовной пищи. Справедливо Тардъ указывалъ, что экономическія соображенія, нравы, понятія, искусственно развитыя потребности берутъ верхъ надъ естественными импульсами и даже опредѣляютъ возрастъ вступленія въ бракъ. Но отрицать всякое значеніе возраста для преступности нельзя. Возрастъ полового созрѣванія, также какъ и старческій производятъ измѣненія въ психикѣ человѣка и могутъ побуждать его на различныя преступленія. Однако, та или другая соціальная среда имѣетъ въ данномъ случаѣ не малое значеніе. Это положеніе получило почти всеобщее признаніе относительно преступности несовершеннолѣтнихъ и особенно малолѣтнихъ:

законодательства теперь обратили свое вниманіе на улучшение той обстановки, въ которой протекаетъ жизнь ребенка и опытъ показываетъ, что воздѣйствіе на окружающія малолѣтняго условія способно ослабить участіе послѣдняго въ общей преступности страны. Физиологическое вліяніе возраста уступаетъ, такимъ образомъ, свое мѣсто болѣе сильнымъ вліяніямъ соціального порядка.

Полъ. Относительно вліянія на преступность пола мнѣнія уголовно-антропологической школы расходятся съ выводами соціологовъ еще болѣе, нежели относительно значенія возраста. Ломброзо въ сотрудничествѣ съ Ферреро напечаталъ работу, посвященную вопросу о женской преступности и проституціи. Авторы доказываютъ, что женщина по своей тѣлесной природѣ и духовному міру стоитъ ниже мужчины и ближе подходитъ къ дикарю, а потому и болѣе преступна. Но такъ какъ уголовная статистика свидѣтельствуетъ о меньшемъ количествѣ женскихъ преступленій, то названные авторы считаютъ необходимымъ прибавить къ цифрамъ женщинъ—преступницъ еще числа проститутокъ, такъ какъ Ломброзо нашелъ внѣшнее и внутреннее сходство между тѣми и другими. Дѣйствительно уголовная статистика показываетъ, что число мужчинъ-преступниковъ вездѣ превосходитъ цифры женщинъ-преступницъ. Такъ, въ Германіи въ 1907 г. изъ ста осужденныхъ было 86.4 муж. и 15.6 женщинъ; въ Россіи за 1903—1906 г.г. было осуждено въ общихъ судебныхъ установленіяхъ 90.7 муж. и 9.3 жен., а въ мировыхъ установленіяхъ—86.4 муж. и 13.6 жен.; въ Бельгіи за 1904—1908 г.г. было осуждено къ исправительнымъ наказаніямъ 87.8 муж. и 12.2 жен., а къ полицейскимъ 62 муж. и 38 жен.; въ Сербіи число осуждаемыхъ женщинъ спускалось до 3.7%, въ Греціи до 2%, въ Болгаріи до 2.5%; въ Англіи процентъ осужденныхъ женщинъ достигаетъ 21.3%. Если даже стать на точку зрѣнія Ломброзо и признать вмѣстѣ съ нимъ, что явленія женской преступности и проституціи однородны, то все же придется отвергнуть его положеніе о большей преступности женщины. Несомнѣнно, что въ такихъ странахъ, гдѣ число осужденныхъ женщинъ особенно ничтожно (Сербія, Греція, Болгарія и др.), очень незначителенъ и процентъ занятыхъ въ проституціи, а между тѣмъ, согласно теоріи Ломброзо, надо было бы ожидать какъ разъ обратнаго. Но неправильно ото-

ждество и преступности и проституции: в психологии их часто встречается глубокое различие. Фабричная работница, швейка пополняют иногда свой скудный заработок продажей своего тела, но часть из них никогда не решится на кражу. Объяснение меньшей преступности женщины надо искать в ее социальном положении — в ограниченности круга ее общественной деятельности, в чрезвычайной узости того поля, на котором она может входить в соприкосновение с другими людьми и с различными общественными институтами. Рассмотрение преступности женщины по отдельным государствам убеждает в этом: низкая преступность ее в Балканских государствах связана с ее замкнутостью в семье. Там, где женщина приближается к положению мужчины, где она завоевала себе новые сферы для приложения ее труда, там она приближается к нему и по своей преступности (например, Англия). Такое объяснение преступности женщины не антропологическими особенностями, а социальными, подтверждается распределением женской преступности в России: губернии, населенные магометанским населением, дают меньший процент женщин преступниц, нежели, например, Варшавский судебный округ, где женский труд получил значительное распространение за пределами семьи. Для борьбы с преступностью женщины, нужно, конечно, бороться не со стремлением ее к эмансипации и к равноправию с мужчиной, но с теми более глубокими социальными причинами, которые создают всякую преступность, как мужскую, так женскую, как преступность взрослого, так и ребенка. Рассмотрение преступлений женщины со стороны их содержания и характера также дает материал судить о преимущественном значении факторов социального порядка. В самом деле, супружеского убийства распределяются почти поровну между обоими полами, хотя участие женщины в убийствах вообще ниже, чем у мужчин; наоборот, велико участие женщины в преступлениях по отношению к ребенку: за детоубийство осуждаются почти одни женщины; то же следует сказать и относительно истребления плода (выкидыши); велико участие женщины в совершении домашних краж, субъектами которых по закону являются лица, занятые услужением; ничтожен процент преступниц среди обвиняемых в политических преступлениях.

Раса. Чрезвычайно труднымъ представляется выяснить значеніе расы. Сторонники уголовно-антропологической школы придаютъ расѣ значеніе больше, чѣмъ криминалисты-соціологи. Были попытки объясненія расовыми особенностями высокой кровавой преступности жителей острова Корсики; очень распространено мнѣніе, видящее причину громаднаго процента евреевъ, осуждаемыхъ за банкротства и торговые обманы, также въ ихъ расовыхъ особенностяхъ. Въ дѣйствительности и здѣсь выступаетъ преимущественное значеніе соціальной среды. Такъ, французскій изслѣдователь Жоли показалъ, что корсиканцы, живущіе въ континентальной Франціи, теряютъ ихъ склонность къ убійствамъ. Слѣдовательно, болѣе культурная среда дѣйствуетъ на нихъ облагораживающимъ образомъ. Работы Вассермана, Листа и др. доказали, что высокая преступность евреевъ по банкротствамъ и торговымъ обманамъ стоитъ въ прямой связи не съ ихъ расою, а съ профессіей: занятія торговлею и денежными операціями составляютъ почти исключительную профессію евреевъ, но лица, занимающіяся этою профессіею, даютъ, независимо отъ ихъ расы и вѣроисповѣданія, высокій процентъ преступленій указанной выше группы.

Соціальные факторы.

Бѣдность.

Среди общественныхъ причинъ преступности бѣдность очень рано обратила на себя вниманіе. Факты повседневной жизни были слишкомъ ярки и слишкомъ часто бросались въ глаза даже ненаблюдательному зрителю: состояніе нужды и крайней бѣдности было въ глубокой древности признано какъ обстоятельство, уменьшающее отвѣтственность или даже совершенно освобождающее отъ наказанія при нѣкоторыхъ преступленіяхъ. Болѣе глубокіе умы, какъ напримѣръ названные нами выше Томасъ Морусъ, Кампанелла, связали бѣдность съ институтомъ частной собственности. Начиная съ Кетле и Герри, цѣлый рядъ изслѣдователей доказывалъ громадное значеніе бѣдности въ развитіи преступности. Обычный методъ доказательствъ состоялъ въ слѣдующемъ: бралась цѣна на хлѣбъ или на другіе необходимые жизненные продукты за нѣсколько лѣтъ и выяснялась преступность за эти же годы. При сравненіи погодно этихъ цифръ, оказывалось, что онѣ измѣняются параллельно: ростъ цѣнъ на хлѣбъ вызываетъ за собою увеличеніе преступности, а уменьшеніе такихъ цѣнъ сопровождается пониженіемъ числа преступленій. Такія сравненія

были произведены въ Италіи Форназари-ди Верче, въ Германіи -- Бергомъ, Вейдеманомъ, Принцингомъ и др., въ Австріи -- Герцемъ, въ Бельгіи -- Дени, относительно Сербіи -- Вадлеромъ, во Франціи -- Тардомъ, отчасти Проалемъ, въ Голландіи Бонгеромъ, въ Россіи -- Тарновскимъ, Гуревичемъ, Модеровымъ, Трайнинымъ, въ Швейцаріи -- Мееромъ. Преступленія противъ собственности находятся подъ особенно сильнымъ воздѣйствіемъ хлѣбныхъ цѣнъ. Относительно же преступленій противъ личности этого сказать нельзя. Если передать движеніе по годамъ хлѣбныхъ цѣнъ и преступности двумя кривыми, то можно замѣтить иногда ихъ полный параллелизмъ, но особенно тяжелые неурожаи оказываютъ свое пагубное вліяніе на ростъ преступности не только въ томъ же году, но часто и въ слѣдующемъ: тяжелыя экономическія потрясенія имѣютъ длящіяся продолжительныя послѣдствія. Для примѣра мы приведемъ слѣдующую таблицу, которую беремъ у Вадлера:

Цѣна риса и преступленія противъ собственности въ Сербіи.

Годъ.	Цѣна риса.	Годъ.	Преступленія противъ собствен.	Годъ.	Цѣна риса.	Годъ.	Преступленія противъ собствен.
1886/7	883	1887	1177	1896/7	703	1897	1949
1887/8	986	1888	1181	1897/8	1310	1898	2414
1888/9	875	1889	962	1898/9	849	1899	2328
1889/90	987	1890	1176	1899/00	832	1900	1831
1890/1	1058	1891	1463	1900/01	939	1901	2021
1891/2	1060	1892	1595	1901/02	1025	1902	1776
1892/3	728	1893	1198	1902/03	1213	1903	1596
1893/4	776	1894	1519	1903/04	1122	1904	1901
1894/5	1204	1895	2414	1904/05	1570	1905	2234
1895/6	844	1896	1501	—	—	—	—

Г. Модеровъ, разсмотрѣвъ связь между преступленіями противъ имущества и экономическимъ положеніемъ населенія Калужской губерніи за 1879—1907 г., нашелъ полный парал-

лелизмъ между обоими этими явленіями. Работа этого автора интересна, между прочимъ, тѣмъ, что онъ сравнивалъ преступность не только съ цѣнами на хлѣбъ, но и съ урожаями и нашелъ, что цѣна на хлѣбъ имѣетъ большее значеніе, чѣмъ степень урожая; только особенно рѣзкія и продолжительныя измѣненія въ состояніи урожаевъ парализуютъ дѣйствія хлѣбныхъ цѣнъ.

Для выясненія вліянія на преступность бѣдности было бы удобно обратиться къ сравненію имущественнаго положенія преступниковъ, но уголовно-статистическіе отчеты различныхъ государствъ не собираютъ, къ сожалѣнію, этихъ свѣдѣній и только нѣкоторыя страны составляютъ счастливое исключеніе. Пользуясь графами австрійской статистики объ имущественномъ положеніи осужденныхъ, Герцъ опредѣлилъ, что бѣдные классы даютъ въ три раза болѣе осужденныхъ, нежели люди, имѣющіе достатокъ (при этомъ подсчетъ принята во вниманіе численность населенія обѣихъ группъ); если же сравнивать преступленія противъ собственности, то разница въ совершеніи ихъ обѣими указанными группами будетъ значительно крупнѣе. Но и нѣкоторыя преступленія противъ личности составляютъ исключительное достояніе бѣднѣйшаго населенія; такъ, напри- мѣръ, среди сотни дѣтоубійцъ оказалось 92⁰/₁₀₀ лишенныхъ всякаго достатка и только 7,9⁰/₁₀₀ обладали нѣкоторымъ достаткомъ.

Первый опытъ выясненія роли жилищъ въ разви-
Жилища. тии преступности былъ произведенъ въ очень большихъ размѣрахъ въ 1894 г. въ Швейцарскомъ городѣ Лозаннѣ. Городское самоуправленіе поручило проф. Шнетцлеру выяснить этотъ вопросъ при производствѣ обслѣдованія жилищъ въ этомъ городѣ. Работа была выполнена съ большою тщательностью и потребовала большихъ затратъ труда и денежныхъ средствъ. Весь городъ былъ разбитъ на участки и по каждому изъ нихъ было подробнѣйшимъ образомъ обслѣдовано каждое жилое помещеніе; была выяснена цѣна каждой квартиры, ея состояніе съ точки зрѣнія гигиены и количество воздуха, приходившееся на жителя. По каждому изъ счетныхъ участковъ были высчитаны: средняя стоимость квартиръ, среднее количество воздуха, смертность, распространеніе заразныхъ болѣзней и преступность. Въ результатъ такого подсчета авторъ обслѣдованія пришелъ къ выводамъ, что въ тѣхъ самыхъ кварталахъ, въ которыхъ

квартирные условия хуже и где на каждого жителя приходится меньшее количество воздуха, развиты не только смертность и заразные болезни, но также и преступность. Къ такимъ же результатамъ пришелъ Клегеръ относительно Вѣны и г. Всевѣтскій относительно Москвы. Въ этихъ случаяхъ сказывается съ одной стороны вліяніе бѣдности, а съ другой-растлѣвающая обстановка многихъ жилищъ бѣдности. Особенно пагубно вліяютъ дурныя жилищныя условия на подростающій организмъ: негигіеничная обстановка подрываетъ физическія силы ребенка, дѣлая изъ него слабого и истощеннаго индивида, а совмѣстная жизнь съ большимъ числомъ лицъ, стоящихъ на нижнихъ ступеняхъ общественной лѣстницы, предающихся пьянству и открытому разврату, очень скоро губитъ его и нравственно.

Алкого- Общепризнаннымъ является вліяніе на преступ-
лизмъ. ность потребленія спиртныхъ напитковъ. Такое вліяніе можетъ обнаруживаться въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны психика лица, находящагося въ состояніи опьяненія, претерпѣваетъ глубокія измѣненія; поведеніе его мѣняется и, не будучи въ силахъ сдерживать себя, пьяный совершаетъ всѣ поступки, на которые толкаетъ его пьяная фантазія. Возбудимость его достигаетъ высокой степени развитія и проявляется наружу, въ видѣ грубыхъ рѣчей и непристойнаго поведенія. Оскорбленія словами и дѣйствіемъ, а также нарушеніе общественной тишины и приличія, становятся типичными преступлениями пьянаго. Но алкоголь является возбудителемъ и полового чувства и поэтому велико вліяніе алкоголизма и въ сферѣ половой преступности. Рѣже совершеніе въ состояніи опьяненія имущественныхъ преступленій: для тайнаго похищенія у пьянаго не хватаетъ ловкости, а для мошенническихъ продѣлокъ —сообразительности. Съ другой стороны вліяніе алкоголизма можетъ обнаруживаться въ томъ явленіи, которое носитъ названіе вырожденія. Потомство алкоголика отличается дефектами какъ умственнаго, такъ и нравственнаго свойства. Хроническій пьяница опускается все ниже и ниже и путь преступленія часто становится для него обычною дорогою, которой онъ идетъ въ своей жизни. На Брюссельскомъ тюремномъ конгрессѣ обсуждался вопросъ о связи алкоголизма съ преступностью и докладчики указывали на высокій процентъ алкоголиковъ среди преступниковъ. Такъ, Марамба нашелъ, что пьяницъ было среди

осужденныхъ за убійства, нанесеніе ранъ и др. подобныя преступленія — 82⁰/₀, за воровство, злоупотребленіе довѣріемъ и пр. — 64.2⁰/₀, за изнасилованіе и др. преступленія противъ нравственности 51.5⁰/₀. Наибольшее число нанесеній ранъ и убійствъ приходится на воскресенье и понедѣльникъ, т. е. на дни наибольшаго потребленія алкоголя. Потребленіе спиртныхъ напитковъ совершается въ большихъ размѣрахъ какъ богатыми, такъ и бѣднѣйшими классами, но по справедливому мнѣнію изслѣдователей, потребленіе алкоголя тѣмъ выше, чѣмъ безъисходнѣе нужда. Также доказано, что нѣкоторыя тяжелыя профессіи, какъ напримѣръ, трудъ на холодѣ въ удушливой пыльной атмосферѣ, толкаютъ на пьянство. Такимъ образомъ и въ данномъ случаѣ борьба съ преступностью, вызываемою алкоголемъ, должна сводиться, прежде всего, къ борьбѣ за улучшеніе экономического положенія населенія.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

Классификація преступниковъ и преступленій.

Числа преступниковъ

Опредѣлить дѣйствительное число преступниковъ не представляется возможнымъ: не всѣ преступленія становятся извѣстными и значительное число преступниковъ остается не обнаруженнымъ. Но уголовно-статистическіе отчеты во всякомъ случаѣ даютъ матеріалы судить о размѣрахъ арміи лицъ, совершающихъ дѣйствія, запрещенныя подѣ страхомъ наказанія. Такъ, за преступленія, проступки и нарушенія было осуждено въ Германіи въ 1910 г. 694016 чел.; въ Австріи въ 1907 г.—585883 чел.; во Франціи въ 1908 г.—714437 чел. Что касается Россіи, то относительно нея имѣются свѣдѣнія далеко не полныя, т. к. въ „Сводѣ стат. свѣд“ совершенно не входятъ осужденные волостными и гминными судами, а также и тѣ изъ осужденныхъ единоличными судьями, которые совершили проступокъ, караемый наказаніемъ низшимъ тюрьмы. Но изъ вычисленія г. Тарновскаго видно, что число осужденныхъ общими, мировыми и гминными судами въ Россіи въ 1908 году было 1109256 чел.

Классическая школа, не интересовавшаяся изученіемъ преступника, не обращала вниманія на эти громадныя цифры. Иначе должны были поступить уголовно-антропологическое и соціологическое направленія: они поставили своею задачею найти типичныя черты у различныхъ представителей міра преступниковъ, чтобы разбить ихъ сотысячныя арміи на группы и дать ихъ научную классификацію. Трудность предстоявшей работы не останавливала ученыхъ. Они имѣли передъ собою опытъ естествоиспытателей, достигшихъ блестящихъ результатовъ при классификаціи милліоновъ представителей растительнаго царства.

Классификація преступниковъ.

Уже первыя попытки изученія или даже простого наблюденія надъ преступниками показали, что объ однообразіи ихъ не можетъ быть рѣчи. Тюремный врачъ, начальникъ тюрьмы или священникъ, писавшіе еще за долго до появленія антропологической школы о мірѣ преступниковъ, отмѣчали, что среди нихъ встрѣчаются особенно же-

стокіе и упорные въ преступленіи, не знающіе раскаянія и состраданія; но эти же наблюдатели указывали и на другую категорию арестантовъ: для осужденныхъ этой группы преступленіе было непонятнымъ событіемъ въ ихъ жизни, которое никогда не повторится. Такимъ образомъ, въ этихъ наблюденіяхъ проводилось различіе между лицами, сдѣлавшими изъ преступленія свою профессію и случайными преступниками. Такое различіе чувствовалось и сторонниками классической школы и даже отчасти проводилось въ законодательствахъ. Но такъ какъ классическая школа интересовалась не преступникомъ, а преступленіемъ, то и въ данномъ случаѣ она обратила свое вниманіе не на субъекта преступной дѣятельности, а на повторно или многократно совершенное правонарушеніе и помѣстила ученіе о немъ въ отдѣлѣ о наказаніи, среди обстоятельствъ, увеличивающихъ уголовную отвѣтственность. Болѣе правильную постановку получилъ вопросъ въ трудахъ предшественниковъ антропологической школы Маудсли, Томпсона, Никольсона, Деспина, но общественное вниманіе онъ привлекъ къ себѣ со времени предложенія проф. Ферри его пятичленной классификаціи преступниковъ на слѣдующія группы: 1) душевно-больные преступники, 2) прирожденные, 3) привычные, 4) случайные и 5) по страсти. Авторъ даетъ подробную характеристику каждой изъ этихъ группъ. Въ первую группу входятъ люди, совершившіе преступленіе по душевной болѣзни. Но виды этой болѣзни настолько разнообразны, что невозможно дать общую характеристику типа помѣшаннаго. Сюда входятъ страдающіе идіотизмомъ, разными маніями, эпилептики, паралитики и др. Сюда же войдутъ страдающіе нравственнымъ помѣшательствомъ. Ферри опредѣляетъ эту болѣзнь какъ такую, при которой, при кажущейся нормальности логическаго мышленія, больные характеризуются утерей или ослабленіемъ нравственнаго чувства. Въ эту же группу входятъ и тѣ, кого Ломброзо назвалъ маттоидами, т. е., стоящіе, по выраженію Ферри, на границѣ между здоровьемъ и душевною болѣзнью.

Во вторую группу входятъ прирожденные преступники. Мы уже знакомы съ содержаніемъ этого термина изъ ученія Ломброзо. Но во время Брюссельскаго уголовно-антропологическаго конгресса сторонники школы Ломброзо признали возможность исправленія прирожденнаго преступника и такимъ образомъ

понятіе этой разновидности преступнаго міра измѣнилось сравнительно съ его первоначальнымъ содержаніемъ. Ферри указываетъ, что современная борьба съ прирожденными преступниками, которыхъ по десяти и по двадцати разъ заключаютъ въ тюрьмы, совершенно не достигаетъ цѣли. Авторъ сравниваетъ законодателя съ курицею, которая высидѣла утятъ и тщетно старается отучить ихъ отъ воды и плаванья.

Привычные преступники схожи съ прирожденными въ томъ отношеніи, что живутъ также какъ и они, преступленіями. Но у нихъ менѣе аномалій въ ихъ конституціи. Они совершаютъ преступленія подѣ вліяніемъ дурной среды, которой не могутъ противостоятъ. Попавъ въ тюрьмы, они выбиваются изъ колеи и спускаются все ниже. Отличіе этой группы отъ прирожденныхъ преступниковъ Ферри видѣлъ въ болѣе легкой возможности ихъ исправленія между, тѣмъ какъ рецидивъ у прирожденныхъ онъ считалъ „неизбѣжнымъ“.

Случайные преступники совершаютъ преступленія подѣ вліяніемъ физическихъ и соціальныхъ факторовъ и, если устранить это вліяніе, то они не совершатъ преступленія. Однако и въ нихъ имѣются особенности, обнимаемая именемъ антропологическихъ факторовъ. Отличіе прирожденного преступника отъ случайнаго лежитъ въ томъ, что первый ищетъ случая совершить преступленіе, а второй поддается вліянію неблагоприятно сложившихся обстоятельствъ. Прирожденная и привычная преступность вызывается нравственною нечувствительностью, а случайная создается какъ слѣдствіе непредусмотрительности. Ферри различаетъ среди случайныхъ преступниковъ двѣ категории: псевдо-преступниковъ и криминалоидовъ. Первые — нормальные люди (сюда относятся политическіе преступники и совершившіе преступныя дѣйствія при отсутствіи испорченности). Вторые совершаютъ обыкновенныя преступленія и отличаются описаннымъ выше характеромъ.

Наконецъ, преступники по страсти встрѣчаются, по мнѣнію Ферри, очень рѣдко. Мы находимъ ихъ чаще всего среди преступниковъ противъ личности. Ломброзо опредѣляетъ ихъ процентъ цифрою 5. Ферри характеризуетъ ихъ такъ: „преступники по страсти—это люди, прошедшая жизнь которыхъ безупречна, люди сангвиническаго или нервнаго темперамента и съ повышенной чувствительностью, чѣмъ они отличаются отъ при-

рожденныхъ и привычныхъ преступниковъ. Иногда они даже надѣлены темпераментомъ, приближающимъ ихъ къ помѣшаннымъ и эпилептикамъ, и ихъ преступный порывъ можетъ быть проявленіемъ этого скрытаго темперамента. Чаше всего (обыкновенно это бываетъ съ женщинами) они совершаютъ преступленіе въ молодости подѣ вліяніемъ внезапнаго взрыва страсти, гнѣва, неудовлетворенной любви, оскорбленной чести. Они обыкновенно бываютъ сильно взволнованы до, во время и послѣ совершенія преступленія; они совершаютъ его не скрываясь, не изъ засады, а открыто и часто посредствомъ плохо выбранныхъ первыхъ попавшихся имъ подѣ руку средствъ". Впрочемъ, далѣе авторъ признаетъ, что эти преступники могутъ дѣйствовать и очень хитро. Послѣ преступленія они чувствуютъ раскаяніе и могутъ кончить самоубійствомъ. Преступный типъ у нихъ или совсѣмъ не выраженъ или выраженъ очень слабо.

Такова классификація Ферри. Она пользуется извѣстностью, но не является общепризнанною даже среди криминалистовъ одного съ нимъ направленія. Ея важнѣйшій недостатокъ — отсутствіе яснаго разграниченія между отдѣльными категоріями. Такъ близки между собою въ описаніи Ферри преступники случайный и по страсти, прирожденный и привычный. Придавая слишкомъ большое значеніе внѣшнимъ особенностямъ преступника и антропологическимъ факторамъ преступности, Ферри не отнесся съ должнымъ вниманіемъ къ психологіи преступника. Еще большее значеніе внѣшнимъ признакамъ придалъ французскій авторъ Ледось, раздѣлившій преступниковъ на 8 группъ по типамъ боговъ римской мифологіи: 1) типъ Марса, 2) типъ Сатурна и т. д. или комбинированныхъ типовъ боговъ, напри- мѣръ, Марса и Венеры. Для примѣра приведемъ описаніе типа Марса: „густые всклокоченные волосы; большая голова; лобъ съ шишками и въ морщинахъ; необычайно длинныя, жесткія и густыя брови опускаются на большіе, круглые глаза сѣровато-зеленаго цвѣта, налитые кровью; взглядъ свирѣпый и неспокойный; массивный короткій носъ, раздвоенный и загнутый; ноздри очень широкія и растянутыя; громадный ротъ съ опускающимися краями и эфиопскими губами; выдающійся квадратный подбородокъ; короткая шея. Это—грубый человѣкъ съ дикими страстями, жестокій, мстительный, долго обдумывающій преступленіе". Эта классификація должна быть также отвергну-

та, какъ неправильно связывающая съ опредѣленною физиономіею непременно опредѣленные душевныя свойства.

Въ полную противоположность Ледосу, извѣстный сторонникъ антропологической школы Гарофало построилъ дѣленіе преступниковъ на психологической основѣ. Онъ намѣтилъ среди нихъ только двѣ группы: лишенныхъ чувства состраданія къ человѣку—преступниковъ противъ личности и 2) лишенныхъ честности—нарушителей права собственности. Первые доходятъ въ своемъ презрѣніи къ чужимъ личнымъ благамъ—къ здоровью, жизни, чести не только до хладнокровнаго ихъ попра- нія, но даже гордятся своими кровавыми дѣлами и считаютъ позоромъ для себя сравненіе ихъ съ мелкими ворами. Вторые питаютъ отвращеніе къ труду и живутъ ловкостью своихъ рукъ, изощренныхъ въ воровствѣ. Намъ придется вернуться къ этой теоріи, когда мы будемъ говорить объ опредѣленіи преступленія: ея недостатокъ лежитъ въ ея слишкомъ очевидной упрощенности и въ стремленіи свести величайшее разнообразіе жизненныхъ явленій къ двумъ группамъ въ связи со старымъ дѣленіемъ классической школы преступныхъ дѣяній по свойству нарушеннаго блага.

Мы также должны отвергнуть и очень дробную классификацію нѣмецкаго врача Ашаффенбурга, устанавливающего 7 группъ: 1) преступники по небрежности, 2) подъ вліяніемъ аффекта, 3) случайные, 4) умышленные, 5) рецидивисты, 6) привычные и 7) профессиональные. Авторъ опредѣляетъ преступниковъ по небрежности, какъ совершающихъ дѣяніе по неосторожности; къ преступникамъ по аффекту онъ причисляетъ тѣхъ, кто, вслѣдствіе страстнаго возбужденія, потерялъ способность мыслить логически. Случайный преступникъ отличается отъ принадлежащихъ къ только что описанной группѣ меньшею силою возбужденія чувствъ и дѣйствуетъ подъ вліяніемъ подвернувшагося случая. Предумышленные преступленія—результатъ долгаго обдумыванія. Къ рецидивистамъ Ашаффенбургъ относитъ тѣхъ, кто совершаетъ болѣе чѣмъ одно наказуемое дѣяніе. Авторъ не выясняетъ съ должною ясностью отличія этой группы отъ привычныхъ и профессионаловъ: онъ лишь указываетъ, что привычные опаснѣе рецидивистовъ, а профессионалы „не подають надежды на ихъ возвращеніе къ правильной общественной жизни“. Къ послѣднимъ принадлежатъ международные воры.

воры карманники и пр. Этому дѣленію представителей преступнаго міра приходится повторить упрекъ, сдѣланный классификаціи Ферри: отличіе между послѣдними тремя группами проведено слишкомъ слабо: для привычнаго преступника его преступленія становятся средствомъ жизни, т. е. профессіей; если авторъ полагаетъ, что профессиональ не можетъ отказаться отъ преступности, то не становится ли она его привычкою? Наконецъ, рецидивистъ, привычный и профессиональ совершаютъ преступленія въ большинствѣ случаевъ съ обдуманномъ заранѣе намѣреніемъ (признакъ четвертой группы); возможно также сліяніе признаковъ первой и пятой группы (напримѣръ *повторные случаи неосторожной ѣзды на автомобилѣ*). Главная ошибка Ашаффенбурга лежитъ въ выборѣ вмѣсто одного двухъ признаковъ классификаціи: онъ обращается то къ формамъ виновности (умыселъ и неосторожность), то къ степени упорства въ преступной дѣятельности.

Мы не будемъ останавливаться на другихъ многочисленныхъ попыткахъ дѣленія преступниковъ (напримѣръ, Лорана, Макселя, Вульфена, Листа, Орлика и др.), но упомянемъ лишь объ оригинальной теоріи соціолога Тарда, предлагавшаго дѣлить представителей преступнаго міра на городскихъ и сельскихъ съ установленіемъ особыхъ мѣръ борьбы для тѣхъ и другихъ. Такимъ образомъ, этотъ французскій криминалистъ выдвигалъ моментъ соціального порядка, оказывающій большое вліяніе на психологію человѣка, принадлежность его къ быстро растущей массѣ городского населенія или къ убывающей группѣ обитателей деревни.

Наиболѣе правильной классификаціей представляется намъ дѣленіе, предложенное Корромъ, съ небольшою поправкою къ нему: 1) преступники случайные, 2) профессионалы и 3) душевно-больные. Наша поправка состоитъ въ исключеніи изъ второй группы отнесенныхъ сюда авторомъ прирожденныхъ преступниковъ, существованіе которыхъ намъ представляется недоказаннымъ. Каковы особенности каждой изъ этихъ трехъ группъ?

Привычные преступники. Привычнымъ преступникомъ мы называемъ того, кто дѣлаетъ себѣ изъ преступленія профессію. Сюда входятъ специализировавшіеся на воровствѣ, мошенничествѣ, разбойники, бродяги, нищіе и др., незанимающіеся трудомъ. Одни изъ нихъ довольствуются самымъ жалкимъ существова-

ніемъ, другіе ведутъ жизнь полную роскоши и всѣхъ тѣхъ благъ, которыя можетъ дать богатство. Они не занимаются трудомъ или потому, что неспособны къ нему или потому, что питаютъ къ нему отвращеніе и предпочитаютъ легкую наживу. Среди профессиональных воровъ, мошенниковъ, нищихъ и бродягъ встрѣчаются разнообразныя типы, разнящіеся даже въ предѣлахъ одной и той же группы специализировавшихся, на примѣръ, на воровствѣ. Психологія бродяги и мошенника не одна и та же, но мало внутренняго сходства также между интернаціональнымъ воровъ, сегодня сидящимъ въ первомъ ряду парижской оперы, а черезъ день подъ видомъ блестящаго джентельмена очищающаго карманы аристократовъ на лондонскихъ скачкахъ и т. н. „голубятникомъ“, розыскивающимъ по чердакамъ бѣлье, чтобы продать его за безцѣнокъ скупщику краденнаго и удовлетворить свою страсть къ алкоголю. Поэтому нѣтъ возможности дать одну общую характеристику привычныхъ преступниковъ; съ ихъ психологіей должна знакомить особенная часть уголовного права, которая, къ сожалѣнію, до настоящаго времени совершенно игнорировала этотъ въ высшей степени важный вопросъ. Далеко не среди всѣхъ отдѣльныхъ преступленій встрѣчаются привычные преступники: по нѣкоторымъ преступленіямъ рецидивъ ничтоженъ. Но насколько велико число преступниковъ, ставшихъ профессионалами, показываютъ отчеты уголовной статистики. Такъ; во Франціи оказалось среди осужденныхъ судомъ присяжныхъ и исправительнымъ судомъ рецидивистовъ:

1903 г. . . .	85436	1906 г. . . .	80900
1904 „ . . .	85407	1907 „ . . .	84619
1905 „ . . .	88628	1908 „ . . .	86790

Въ Англіи въ 1909—1910 г. изъ 181.961, отбывавшихъ наказаніе 77.1⁰/₀ ж. и 57.3⁰/₀ м. были уже ранѣе присуждены къ тюремѣ. Среди же осужденныхъ за эти годы къ каторгѣ было 92.50⁰/₀ ж. и 88.39⁰/₀ м., отбывавшихъ ранѣе наказаніе въ тюрьмахъ и каторгѣ.

Въ Австріи за преступленія и проступки было осуждено рецидивистовъ въ 1901 г. 36305 или 52.6⁰/₀ общаго числа осужденныхъ и въ 1903 г. 54.9⁰/₀.

Интересныя свѣдѣнія о рецидивѣ собрала германская стати-

стика. Она выяснила, что среди осужденныхъ въ 1894 году, 260063 ранѣе не были осуждены, 62282 были ранѣе осуждены одинъ разъ, 64099 понесли наказанія отъ двухъ до четырехъ разъ и 30507 пять разъ и болѣе. Статистическое бюро продолжало свои наблюденія за судьбою всѣхъ этихъ четырехъ группъ въ послѣдующіе годы и оказалось, что изъ первой группы (т. е. изъ судившихся въ 1894 г. въ первый разъ) въ 1895 г. было уже осуждено вновь 12043 чел., т. е. 4.6⁰/₀; изъ второй группы—8114 или 13.3⁰/₀, изъ третьей группы (т. е. изъ числа тѣхъ осужденныхъ въ 1894 г., которые ранѣе 1894 г. уже были наказаны отъ двухъ до 4 разъ)—11939 или 18.6⁰/₀ и, наконецъ, изъ четвертой группы—въ 1895 г. было вновь осуждено 7403 или 24.3⁰/₀. Въ періодъ 1895—1899 г.г. общій процентъ осужденныхъ по первой группѣ былъ 15.4⁰/₀, по второй 39.5⁰/₀, по третьей—55.2⁰/₀ и по четвертой 71.7⁰/₀. Эти цифры служатъ прекрасными показателями не только безсилія примѣняемыхъ наказаній, но и вреда ихъ: каждое новое осужденіе даетъ основанія считать, что преступникъ будетъ все тверже и неуклоннѣе итти путемъ преступленія. Въ 1909 году въ Германіи было осуждено рецидивистовъ 249737.

Если современная карательная система является однимъ изъ факторовъ роста профессиональной преступности, то не слѣдуетъ умалять и здѣсь значеніе фактора нужды. Авторъ спеціальнаго изслѣдованія о рецидивѣ, г. Сакеръ, доказалъ, что вздорожаніе хлѣба, вызывающее ростъ имущественной преступности, вызываетъ увеличеніе рецидива по этимъ же деликтамъ. Проф. Герцъ подчеркиваетъ значеніе экономического фактора для роста рецидива среди бродягъ. Громадное число ихъ не знаетъ никакихъ ремеселъ и заносится въ статистическія рубрики, какъ „неимѣющіе профессіи“, или въ лучшемъ случаѣ какъ „поденьщики“.

Наибольшее число рецидивистовъ приходится на имущественныя преступленія. Такъ, по сообщенію Герца, среди содержащихся за имущественныя преступленія въ австрійскихъ тюрьмахъ оказалось 87.1⁰/₀, имѣющихъ по два предшествующихъ осужденія также за имущественныя преступленія. Высокъ процентъ рецидивистовъ и среди осужденныхъ за преступленія противъ жизни. Въ Германіи въ 1901—1906 г.г. среди осужден-

ныхъ за предумышленное убійство оказалось 54⁰ „, понесшихъ ранѣе различныя наказанія.

Большая часть повторно осужденныхъ находится въ возрастѣ наибольшаго разцвѣта силъ организма: отъ 20 до 30 и отъ 30 до 40 лѣтъ (австр. статистика). Мы, однако, думаемъ, что очень великъ процентъ повторно судящихся малолѣтнихъ: официальные отчеты уголовной статистики показываютъ цифры менѣе дѣйствительныхъ, такъ какъ большое число малолѣтнихъ оправдывается судами. При изслѣдованіи, напримѣръ, преступности 10 - 18 лѣтнихъ въ Москвѣ за два года (1908—1909 г.), выяснилось, что болѣе двадцати семи процентовъ изъ нихъ привлекались къ судебной отвѣтственности по два раза и даже чаще, а по нѣкоторымъ преступленіямъ противъ собственности (кража со взломомъ) даже свыше 55⁰%. Это обстоятельство не принимается во вниманіе классической школою и дѣйствующими кодексами, ведущими борьбу съ рецидивомъ лишь посредствомъ примѣненія къ нимъ болѣе продолжительныхъ наказаній.

**Случайный
преступ-
никъ.**

Кромѣ приведенной нами характеристики случайнаго преступника, сдѣланной Ферри, имѣются еще нѣсколько другихъ: профес. Листа, Импаломени, Лорана, Максвелля и др. Всѣ они, указывая на нѣкоторыя одинаковыя особенности этой группы преступниковъ, отмѣчаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ такія черты, которыя вносятъ въ понятіе случайнаго преступника новое содержаніе. Такъ, Лоранъ видитъ у нихъ недостатокъ самоанализа и всегда готовая вспыхнуть страсти. Они не въ достаточной степени способны подавлять свои желанія и легко поддаются вліянію другой личности. Максвелль полагаетъ, что, если преступленіе есть продуктъ внутреннихъ особенностей преступника и вліянія общественной среды, то случайный преступникъ отличается отъ привычнаго отсутствіемъ порочности и совершаетъ преступленіе подъ вліяніемъ потребностей: а) фізіологическихъ или б) психологическихъ, в) въ состояніи возбужденія или г) подъ вліяніемъ психо-соціальныхъ чувствъ. Авторъ пытается дать характеристику случайнаго преступника по голодной нуждѣ, по бѣдности, по половому побуду, изъ ревности, въ припадкѣ гнѣвнаго возбужденія, ради спасенія чести или изъ за нея оскорбленія, по мотивамъ религіознаго, политическаго характера и т. д. Несомнѣнно, что во всѣхъ

этихъ случаяхъ мы можемъ встрѣтиться со случайнымъ преступникомъ, но также несомнѣнно, что преступленіе по нуждѣ можетъ быть совершено и профессионаломъ; ревность, любовь, гнѣвъ, половыя влеченія доступны какъ закоренѣлымъ преступникамъ, такъ и новичкамъ.

Въ противоположность теоріи Ферри, криминалистъ социологъ Принсъ утверждаетъ, что у случайнаго преступника преобладаетъ индивидуальный факторъ, а въ дѣянiяхъ профессионала ярче обнаруживается социальное неустройство, но авторъ впадаетъ въ противорѣчіе съ собою, т. к. самъ придаетъ рѣшающее значеніе въ образованіи всякой преступности причинамъ общественнаго характера: социальная среда создаетъ почву, на которой развиваются тѣ или другіе характеры преступниковъ. Преступленіе случайнаго преступника находится въ большемъ противорѣчii съ его характеромъ, нежели уголовно-наказуемое дѣйствіе привычнаго съ его индивидуальностью и поэтому неправильно говорить о преобладаніи въ первомъ индивидуальнаго фактора. Именно эту точку зрѣнія развиваетъ другой виднѣйшій сторонникъ социологическаго направленія, проф. Листъ, различающій острую преступность отъ хронической и полагающій, что въ первой преобладаетъ внѣшнее побужденіе.

Мы считаемъ наиболее характерною чертою случайнаго преступника противорѣчіе его дѣйствія его характеру. Онъ можетъ совершить его какъ послѣ долгаго обдумыванія и мучительныхъ колебаній, такъ и въ порывѣ возбужденія, по внезапному рѣшенію, но онъ самъ признаетъ или свою „вину“ или неправильность избраннаго имъ пути, представлявшагося ему при данныхъ обстоятельствахъ неизбѣжнымъ. Подъ эту характеристику не подходятъ нѣкоторые политическіе и религіозные преступники. То что для уголовного закона является преступленіемъ, для нихъ — подвигъ; суровая кара, которой грозитъ законъ, превращается иногда для нихъ въ желанный вѣнецъ мученичества. Психологія этихъ правонарушителей часто схожа съ психологіей случайныхъ преступниковъ, потому что и тѣ и другіе могутъ очень высоко стоять въ нравственномъ отношеніи, но между ними есть и большое различіе, приближающее политическаго и религіознаго преступниковъ къ группѣ привычныхъ: ихъ уголовно наказуемыя дѣянiя не находятся въ противорѣчii съ ихъ внутреннимъ міромъ. Такія особенности

политического преступника даже побудили проф. Колаянни выделить ихъ въ особую группу. Однако, такое выдѣленіе нельзя признать правильнымъ. Колаянни выдѣляетъ здѣсь особую группу по признаку объективнаго характера (по объекту преступленія), между тѣмъ, какъ въ остальныхъ пяти группахъ отмѣчаетъ субъективные моменты. Между политическими и религіозными преступниками могутъ быть и такіе, которые войдутъ въ группу привычныхъ, такъ какъ они не свернутъ съ того пути, которымъ пошли. Но среди нихъ найдутся и случайные правонарушители.

Уголовно-статистическіе отчеты показываютъ, что наибольшее число осужденныхъ впервые находится среди обвиненныхъ за преступленія противъ религіи, противъ жизни, (особенно за дѣтоубійство) и, вообще, противъ личности, за должностныя преступленія, а наименьшее число среди обвиненныхъ за имущественныя преступленія.

Душевно-больные. Этой категоріей преступниковъ уголовныя законодательства интересовались до настоящаго времени лишь постольку, поскольку возбуждался вопросъ о возможности примѣненія къ нимъ наказаній. Лишь въ послѣднее время и, главнымъ образомъ, въ Италіи и Англіи, на этотъ вопросъ было обращено вниманіе и были организованы особые учрежденія для этой категоріи преступниковъ. Сдѣлавшая громадныя успѣхи психіатрія старательно и съ успѣхомъ изучала связь между различными душевными болѣзнями и преступностью. Добытыми результатами воспользовалась классическая школа науки уголовного права въ ея ученіи объ обстоятельствахъ, исключяющихъ отвѣтственность передъ уголовнымъ судомъ. Намъ придется вернуться къ этому позднѣе, но теперь же отмѣчаемъ ту громадную опасность для отдѣльных лицъ и общества, которая грозитъ имъ со стороны душевно больныхъ преступниковъ. Наиболѣе выдающіеся случаи убійствъ, поражающіе своею жестокостью, отвратительные акты полового неистовства, какъ показываютъ судебная хроника и отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ, совершаются этими больными чаще, чѣмъ это принято думать. Къ сожалѣнію, уголовная статистика почти совсѣмъ не собираетъ относящихся сюда свѣдѣній и только въ текущемъ году соотвѣтствующіе матеріалы рѣшило собирать въ Россіи министерство юстиціи.

Определение
преступле-
нія. При смѣнѣ всѣхъ теченій въ наукѣ уголовного права одинъ вопросъ продолжалъ одинаково привлекать къ себѣ вниманіе классиковъ, антропологовъ и соціологовъ: это вопросъ объ опредѣленіи преступленія. Впрочемъ, при нераздѣльномъ господствѣ юридической школы большихъ разногласій здѣсь не было: преступленіе для всѣхъ послѣдователей этой школы всегда было такимъ явленіемъ, характерные признаки котораго слѣдовало искать въ формѣ построенія уголовного приказа или запрета. Внѣшнимъ признакомъ преступленія было неразлучно съ нимъ связанное понятіе наказанія. Отсюда логически вытекало опредѣленіе преступленія какъ нарушенія запрета или неисполненія приказа, установленныхъ подъ страхомъ уголовной кары. Это формальное опредѣленіе было принято нѣкоторыми уголовными кодексами. Его преимуществомъ была его наглядность, т. е. видимость наиболее характерной черты его — наказанія. Практикъ легко различаетъ преступное отъ непроступнаго дѣянія, справляясь въ кодексъ — обложено оно наказаніемъ или нѣтъ. Впрочемъ, не у всѣхъ классиковъ мы находимъ эту наиболее удовлетворительную, по нашему мнѣнію, формулу. Но введенныя въ нее отличія мало существенны. Такъ, по ученію Фейербаха, преступленіе есть нарушеніе свободы, утвержденной общественнымъ договоромъ и охраняемой уголовнымъ закономъ. Для Биндинга преступленіе есть нарушеніе нормы закона съ карательною санкціею. Согласно опредѣленія Сергѣевскаго, преступленіе есть нарушеніе нормъ правопорядка, влекущее за собою наказаніе. Проф. Таганцевъ считаетъ преступнымъ дѣяніе, посягающее на юридическую норму въ ея реальномъ бытіи или дѣяніе, посягающее на охраненный нормою интересъ жизни. Такимъ образомъ, одно опредѣленіе говоритъ о нарушеніи нормы, другое о нарушеніи уголовного закона, третье о посягательствѣ на юридическій интересъ и т. д. Несомнѣнно, что въ этихъ выраженіяхъ есть нѣкоторыя различія, но также несомнѣнно, что всѣ эти формулы мало отличаются отъ приведенной нами ранѣе и также неизбѣжно вызываютъ у насъ дальнѣйшіе вопросы, оставаемые ими безъ отвѣта. Если преступленіе есть нарушеніе нормы закона съ уголовной санкціею, то какія нормы облагаются такою санкціею? Если преступленіе есть нарушеніе свободы, охраняемой уголовнымъ закономъ, то какую свободу охраняетъ этотъ законъ и т. д.?

Въ противоположность этимъ формальнымъ опредѣленіямъ, сторонники новыхъ школъ пытались дать опредѣленія матеріальныя. Цѣль ихъ дать такую формулу, которая позволила бы криминалисту оперировать съ нею при изслѣдованіи преступленія во всѣ эпохи „такъ же, какъ физикъ имѣетъ для своихъ работъ формулы жидкаго, твердаго и газообразнаго состоянія“. Бельгійскій криминалистъ Амонъ считаетъ преступнымъ всякій проступокъ, наносящій вредъ свободѣ дѣйствій индивидуума одного вида съ виновникомъ. Самъ авторъ признаетъ, что согласно его формулы преступными будутъ не только тѣ дѣйствія, которыя считаются теперь преступными по уголовнымъ кодексамъ, но и многія другія. Убійство, нанесеніе раны, похищеніе людей, причиненіе увечья лишаютъ человѣка свободы вполнѣ или отчасти и поэтому преступны. Клевета стѣсняетъ кругъ дѣйствія оклеветаннаго. Воровство ограничиваетъ свободу распоряженія собственностью. Но самъ Амонъ признаетъ преступленіемъ владѣніе собственностью въ размѣрахъ, превышающихъ потребности: такое владѣніе лишаетъ собственности другихъ. Одинъ фактъ соединенія людей въ союзы съ добровольнымъ ограниченіемъ свободы другъ друга есть также, по его мнѣнію, преступленіе. Такое опредѣленіе настолько обширно, что подъ него подводится цѣлый рядъ дѣйствій, ничего неимѣющихъ между собою общаго, и формула оказывается совершенно непригодной для работы съ нею. Задавшись цѣлью дать опредѣленіе, годное для всѣхъ временъ, авторъ пришелъ къ формулѣ, негодной даже и для настоящаго момента.

Сторонникъ антропологической школы Гарофало думалъ найти критерій преступнаго дѣянія въ чувствахъ. Онъ пытается дать понятіе „естественнаго“ преступленія. Естественнымъ преступленіемъ авторъ считаетъ отнюдь не такія дѣйствія, которыя всегда были и всегда будутъ. Такихъ дѣйствій нѣтъ и не среди нихъ надо искать отличительные признаки преступленія, а въ анализѣ чувствъ, среди которыхъ есть „вѣчныя“. Правда, ихъ содержаніе развивалось, но ядро или „сущность“ оставались неизмѣнными. Такими вѣчными чувствами являются гуманность и честность. Гуманность или жалость, по утвержденію Гарофало, чувство, общее всѣмъ народамъ, но не надо забывать исторіи ея развитія — постепеннаго расширенія того, что мы зовемъ нашими ближними: еретиковъ жгли не потому, что

въ средніе вѣка не существовало жалости, а потому что на нихъ не распространялось чувство жалости. Точно также отцеубійство у древнихъ народовъ не было оскорбленіемъ жалости, но было ея проявленіемъ, долгомъ сыновней любви, требованіемъ религіи. Другое чувство, оскорбляемое преступленіемъ, — справедливость или честность. Оскорбленіе чувства жалости или справедливости въ среднемъ ихъ размѣрѣ, въ какомъ обладаетъ ими общество, и есть преступленіе, согласно опредѣленія Гарофало. Авторъ признаетъ, что понятія естественнаго и юридическаго преступленія одно другое не покрываютъ; политическія преступленія, если они не соединены съ убійствами и другими общими преступленіями, не оскорбляютъ ни жалости, ни честности. Формула Гарофало имѣетъ важный недостатокъ: жалость и честность не одинаковы по ихъ содержанію не только въ различныя времена, но и у разныхъ классовъ общества и такимъ образомъ опредѣленіе средней величины, о которой говоритъ итальянскій ученый, представляется практически невозможнымъ. Тардъ указываетъ также на искусственность выбора двухъ отмѣченныхъ авторомъ чувствъ.

На конгрессѣ уголовной антропологии была сдѣлана оригинальная и вмѣстѣ съ тѣмъ неуспѣшная попытка опредѣленія преступленія съ точки зрѣнія физическихъ и фізіологическихъ законовъ Блокомъ и Онановымъ. Не смотря на существованіе нѣсколькихъ матеріальныхъ опредѣленій преступленія, ни однимъ изъ нихъ еще никто, не исключая и самихъ авторовъ, ни воспользовался въ своихъ работахъ. Объясненіе этому надо искать въ полной непригодности такихъ опредѣленій.

Мы думаемъ, что дать опредѣленіе преступленія со стороны его содержанія не представляется возможнымъ потому, что слишкомъ разнообразны тѣ дѣйствія, которыя входили и входятъ въ понятіе преступныхъ.

Вопросъ о различіи уголовного и гражданскаго права нарушенія. Въ правильности этого насъ убѣждаетъ судьба вопроса о разграниченіи гражданской и уголовной не-правды. Было создано большое количество теорій, которыя имѣли цѣлью дать ясное различіе между нарушеніями уголовного и гражданскаго закона, но то, что съ величайшимъ напряженіемъ мысли создавалось однимъ, разрушалось другимъ, а созданное этимъ подвергалось жестокой критикѣ третьяго. Ошибка всѣхъ этихъ теорій была въ

томъ, что ихъ творцы искали различіе между гражданской и уголовной неправдою, какъ нѣчто вѣчное, неизмѣнное отъ вѣка вѣковъ, лежащее въ самыхъ свойствахъ этихъ неправдъ или въ самихъ нарушителяхъ гражданского и уголовного закона. Но углубленіе въ историческое изученіе права, знакомство съ нимъ въ различныя эпохи его долгой жизни, показало нѣкоторымъ изъ изслѣдователей, что все различіе между этими нарушеніями сводится къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыя они ведутъ за собою: если совершается гражданская неправда, то нарушитель обязанъ возмѣстить или вознаградить причиненный убытокъ, совершеніе же уголовной неправды влечетъ за собою болѣе тяжкія послѣдствія—наказаніе. „Измѣнчивыя потребности то вкладываютъ мечъ въ руки уголовного правосудія, то снова берутъ его“ сказалъ Іерингъ. Подъ этими измѣнчивыми потребностями времени мы понимаемъ соотношеніе силъ въ государствѣ. Въ игнорированіи этого обстоятельства была ошибка всѣхъ тѣхъ авторовъ, которые старались дать матеріальное опредѣленіе преступленія, т. е. годное для всѣхъ временъ. Но исторія не знаетъ такихъ преступленій: ни собственность, ни честь, ни свобода, ни даже сама жизнь не пользовались постоянно одной и той же защитой. Вопросомъ о разграниченіи гражданской и уголовной неправды особенно занимались криминалисты классической школы. Криминалисты новыхъ школъ обходятъ этотъ вопросъ полнымъ молчаніемъ или ограничиваются самыми краткими замѣчаніями. Но и въ новѣйшей литературѣ классическаго направленія мы встрѣчаемся съ интереснымъ признаніемъ, что безчисленные попытки выясненія отличія между нарушеніемъ гражданского и уголовного закона, искавшія его въ самыхъ свойствахъ нарушеній, должны быть признаны не только ошибочными, но невѣрными въ самомъ ихъ основаніи, такъ какъ никакого принципиальнаго различія не существуетъ. Даже такіе виднѣйшіе представители классической школы, какъ проф. Таганцевъ и Сергѣевскій, признали полную безплодность работы своихъ ученыхъ единомышленниковъ въ лицѣ цѣлыхъ ихъ поколѣній. Такое признаніе со стороны проф. Таганцева тѣмъ болѣе важно, что въ концѣ 60-тыхъ годовъ прошлаго вѣка онъ самъ отстаивалъ принципиальное различіе гражданской и уголовной неправды въ своемъ трудѣ „О повтореніи преступленій“ (стр. 19).

Дѣленіе преступленій.

Дѣянія, считаемыя кодексами за преступныя, отличаются своимъ разнообразіемъ. По вычисленіямъ Ферри итальянское уложеніе объявляетъ преступными 201 различное дѣйствіе, французскій кодексъ — 150, а германское уложеніе 203 дѣйствія. Такое число различныхъ преступленій вызываетъ необходимость ихъ классификаціи, которая облегчила бы практикамъ — юристамъ возможность примѣненія закона, а теоретикамъ возможность ихъ систематическаго изученія. Дѣленіе преступныхъ дѣяній можетъ имѣть различныя основанія и извѣстно съ давняго времени.

Въ древнемъ русскомъ правѣ не находимъ не только классификаціи, но и твердо выдержаннаго термина для обозначенія преступнаго дѣянія. Его называли „обидой“, „головщиной“, „воровствомъ“ и при Петрѣ I „преступленіемъ“ и „проступкомъ“. Сводъ законовъ 1832 г. опредѣлялъ: „преступленіемъ называется всякое дѣяніе, запрещенное подъ страхомъ наказанія уголовнаго, а проступкомъ маловажное преступленіе или дѣяніе, запрещенное подъ страхомъ легкаго тѣлеснаго наказанія или полицейскаго исправленія“. Но законъ не опредѣлялъ какія наказанія онъ считаетъ легкими тѣлесными, и полицейскими. Дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ въ первой статьѣ не проводитъ различія между преступленіемъ и проступкомъ. Уголовное уложеніе 1903 г., слѣдуя примѣру французскаго кодекса, германскаго уложенія и др. законодательствъ, ввело трехчленную классификацію. Оно знаетъ тяжкія преступленія, преступленія и проступки. Тяжкими преступленіями именуются дѣянія, за которыя опредѣлены, какъ высшее наказаніе, смертная казнь, каторжныя работы или ссылка на поселеніе; преступленіями именуются дѣянія, за которыя въ законѣ опредѣлены, какъ высшія наказанія, заключеніе въ исправительномъ домѣ, крѣпости или тюрьмѣ; тѣ дѣянія, за которыя, какъ высшее наказаніе, опредѣлены арестъ или денежная пеня, называются проступками. Послѣдніе проекты германскаго и австрійскаго уложеній также приняли трехчленное дѣленіе.

Въ защиту трехчленнаго дѣленія указываютъ на удобства его при современной организаціи судовъ: судъ присяжныхъ, судъ исправительный и единоличный (Франція), каждый вѣдаетъ опредѣленную категорію преступныхъ дѣяній. Противники этого дѣленія отстаиваютъ дѣленіе преступныхъ дѣяній на двѣ груп-

пы. Оно принято голландскимъ, итальянскимъ, невшателскимъ кодексами, проектомъ швейцарскаго уложенія. Принсъ, отстаивающій его, видитъ его достоинства въ соотвѣтствіи его съ дѣйствительною тяжестью преступныхъ дѣйствій и съ ихъ общественнымъ значеніемъ: „есть тяжкія преступныя дѣйствія, относительно вредности и необходимости репрессіи которыхъ согласны всѣ цивилизованныя страны. Но есть преступныя дѣянія, внутреннее значеніе которыхъ ничтожно; они преимущественно направляются на полицейскіе предписанія и запреты; ихъ совершители нарушаютъ правила мѣстной регламентаціи; это—область мелкой преступности, болѣе подвижной, болѣе неопредѣленной. „Принсъ полагаетъ, что такая классификація“ приспособляетъ кодексы къ требованіямъ соціальной жизни“. За двухчленную классификацію говоритъ и происходящій въ нѣкоторыхъ государствахъ (во Франціи и Бельгіи) процессъ искусственнаго превращенія дѣяній одной группы въ дѣйствія, входящія въ понятіе другой группы. Обращаясь къ бельгійской статистикѣ, мы видимъ, что число дѣлъ, разобранныхъ съ участіемъ присяжныхъ, именуемыхъ *crimes*, изъ года въ годъ уменьшается. Это кажущееся исчезновеніе преступленій достигается искусственнымъ превращеніемъ ихъ въ проступки посредствомъ отбрасыванія отягчающихъ вину обстоятельствъ и измѣненія подсудности. Съ другой стороны мы укажемъ, что если признавать за трехчленною классификаціей достоинство, вслѣдствіе ея соотвѣтствія организаціи судовъ, то не слѣдуетъ опускать изъ вниманія, что, напримѣръ, въ Россіи типовъ судовъ значительно болѣе, нежели три: коллегіальный выборный волостной судъ, единоличный мировой судъ, коллегіальный коронный съ участіемъ и безъ участія представителей общества и съ представительствомъ различнаго типа. Такимъ образомъ, мы отдаемъ преимущество двухчленной классификаціи.

Преступленія дѣлятся или по тѣмъ интересамъ, на которые они направляются или по субъектамъ преступленій. По объекту или по содержанію блага они дѣлятся на государственныя, общественныя и частныя. Каждая изъ этихъ группъ можетъ быть раздѣлена еще на нѣсколько. По субъекту преступленія дѣлятся на общія и особенныя субъектами первыхъ можетъ быть всякое лицо, а субъектами вторыхъ лишь лица, занимающія опредѣленные положенія въ государствахъ, напримѣръ, должностныя лица. По

способу вчиненія уголовного иска и его прекращенія уголовно-наказуемыя дѣянія дѣлятся на публичныя и частныя; обвиненіе за первыя начинается и ведется органами государственной власти, а производство по вторымъ зависитъ отъ воли частнаго лица, но это дѣленіе относится болѣе къ уголовному процессу, нежели къ матеріальному уголовному праву.

Литература: М. П. Чубинскій: Очерки уголовной политики. Харьк. 1905 г. Вульффертъ: Уголовно-позитивная школа уголовного права въ Италіи. вып. I. 1887 г. вып. II. 1893 г. Ломброзо: Преступленіе Перев. Гордона С.-Пб. 1900 г. Ломброзо и Ферреро: Женщина преступница и проститутка. 2-е изд. 1902 г. Лоранъ: Уголовная антропология и новыя теоріи преступности. Перев. 1897 г. Гавелекъ-Элли: Преступникъ. Перев. (съ портретами преступниковъ, образцами татуировки). Тардъ: Преступленіе и преступникъ. Перев. 1906 г. Ашаффенбургъ: Преступленіе и борьба съ нимъ. О. 1906 г. Гернетъ: Общественныя причины преступности. М. изд. Скирмунта. 1906 г. Принсъ: Преступность и репрессія. М. 1898 г. Чарыховъ: Къ ученію о факторахъ преступности. М. 1910 г. Спасовичъ: Новыя направленія въ наукѣ уголовного права. 1891 г. Тардъ: Сравнительная преступность. М. 1907 г. Уголовное право и социализмъ. Сборникъ статей. Перев. подъ ред. Гернетъ. Изд. Сытина М. 1907 г. Д. Дриль. Преступность и преступники. С.-Пб. 1895 г. Лоранъ: Тюремный міръ. Перев. съ франц. Амонъ: Детерминизмъ и вмѣняемость. Перев. подъ ред. Жижиленко. 1905 г. Ферри: Уголовная социология. Перев. М. Чадовъ: Случайный преступникъ. Х. 1906 г.

ПЯТАЯ ГЛАВА.

Уголовный законъ. Право наказанія и цѣли наказанія. Отдѣльныя карательныя мѣры.

Уголовный законъ. Содержаніе уголовныхъ кодексовъ распадается на двѣ части: въ первой изъ нихъ мы находимъ общія положенія о преступленіяхъ и наказаніяхъ, т. е. о дѣленіи преступленій, объ условіяхъ уголовной отвѣтственности, о карательныхъ мѣрахъ, объ обстоятельствахъ, вліяющихъ на размѣръ наказанія и т. д., а во второй содержатся постановленія объ отдѣльныхъ преступленіяхъ и наказаніяхъ за нихъ. Эти послѣдніе законы содержатъ указаніе признаковъ преступнаго дѣянія (описательная или диспозитивная часть) и наказанія за него (санкція). Санкція можетъ быть трехъ видовъ: 1) опредѣленная, когда наказаніе указано въ законѣ самымъ точнымъ образомъ, на примѣръ, указано на сколько лѣтъ долженъ быть заключенъ въ тюрьму осужденный. Усмотрѣнію судьи здѣсь не остается мѣста. 2) Неопредѣленная санкція не указываетъ не только размѣра, но даже и рода наказанія. 3) Относительно---опредѣленная санкція указываетъ тѣ предѣлы, въ которыхъ можетъ имѣть мѣсто усмотрѣніе судьи. Эта санкція является въ настоящее время господствующей. Она, устраняя возможность судейскаго произвола, даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ органамъ судебной дѣятельности возможность широкаго выбора мѣръ наказанія не только различной продолжительности, но и различнаго рода. Но какъ ни обширны въ настоящее время полномочія судьи по примѣненію къ преступнику наказанія, тѣмъ не менѣе раздаются голоса, требующіе еще большей широты. Сторонники уголовно-антропологической школы, настаивавшіе на реформѣ судоустройства и на введеніи въ число судей врачей психіатровъ и антропологовъ, считаютъ необходимымъ какъ расширеніе рамокъ судейскаго усмотрѣнія, такъ и предоставленіе тюремной администраціи большихъ полномочій по приведенію наказаній въ исполненіе. Это теченіе особенно ярко выразилось въ институтѣ относительно опредѣленныхъ приговоровъ, при которыхъ указывается лишь высшій срокъ возможнаго задержанія преступника, а ближайшее опредѣленіе размѣра зато-

ченія переходитъ въ дѣйствительности къ тюремной администраціи. Но противъ этой системы раздались сильныя возраженія, указывавшія на опасность предоставленія административнымъ органамъ такой власти. Однако, предложенная система была принята нѣкоторыми карательно-исправительными учрежденіями Америки.

Большее сочувствіе у теоретиковъ и практиковъ встрѣтилъ другой коррективъ къ дѣятельности суда по назначенію наказанія: предоставленіе тюремной администраціи или особымъ органамъ, иногда подъ контролемъ суда и при соблюденіи извѣстныхъ условій, сокращать наказаніе, назначенное приговоромъ, и отпустить заключеннаго ранѣе срока (условное освобожденіе).

Относительно — опредѣленная санкція наиболѣе отвѣчаетъ современному состоянію правосудія. Безусловно неопредѣленная санкція предполагаетъ слишкомъ большое довѣріе къ судейской дѣятельности, а санкція опредѣленная могла существовать лишь при взглядѣ на наказаніе, какъ на возмездіе: если дѣяніе оцѣнивается только по его объективной важности и совершенно игнорируется личность правонарушителя, то опредѣленная санкція можетъ быть оправдана. Но въ настоящее время наказаніе, даже по ученію сторонниковъ теоріи возмездія, служитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, извѣстнымъ полезнымъ цѣлямъ. Успѣшное достиженіе этихъ цѣлей зависитъ отъ возможности сообразоваться съ особенностями каждаго даннаго случая и, въ частности, съ особенностями самого преступника. Итакъ, извѣстный просторъ судейскаго усмотрѣнія имѣетъ за собою всѣ основанія. Но начала личной свободы требуютъ, чтобы онъ не былъ безграничнымъ.

Предѣлы дѣйствія закона. Уголовный законъ не вѣченъ и такимъ образомъ возникаетъ вопросъ о предѣлахъ его дѣйствія во времени: когда онъ пріобрѣтаетъ силу и когда онъ ее теряетъ? Но онъ и не вездѣсущъ. Созданіе опредѣленной государственной власти, — онъ безсиленъ на территоріи другого государства. Но это общее положеніе не разрѣшаетъ всѣхъ сомнительныхъ случаевъ примѣненія закона въ предѣлахъ времени и пространства.

Необходимымъ условіемъ вступленія закона въ силу является его обнародованіе. Въ прежнее время оно достигалось посредствомъ оглашенія текста въ церквахъ и на площадяхъ, а те-

перь достигается посредствомъ напечатанія его въ официальныхъ изданіяхъ. Такъ какъ дѣйствующія уголовныя законодательства устанавливаютъ правило, что никто не можетъ отговариваться незнаніемъ закона, то на предполагаемое ознакомленіе съ изданнымъ закономъ они отводятъ нѣкоторое очень короткое время: по общему правилу онъ вступаетъ въ силу на другой день послѣ его полученія въ мѣстѣ исполненія (въ Россіи на другой день послѣ полученія надлежащимъ судебнымъ мѣстомъ собраній узаконеній съ текстомъ новаго закона). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при обнародованіи закона, указывается срокъ его вступленія въ силу. Что касается прекращенія дѣйствія уголовного закона, то оно наступаетъ вслѣдствіе замѣны закона другимъ противоположнаго содержанія. Обыкновенно при изданіи закона указывается какіе старые онъ замѣняетъ. При неуказаніи этого рѣшеніе вопроса принадлежитъ суду. Законъ можетъ быть отмѣненъ и безъ замѣны его другимъ. Возможны случаи, когда срокъ прекращенія дѣйствія закона указывается при его опубликованіи, но это бываетъ рѣдко. По общему правилу законъ не имѣетъ обратной силы, т. е. не примѣняется къ преступленіямъ, совершеннымъ до вступленія его въ силу, но большинство теоретиковъ настаиваетъ на одномъ исключеніи изъ этого правила: законъ, исключаящій дѣяніе изъ числа преступныхъ или смягчающій отвѣтственность, долженъ имѣть обратную силу.

Предѣлы дѣйствія уголовного закона въ отношеніи мѣста опредѣляются территоріей государства, т. е. подчиненною ему частью суши, воды и воздушнаго пространства надъ ними. Если море омываетъ берега нѣсколькихъ государствъ, то лишь часть воднаго пространства, примыкающая на извѣстномъ разстояніи къ берегамъ, составляетъ собственность государства. Но не всѣ преступныя дѣянія, учиненныя въ предѣлахъ даннаго государства, подлежатъ дѣйствію его уголовныхъ законовъ. Съ другой стороны возможны и такіе случаи, когда преступленія, совершенныя за предѣлами государства, влекутъ за собою примѣненіе его уголовныхъ законовъ. Не подлежатъ дѣйствію уголовныхъ законовъ глава государства въ ограниченныхъ и неограниченныхъ монархіяхъ, уполномоченные другого государства и глава чужого государства во время его пребыванія въ государствѣ, иностранныя войска дружественной державы или вообще во-

шедшія въ страну съ согласія ея правительства, экипажъ военныхъ кораблей и нѣкоторые другіе. Возможны случаи распространенія области примѣненія уголовныхъ законовъ данной страны на своихъ подданныхъ, живущихъ въ другихъ странахъ. Такъ, напримѣръ, 8 ст. Угол. улож. 1903 г. распространяетъ дѣйствіе этого кодекса на русскихъ, проживающихъ въ Персіи, Корей, Китаѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ.

Въ случаѣ бѣгства лица, совершившаго преступленіе, въ другое государство, возможно требованіе его выдачи для производства суда надъ нимъ. Между государствами существуютъ многочисленные договоры о такой выдачѣ. Въ отношеніи политическихъ преступниковъ обыкновенно дѣлается исключеніе: они не подлежатъ выдачѣ. Мы не останавливаемся подробнѣе на институтѣ выдачи преступниковъ, такъ какъ онъ относится болѣе къ международному праву, нежели къ уголовному.

Право наказанія.

Мы переходимъ теперь къ вопросу, которому особенно посчастливилось въ нашей наукѣ — къ проблемѣ о правѣ наказанія въ борьбѣ съ преступленіями. Она была затронута въ трудахъ древнихъ философовъ и юристовъ, въ твореніяхъ церковныхъ писателей первыхъ вѣковъ христіанства; ее подробно разрабатывали въ средніе вѣка. Вопросъ о правѣ наказанія сталъ излюбленною темою ученыхъ классической школы. Громадное большинство ихъ считало своимъ долгомъ удѣлить свой трудъ подысканію основаній этого права, стремясь внести сюда что нибудь свое новое, хотя бы и очень мало оригинальное. О числѣ этихъ попытокъ можно судить по громадной цифрѣ приблизительнаго подсчета различныхъ теорій о правѣ наказанія: ихъ опредѣляютъ, считая только появившіяся со времени Гроція, цифрою свыше ста. Эти попытки не прекращаются даже въ наши дни. Однако, удивительны не эти стремленія къ разрѣшенію вопроса о правѣ наказанія, остававшіяся совершенно безполезными въ практическомъ отношеніи, но удивительна предвзятость защищаемой мысли — о признаніи за государствомъ права на борьбу съ преступленіемъ именно посредствомъ наказаній.

Въ противоположность криминалистамъ классической школы, мы не будемъ долго останавливаться на ученіи о правѣ наказанія и ограничимся краткимъ изложеніемъ немногихъ болѣе типичныхъ теорій. Обиліе этихъ теорій уже давно вызвало не-

обходимость ихъ классификаціи. Общераспространеннымъ является дѣленіе ихъ на двѣ группы: признающія и отрицающія право наказанія. Первая группа въ свою очередь дѣлится еще на нѣсколько группъ. Такъ, проф. Таганцевъ дѣлитъ ихъ: на А) теоріи, выводящія право наказанія изъ природы личности; Б) выводящія его изъ условій общежитія. Но и эти группы дѣлятся авторомъ еще на нѣсколько. Такъ группа А дѣлится на теоріи, выводящія право наказанія изъ чувственныхъ свойствъ человеческой природы и изъ умственныхъ. Группа Б дѣлится на 1) теологическія, 2) договорныя, 3) матеріальныя. Но этимъ дѣленіе еще не кончается, такъ какъ матеріальныя теоріи дѣлятся еще на три группы. Такая дробная классификація имѣетъ значеніе при детальномъ изученіи литературы о правѣ наказанія. Мы остановимся на менѣе сложной классификаціи, встрѣчающейся у многихъ криминалистовъ и въ частности у проф. Колоколова: онъ дѣлитъ теоріи, признающія право наказанія, на четыре группы: абсолютныя, цѣлевыя, правовыя и сложныя. Въ первую группу входятъ всѣ тѣ попытки обоснованія права наказанія, которыя построены на абсолютныхъ началахъ, на вѣлѣніяхъ божества или требованіяхъ справедливости. Во вторую группу входятъ ученія, выдвигающія полезность наказанія и оправдывающія его именно этою полезностью. Въ третью группу относятся теоріи, выдвигающія начала юридическаго правового характера и въ четвертую авторъ относитъ ученія, въ которыя входятъ элементы первыхъ трехъ группъ въ той или другой ихъ комбинаціи.

**Абсолютныя
теоріи.**

Среди абсолютныхъ теорій старѣйшія—т. н. теологическія, основывающія наказаніе на требованіяхъ божества и необходимости его умилоствленія. Эти теоріи были особенно развиты въ средніе вѣка. Ихъ авторы старались доказать подборомъ текстовъ священнаго писанія божественное установленіе наказанія. Нѣкоторые изъ сторонниковъ этихъ ученій заходили такъ далеко, что старались оправдать текстами священнаго писанія даже существованіе смертной казни. Средневѣковое сожженіе за ереси избавляло, по убѣжденію защитниковъ этого наказанія, отъ вѣчныхъ мукъ ада.

Въ новое время теологическая теорія проведена въ работахъ нѣкоторыхъ авторовъ и особенно у Іосифа де Местра и Штала. Для перваго изъ названныхъ ученыхъ палачъ не только опора власти, но и исполнитель воли божества: „все величіе,

всякое могущество основывается на немъ: онъ ужасъ и скръпъ человѣческаго общежитія. Отнимите у міра этого незамѣнимаго агента и въ тотъ же мигъ порядокъ превратится въ хаосъ, троны рушатся въ бездну и общество исчезнетъ“ (Таганцевъ Рус. Уг. Пр. 2. т. 867 стр.). Авторъ, защищая право наказанія, говоритъ, что даже кара невиновнаго полезна, потому что „кровь, пролитая виновнымъ, можетъ быть искуплена кровью невиннаго“. Всякое наказаніе — актъ божественной воли. Авторъ оправдываетъ казнь лица за преступленіе, котораго онъ не совершалъ, т. к. „слѣдовательно, онъ совершилъ другія преступленія“. Другой сторонникъ теологическихъ теорій, Шталь, считаетъ земное царство отраженіемъ небеснаго. На небѣ судить Богъ, а на землѣ—земные судьи, и власть судить, какъ и другія власти, установлена Богомъ. Проф. Таганцевъ не безъ остроумія замѣчаетъ объ этой теоріи, что вѣрующему человѣку уподобленіе земскаго начальника Верховному Судѣ-Богу можетъ показаться прямымъ кощунствомъ.

Внесеніе въ науку теологическаго элемента всегда было большимъ шагомъ назадъ и возвратомъ къ среднимъ вѣкамъ съ гнетомъ церкви въ тѣхъ дѣлахъ, куда совершенно не должна простираться ея власть. Большою опасностью для свободы человѣка является стремленіе авторовъ теологическихъ теорій водворить на землѣ угрозой кары нравственный порядокъ. Исторія идетъ къ постепенному отдѣленію церкви отъ государства; теорія же Шталя проповѣдуетъ какъ разъ обратное. Религія становилась всегда въ самое смѣшное положеніе, когда обращалась къ критикѣ науки. Среди глубоко вѣрующихъ христіанъ не мало находится такихъ, которые считаютъ всякое насиліе, а въ томъ числѣ и наказаніе, не согласнымъ съ духомъ ученія Христа.

Изъ абсолютныхъ теорій укажемъ также ученіе философа Канта. „Имѣются“, говоритъ онъ, „врожденные идеи—категорическіе императивы. Къ числу ихъ принадлежитъ идея справедливости, требующая, чтобы всякое преступленіе было наказано. Наказаніе является возмездіемъ или удовлетвореніемъ поправленной справедливости. Оно не можетъ преслѣдовать никакихъ цѣлей полезности, потому что преступникъ-человѣкъ не можетъ быть средствомъ и орудіемъ. Преступникъ долженъ быть казненъ даже въ томъ случаѣ, если вслѣдъ за казнью погибнетъ все

общество. Справедливость требуетъ, чтобы наказаніе было физическимъ страданіемъ, равнымъ страданію, причиненному преступленіемъ: за убійство—смертная казнь, за изнасилованіе, мужеложство—кастрація, за скотоложство—изгнаніе изъ человѣческаго общества, за обиду—униженіе въ видѣ цѣлованія руки и пр., за преступленія противъ собственности—временный или пожизненный принудительный трудъ и т. д. За послѣдній родъ преступленій виновный долженъ былъ бы быть лишенъ права собственности и возможности пріобрѣтать ее, но такъ какъ въ такомъ случаѣ ему грозила бы голодная смерть, то государство превращаетъ его въ своего раба, беря на себя заботы о поддержаніи его существованія. „Критика указывала на бездоказательность утвержденія о прирожденныхъ идеяхъ, на чрезвычайную грубость этой теоріи нѣмецкаго философа, съ которой не мирится современный человѣкъ. Непонятнымъ остается почему наказаніе должно примѣняться по принципу ветхозавѣтнаго „око за око“.

Теорія цѣлевыхъ. Въ группѣ цѣлевыхъ теорій наиболее старою является теорія устрашенія. Она видитъ право государства на наказываніе преступниковъ въ достиженіи этимъ извѣстной полезной цѣли—устрашенія гражданъ и въ обеспеченіи такимъ образомъ правового порядка. Теорія устрашенія была проведена въ старыхъ законодательствахъ и въ средніе вѣка, но она не исчезла и въ наши дни. Однако, ея защитниковъ въ наукѣ осталось очень мало. Это обстоятельство не останавливаетъ реакціонныхъ представителей въ законодательныхъ собраніяхъ настаивать на политикѣ устрашенія и на принятіи новыхъ уголовныхъ законовъ съ суровой и даже жестокою репрессією. Критика указывала авторамъ этой группы теорій, а также и всѣмъ другимъ сторонникамъ цѣлевыхъ теорій, что обозначеніе цѣли наказанія не является оправданіемъ послѣдняго. Ошибочно считать, что человѣкъ въ своихъ дѣйствіяхъ руководится лишь однимъ чувствомъ страха. Послѣдовательное проведеніе теоріи устрашенія должно бы привести къ восстановленію всѣхъ тѣхъ карательныхъ мѣръ, которыя уже давно отошли въ область прошлаго.

Въ настоящее время большинство цѣлевыхъ теорій видитъ оправданіе наказанія въ служеніи его цѣлямъ исправленія преступника, при этомъ одни авторы говорятъ о нравственномъ

исправленіи, а другіе — лишь о соціальному. Нравственное исправленіе предполагаетъ воздѣйствіе на нравственную природу виновнаго, а соціальное — лишь приспособленіе преступника къ условіямъ общежитія. Относительно этой группы ученій сохраняется свою силу возраженіе, выдвинутое противъ предшествующей группы теорій устрашенія: здѣсь наблюдается смѣшеніе вопроса объ оправданіи наказанія съ его цѣлями.

**Правовыя
теоріи.**

Среди правовыхъ теорій однѣ указывали на договорное происхожденіе государства и предполагали, что наши далекіе предки, при заключеніи договора о государственномъ союзѣ, вошли въ соглашеніе между собою и относительно примѣненія къ нарушителямъ договора различныхъ наказаній. Они выговаривали примѣненіе наказанія какъ мѣру, болѣе выгодную для нихъ, нежели изгнаніе изъ союза, которое было равносильно смерти. Въ настоящее время эти ученія уже не имѣютъ сторонниковъ, такъ какъ опровергнуто договорное происхожденіе государства.

Другія правовыя теоріи обосновываютъ право наказанія институтомъ самообороны. Каждому отдѣльному лицу принадлежитъ право защищать себя собственными силами противъ нападающаго, если государство со всѣми его органами не приходитъ на помощь. Но такое же право принадлежитъ и самому государству, которое на этомъ основаніи и примѣняетъ наказанія къ преступнику. Однако, между институтомъ частной самообороны и институтомъ наказанія нѣтъ сходства: самооборона возможна лишь для предотвращенія нападенія; причиненіе вреда преступнику послѣ окончанія нападенія не можетъ быть оправдано ссылкой на самооборону. Между тѣмъ, государство примѣняетъ наказаніе лишь къ осужденнымъ за совершенное ими преступленіе, т. е. въ данномъ случаѣ мы имѣемъ уже оконченное нападеніе.

**Смѣшанныя
теоріи.**

Большинство современныхъ криминалистовъ оправдываютъ наказаніе его необходимостью для поддержанія порядка въ совмѣстной жизни людей и въ той борьбѣ, которая происходитъ между ними и является однимъ изъ условій прогресса. Такимъ образомъ, наказаніе является однимъ изъ принудительныхъ средствъ для установленія правопорядка. Это средство не должно быть одностороннимъ; успѣхъ его лежитъ въ комбинаціи различныхъ цѣлей: наказаніе является для

однихъ угрозою, для другихъ исправленіемъ. Но по ученію нѣкоторыхъ новѣйшихъ сторонниковъ классической школы, наказаніе вмѣстѣ съ тѣмъ черпаетъ себѣ оправданіе и въ его служеніи высокимъ цѣлямъ справедливости: всякое зло должно быть наказано; съ этой точки зрѣнія наказаніе является возмездіемъ, но во всякомъ случаѣ очень далекимъ отъ грубаго тальона.

**Отношеніе
новыхъ
школъ къ
наказанію.** Сторонники уголовно-антропологической и соціологической школъ также считаютъ наказаніе однимъ изъ средствъ принудительнаго установленія правопорядка, но всѣ они высказываются противъ элемента возмездія въ карательныхъ мѣрахъ. Наказаніе для нихъ только средство защиты. Наиболѣе подробно формулировалъ свои взгляды на этотъ вопросъ Ферри. Онъ считалъ бы наилучшимъ совершенно устранить терминъ „наказаніе“, такъ какъ съ нимъ связывается идея искупленія. Борьба же съ преступностью преслѣдуетъ лишь цѣли защиты. Послѣдняя можетъ быть общественною и классовою. Первая ставитъ своею задачею бороться съ преступностью, угрожающею человѣчеству, вторая заботится о преходящихъ интересахъ господствующихъ классовъ. Вся эволюція наказанія заключалась въ томъ, что оно постепенно шло отъ жестокой мести къ простой оборонѣ. Мѣры обороны могутъ быть и должны быть различны въ зависимости отъ различія преступленій и преступниковъ. Но цѣлью всѣхъ ихъ должна быть охрана общества: преступленіе показываетъ наличность индивидуальныхъ аномалій и соціальной болѣзни. Больные должны быть удалены, а соціальная среда оздоровлена, и въ этой дѣятельности не должно быть мѣста злобѣ. Соціальная функція обороны должна стремиться только къ одной задачѣ—„къ благосостоянію общества; однимъ изъ первыхъ условій для этого достиженія ея нужно считать уваженіе къ человѣческой личности“. Изъ нашего послѣдующаго изложенія выяснится, что этого уваженія къ личности преступника совершенно не достаетъ современной борьбѣ съ преступностью. Государство возлагаетъ слишкомъ большія надежды на предупрежденіе преступленій посредствомъ угрозы наказаніями и на исправленіе преступниковъ въ карательныхъ учрежденіяхъ. Требованіе сторонниковъ соціологической школы перенести центръ борьбы на улучшеніе соціальной среды рѣдко исполняется законодателями, предпочитающими, по

справедливымъ словамъ проф. Листа, скорѣе издать „дюжину уголовныхъ законовъ, чѣмъ хорошій законъ о жилищахъ рабочихъ“.

Но достигаютъ ли различныя карательныя мѣры современныхъ намъ уголовныхъ кодексовъ тѣ цѣли, которыя имъ ставятъ? Удерживаетъ ли отъ преступленія угроза наказаніемъ и приводитъ ли къ благопріятнымъ результатамъ отбытое наказаніе, т. е. достигается ли общее и частное предупрежденіе преступленій? Эти вопросы, не смотря на тысячелѣтнюю исторію наказанія и многовѣковую исторію науки уголовного права, не могутъ считаться окончательно разрѣшенными. Это замѣчаніе особенно относится къ общему предупрежденію преступленій, т. е. къ вопросу о значеніи угрозы наказанія. Многіе криминалисты отвѣчаютъ на этотъ вопросъ утвердительно, ссылаясь на общія данныя психологіи, но, къ сожалѣнію, остается неиспользованнымъ богатый матеріалъ, какъ уголовно-статистическій, такъ и бытовой. Несомнѣнно, что дѣйствіе угрозы наказаніемъ не одинаково не только по отношенію къ различнымъ лицамъ, но и въ различныя эпохи общественной жизни, хотя бы и очень близкія между собою. Полъ, возрастъ, принадлежность къ той или другой соціальной группѣ могутъ имѣть здѣсь свое значеніе, остающееся еще не выясненнымъ. Но также очевидно, что годы экономической нужды, революціи, реакціи и пр., также не остаются безъ вліянія, которое также еще не учтено изслѣдователями.

Если роль общаго предупрежденія представляется намъ не достаточно выясненною, то отрицательное значеніе частнаго предупрежденія мѣрами уголовной репрессіи представляется для насъ несомнѣннымъ. Къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ карательныхъ мѣръ мы и обратимся теперь.

**Лѣстница
наказаній.**

Въ уголовныхъ законодательствахъ и въ доктринахъ уголовного права выработана опредѣленная система наказаній. Карательныя мѣры, разнообразныя по своему содержанію, обыкновенно перечисляются въ кодексахъ въ порядкѣ ихъ убывающей тяжести. Такой перечень наказаній, съ подраздѣленіемъ ихъ на степени, носитъ названіе лѣстницы наказаній. Она не одинакова въ различныхъ государствахъ, но это различіе большею частью неглубокаго содержанія. На первомъ

мѣстѣ стоитъ смертная казнь, существующая, однако, не во всѣхъ законодательствахъ. Затѣмъ идетъ наказаніе лишеніемъ свободы съ принудительнымъ трудомъ и безъ него. Въ немногихъ государствахъ это лишеніе свободы отбывается внѣ метрополіи, въ колоніяхъ, или въ отдѣльных частяхъ метрополіи. Наказаніе лишеніемъ свободы очень разнообразно по своему содержанію. Наиболѣе легкими карательными мѣрами считаются денежные штрафы и выговоры, внушенія и замѣчанія.

Смертная казнь.

Смертная казнь. По вопросу о начальномъ моментѣ исторіи смертной казни между криминалистами существуютъ разногласія. Одни считаютъ такимъ моментомъ эпоху частной мести, другіе съ ними не согласны. Мы полагаемъ, что болѣе правильно мнѣніе первыхъ, такъ какъ между убійствомъ изъ мести въ эпоху кровавой мести и казнью нѣтъ существеннаго различія. Убійства изъ мести являются въ тотъ періодъ правомѣрными актами и совершенно сливаются съ казнью въ ту эпоху, когда частная месть оканчиваетъ свое существованіе, а государственная власть еще не настолько окрѣпла, чтобы взять въ свои руки наказаніе. Извѣстны случаи, когда убійство изъ мести у полудикихъ народовъ считалось правомѣрнымъ, если на его совершеніе было получено разрѣшеніе отъ надлежащей власти. Исторія права также знаетъ примѣры, когда между убійствомъ изъ мести и казнью утрачивалось и то внѣшнее различіе, которое сводилось къ обстановкѣ совершенія казни и убійства. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ осужденные къ казни отдавались не въ руки палача, а родственникамъ убитаго. По закону абиссинцевъ, на примѣръ, разстрѣлъ виновнаго совершается опредѣленнымъ числомъ родственниковъ потерпѣвшей стороны, а въ случаѣ ихъ недостатка ихъ число пополняется людьми, командированными королемъ.

Смертная казнь на протяженіи всей ея многотысячелѣтней исторіи всегда рассматривалась, какъ тягчайшее наказаніе. При классовомъ характерѣ права она далеко не одинаково примѣнялась къ представителямъ различныхъ слоевъ общества. При существованіи рабства рабы безъ суда предавались смерти ихъ господами, но и государственная власть примѣняла къ рабамъ смертную казнь чаще, чѣмъ къ свободнымъ. За древнимъ Римомъ стоялъ цѣлый лѣсъ крестовъ съ распятыми на нихъ ра-

бами. Въ феодальную эпоху положеніе крестьянъ въ отношеніи смертной казни мало отличалось отъ положенія рабовъ. Сеньоръ былъ для крестьянина и законодателемъ и судьей и палачемъ. Каждый сеньоръ имѣлъ висѣлицу, соотвѣтственно своему рангу: чѣмъ онъ былъ выше, тѣмъ висѣлица была длиннѣе. У герцога она была о шести столбахъ, у барона о четырехъ, у шателена о трехъ и у простого сеньора о двухъ. Самыя ничтожныя преступленія, такія напримѣръ, какъ нарушеніе правилъ охоты, составлявшей привилегію дворянства, влекли за собою смертную казнь.

Также было и въ Россіи. Смертная казнь, упомянутая впервые въ свѣтскомъ законодательствѣ въ Уставной Двинской грамотѣ 1382 (она назначалась здѣсь черезъ повѣшаніе за третью кражу), грозитъ въ 16 и 17 вѣкахъ за большое число преступленій. Уложеніе 1649 г. грозитъ этимъ наказаніемъ приблизительно въ 60 своихъ статьяхъ. Но въ дѣйствительности область возможнаго примѣненія этого наказанія было значительно шире, такъ какъ многіе указы запрещали различные проступки также подъ страхомъ смерти. Мы встрѣчаемъ угрозу смертью въ Россіи этого періода не только за большинство преступленій противъ жизни, за государственныя и религіозныя преступленія, но и за такіе проступки, какъ напримѣръ, невѣрное показаніе вѣса соли при взиманіи пошлины, ловля селедки, торговля цѣлебнымъ корнемъ ревенемъ, бѣгство холоповъ, женитьба безъ отпускныхъ билетовъ. Законодательство Петра I-го еще болѣе расширило примѣненіе смертной казни: въ уложеніи для арміи фельдмаршала Шереметьева 1701—1705 г.г. изъ 81 статьи 52 были съ санкціей смертной казни, а въ уложеніи для арміи Меншикова 1706 г. изъ 65 статей 41 статья также грозила смертью. Въ воинскихъ артикулахъ 1716 г. 122 статьи допускаютъ или предписываютъ казнить смертью. Даже срубъ дуба въ заповѣдномъ лѣсу влекъ за собою, согласно указа 1703 г., смертную казнь. Но примѣръ полной отмѣны смертной казни въ законодательствѣ былъ данъ Россіей, гдѣ въ 1744 г. было сдѣлано распоряженіе императрицею Елизаветою о предоставленіи ей на разсмотрѣніе всѣхъ смертныхъ приговоровъ, а 30 сент. 1754 г. состоялся указъ сената объ отмѣнѣ смертной казни и о замѣнѣ ея пожизненными каторжными работами съ клейменіемъ преступника и вырѣзываніемъ ноздрей. Однако, судебная практика

истолковала этотъ указъ органичительно и не примѣняла его къ политическимъ преступленіямъ. Впрочемъ, отмѣна смертной казни въ Россіи въ дѣйствительности не совершилась и за общія преступленія, такъ какъ замѣнившее ее наказаніе кнутомъ и оставшіяся неотмѣненными наказанія шпицрутенами и палками были замаскированной смертною казнью. Въ уложеніи 1845 г. смертная казнь осталась за политическія преступленія и за карантинныя. Въ Уголовномъ Уложеніи 1903 года она оставлена за нѣкоторыя государственныя преступленія. Составители проекта этого уложенія въ объяснительной запискѣ къ нему высказались принципиально противъ казни смертью, но тѣмъ не менѣе включили ее въ проектъ, предоставивъ рѣшеніе этого „политическаго“ вопроса Государственному совѣту. Государственный совѣтъ сохранилъ наказаніе смертью.

Въ настоящее время Уголовное Уложеніе 1903 года угрожаетъ смертною казнью черезъ повѣшеніе за слѣдующія преступленія: 1) посягательство на жизнь, здоровье, свободу и вообще неприкосновенность царствующаго государя, государыни и наслѣдника, на низверженіе государя съ престола лишеніе или ограниченіе его верховной власти; посягательствомъ признается здѣсь не только совершеніе этого преступленія и покушеніе на него, но и приготовленіе къ нему; 2) насильственное посягательство на измѣненіе въ Россіи или въ какой либо ея части установленныхъ основными законами образа правленія или порядка престолонаслѣдія или отторженіе отъ Россіи какой либо ея части; 3) нѣкоторыя виды государственной измѣны (ст. 108 п.п. 1—6). 4) посягательство на жизнь члена императорскаго дома (ст. 105). Кромѣ того смертная казнь назначается по военнымъ законамъ. Кромѣ того, 17 и 18 ст. положенія о мѣрахъ охраны государственнаго порядка и общественнаго спокойствія даютъ возможность судить за общія преступленія по законамъ военного времени и казнить смертью. Кругъ этихъ преступленій чрезвычайно широкъ. Согласно уголовного уложенія не подлежатъ смертной казни несовершеннолѣтніе до 21 года, старики, достигшіе 70 лѣтъ и женщины, за исключеніемъ преступленія, предусмотрѣннаго ст. 99 угол. уложенія.

Движеніе противъ смертной казни въ европейскихъ государствахъ началось съ конца 18 вѣка. Герцогъ Тосканскій Леопольдъ въ 1785 году повелѣлъ не приводить смертные приго-

воры въ исполненіе, а въ 1786 г. отмѣнилъ это наказаніе совсѣмъ. Впрочемъ, въ послѣдствіи смертная казнь была возстановляема и отмѣняема нѣсколько разъ, пока въ 1861 году не была отмѣнена окончательно. Въ 1848 году смертная казнь была отмѣнена въ рядѣ германскихъ государствъ, но реакція привела снова къ ея возстановленію. Въ другихъ государствахъ она была отмѣнена въ слѣдующей послѣдовательности: въ Румыніи съ 1864 г., въ Португаліи съ 1867 г., въ Голландіи съ 1870 г., въ Швейцаріи съ 1874 г., въ Италіи съ 1890 г., въ Норвегіи съ 1905 года. Но въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантонахъ она была вновь возстановлена. Въ большинствѣ тѣхъ законодательствъ, которыя сохранили ее, она назначается за болѣе тяжкіе случаи убійства, а иногда за нѣкоторыя преступленія, совершенныя посредствомъ взрывчатыхъ веществъ, за поджогъ обитаемыхъ зданій, сопровождавшійся гибелью завѣдомо находившагося тамъ человека, за крушеніе поѣзда и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ.

Статистика смертной казни. Если мы обратимся къ ознакомленію съ фактическимъ примѣненіемъ смертной казни, то увидимъ, что въ большинствѣ государствъ она вымираетъ. Такъ, во Франціи въ 1803 году было приговорено къ казни 605 человекъ, въ періодъ съ 1826 по 1830 г. было казнено въ среднемъ по 72 челов. ежегодно, а въ 1908 г. 6 человекъ, а приговорено 49 человекъ. При сравненіи цифръ осужденій и казней начала 19 вѣка и его конца выясняется уменьшеніе какъ тѣхъ, такъ и другихъ и только 1906—1908 г.г. дали повышеніе числа приговоровъ. Наблюдается также увеличеніе процента помилованій. За пятилѣтіе 1826—1830 г. было помиловано 35%, а въ 1901—1905 г. — 89% и за 1906—1908 г. — 95%.

Въ сосѣдней съ Франціей Бельгіи вымирание смертной казни замѣтно еще ярче: она отмѣнена здѣсь фактически, хотя и существуетъ въ кодексѣ. Послѣдняя казнь была совершена въ 1863 году и съ того времени всѣ приговариваемые получали помилованіе. Въ началѣ 19 вѣка было приговариваемо ежегодно по 71 человекъ, а казнимо по 37 чел. (1800—1804 г.). Въ 1907 и 1908 году было приговорено по пять человекъ, такимъ образомъ число приговоренныхъ уменьшилось въ 15 разъ.

Въ Германіи имѣются свѣдѣнія лишь о приговоренныхъ, начиная съ 1882 года. На этотъ годъ приходится наивысшая циф-

ра приговоренныхъ 95; постепенно понижаясь, она была наименьшею въ 1908 году, когда было приговорено 31.

Въ Швеціи въ 1799—1808 г.г. было казнено въ среднемъ ежегодно по 12 человѣкъ, въ 50-хъ годахъ по 7 чел., а въ послѣдующіе годы менѣе одного человѣка въ среднемъ и съ 1905 года не было ни одной казни.

Въ Англіи въ 1800—1810 г.г. было казнено 802 человѣка, а въ 1908 г. приговорено 25 и казнено 13 человѣкъ.

Въ Норвегіи за 1859—1904 г.г. было приговорено къ смерти 43 и казнено 10 человѣкъ.

Въ Даніи въ послѣдній разъ смертная казнь была совершена въ 1882 году.

Въ Австріи уменьшеніе приговоровъ происходитъ съ 1877 г. —128. приговорено къ смерти и одинъ изъ нихъ казненъ; въ 1908 г. приговорено 45 и казненъ одинъ.

Въ Венгріи въ 1885 г. приговорено наивысшее число 13 человѣкъ; за нѣкоторые годы не было ни приговоровъ ни казней. Въ 1910 г. приговоренъ одинъ и былъ помилованъ.

Въ Испаніи за 1875—1906 г.г. процентъ помилованій возрасталъ по пятилѣтіямъ безостановочно съ 37 до 88 процент. Въ 1906 г. изъ 49 приговоренныхъ было казнено двое.

Въ Финляндіи, начиная съ 1826 года, ни одинъ смертный приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе. За послѣднія 13 лѣтъ (1897—1910 г.г.) были приговорены къ смерти двое. За послѣднія сорокъ лѣтъ судъ приговорилъ къ смерти менѣе, чѣмъ за первое десятилѣтіе 1861—1870 г.г.

Совершенно иная картина примѣненія смертной казни въ Россіи. По собраннымъ нами свѣдѣніямъ, наивысшія цифры приговоренныхъ къ смерти за политическія преступленія оказались въ 1826 году за декабрьское возстаніе — 46 челов. и въ годы польскаго возстанія; въ остальные годы числа приговоровъ сильно колебались (отъ 0 до 54 въ 1905 году), но громадной величины достигаютъ числа казненныхъ за государственныя, воинскія и общія преступленія за послѣдніе годы. На основаніи частныхъ подсчетовъ, мы опредѣляемъ цифры казненныхъ въ 1906 г. —574, въ 1907 г. —1139, въ 1908 г. —1340, въ 1909 г. —717 чел. и въ 1911 г. —60. Г. Могилянскій, производившій

подсчетъ казней на основаніи газетныхъ свѣдѣній, нашелъ, что въ 1908 г. не прошло ни одной недѣли безъ казней, а число казненныхъ ежедневно было въ среднемъ почти четыре человѣка.

Оцѣнка смертной казни. Нѣтъ другой мѣры уголовной репрессіи, противъ которой существовало бы такое сильное движеніе, какъ противъ смертной казни. Число ея противниковъ растетъ, какъ среди теоретиковъ-криминалистовъ, такъ и среди народныхъ представителей въ законодательныхъ палатахъ. Особый интересъ къ этому наказанію наблюдается повсемѣстно въ послѣднее время. Предложенія объ отмѣнѣ смертной казни были сдѣланы въ законодательныхъ учрежденіяхъ Россіи, Франціи, Черногоріи, Испаніи. Составленіе проектовъ уголовныхъ уложений въ Швейцаріи, Австріи и Германіи также привлекло вниманіе юристовъ и общества къ смертной казни. Въ происходящемъ теперь обсужденіи вопроса преобладаетъ оцѣнка этого наказанія съ точки зрѣнія его практической пригодности, между тѣмъ, какъ въ предшествующее время преобладала оцѣнка съ точки зрѣнія справедливости. Доводы защитниковъ смертной казни сводятся къ слѣдующимъ: 1) она дѣйствуетъ устрашающимъ образомъ и ведетъ къ уменьшенію кровавыхъ преступленій; 2) она ведетъ къ вѣрному изъятію изъ общества опасныхъ преступниковъ; 3) она служитъ справедливымъ возмездіемъ за преступленія. Но всѣ эти доводы опровергаются противниками смертной казни.

Смертная казнь не устрашаетъ. Въ подтвержденіе этого, собранъ богатый матеріалъ, состоящій изъ отдѣльныхъ наблюденій и изъ сводки цифръ уголовной статистики. Отмѣна смертной казни въ различныхъ государствахъ не привела къ возрастанію тѣхъ преступленій, за которыя она назначалась. Укажемъ въ видѣ примѣра на Италію, имѣющую за собою печальную извѣстность страны кровавой преступности. Число убійствъ здѣсь постоянно было громадно. Не смотря на это, уголовное уложеніе Италіи, вступившее въ дѣйствіе съ 1 января 1890 года, отмѣнило это наказаніе. Защитникамъ смертной казни такая отмѣна представлялась особенно рискованною попыткою. Они были увѣрены, что не сдерживаемая страхомъ суроваго, но справедливаго, по ихъ мнѣнію, возмездія, убійства превысятъ и тѣ высокія цифры, которыхъ они достигли при существованіи угрозы смертію. Но этого не случилось. Наоборотъ, убійства начали уменьшаться и такое уменьшеніе не было случай-

нымъ или временнымъ. Оно безостановочно продолжалось изъ года въ годъ. Въ періодъ съ 1879 по 1883 г. на сто тысячъ жителей поступило 1788 донесеній объ убійствахъ. Это число послѣ отмѣны смертной казни спустилось въ 1902—1906 г. до 894, т. е. ровно на 50 процентовъ. Къ такимъ же выводамъ приводитъ насъ разсмотрѣніе уголовной статистики Голландіи, гдѣ смертная казнь была отмѣнена въ 1870 году. За шестьдесятъ лѣтъ, предшествовавшихъ отмѣнѣ смертной казни, на каждый годъ приходилось по 8 смертныхъ приговоровъ. Мѣсто отмѣненной казни заняло пожизненное заключеніе и приговоры къ нему уменьшились: въ 1871 и 1872 г.г. было только по пяти такихъ приговоровъ, а на послѣдующіе 13 лѣтъ ихъ пришлось всего 12. Тяжкая преступность съ 1896 по 1906 годъ также уменьшилась. Отмѣна смертной казни въ 1864 г. въ Румыніи также не привела къ увеличенію убійствъ; они уменьшились въ 1880—1884 г. — 970 и въ 1894—1899 г. — 830. О недѣйствительности угрозы смертю говорятъ и отдѣльныя наблюденія. Такъ, Миттермайеръ ссылается на слова священника Робертса изъ Бристоля, которому пришлось напутствовать къ смерти 167 человекъ и 161 изъ нихъ объявили, что до совершенія преступленія они присутствовали при публичныхъ казняхъ. Въ докладѣ комиссіи судебныхъ реформъ, представленномъ относительно отмѣны смертной казни во Франціи французской палатѣ депутатовъ, указывался интересный фактъ недѣйствительности угрозы смертной казни. Въ 1894 году, при исполненіи публичной казни надъ нѣкимъ Шереромъ, одинъ изъ зрителей залѣзъ на дерево, близъ котораго была воздвигнута гильотина, чтобы лучше видѣть оттуда совершеніе казни. Черезъ годъ на этой же площади совершалась новая казнь; на этотъ разъ казнили прошлогодняго зрителя за преступленіе, сходное съ преступленіемъ казненнаго Шерера. Относительно недѣйствительности угрозы смертю для обычныхъ преступниковъ много примѣровъ приводитъ также Ломброзо. Что же касается недѣйствительности этого же наказанія по отношенію къ политическимъ и религіознымъ преступникамъ, то я позволю себѣ привести прекрасныя слова проф. Таганцева: „если идея, вѣрованіе, исповѣдываемыя первоначально, хотя бы горстью людей, составляютъ дѣйствительно принципъ обновленія человѣчества, залогъ его дальнѣйшаго развитія, то ничто не остановитъ ихъ триумфальнаго ше-

ствія: ни потоки крови, ни тысячи человѣческихъ головъ. Изъ подъ груды тѣлъ, изъ подъ дымящихся развалинъ и опустошенныхъ городовъ, они вновь явятся неуязвимыя, вѣчно юныя, готовыя неустанно итти на ловитву душъ“ (Русск. уг. право 2-й т. 1132 стр.).

Можетъ ли быть удержана смертная казнь, какъ средство обезопасенія общества? Указывая на это ея качество, за нее первоначально высказывался Ломброзо, впоследствии измѣнившій свое мнѣніе. Ломброзо видѣлъ въ смертной казни не только средство защиты общества отъ неисправимыхъ, но и средство улучшенія человѣческой расы посредствомъ уничтоженія лицъ, которыя даютъ обществу преступное, безнравственное и слабоумное потомство. Противники смертной казни указывали, что общество имѣетъ другія средства обезопасенія, менѣе противныя. При возможности судебныхъ ошибокъ смертная казнь можетъ причинить непоправимое зло. При современномъ и прошломъ состояніи правосудія такія ошибки неизбежны. Ихъ обнаружилось нѣсколько только за послѣдніе годы въ Россіи; ихъ собралъ слишкомъ много авторъ спеціальнаго труда на эту тему, опубликованнаго въ 1911 году въ Германіи. Неисправимость преступника при осужденіи его на смерть въ большинствѣ случаевъ не бываетъ доказана и можетъ быть выяснена лишь послѣ безуспѣшности ряда попытокъ такого исправленія, которыхъ обыкновенно не дѣлается. Смертная казнь дѣйствуетъ развращающимъ образомъ. Наша русская жизнь повторила сцены дѣтскихъ игръ въ повѣшеніе, которыя были извѣстны и другимъ странамъ. Смертная казнь глубоко противна нравственному чувству многихъ. Это доказывается не только презрѣніемъ къ палачу, но и отказомъ лицъ судебного вѣдомства и врачей присутствовать при ея исполненіи.

Не является смертная казнь и „справедливымъ“ возмездіемъ за зло преступленія. Отстаивающіе противоположное мнѣніе стоятъ на объективной точкѣ зрѣнія: какъ убійца лишаетъ жизни другого, такъ онъ самъ долженъ быть лишенъ ея. Но они опускаютъ изъ вниманія физическія страданія казнимаго и психологію приговореннаго къ казни.

Способы современныхъ казней сводятся къ повѣшенію, отрубанію головы топоромъ или машиною, разстрѣлу и умерщвленію электрическимъ токомъ. Это разнообразіе способовъ каз-

ни и нелѣпый споръ между криминалистами и врачами, о томъ, который изъ этихъ способовъ долженъ быть преимущественно рекомендованъ, уже сами по себѣ служатъ показателями наличности у казнимаго физическихъ страданій. Относительно повѣшенія извѣстны случаи вскрытія въ качествѣ казненныхъ, снятыхъ съ висѣлицы, оказавшихся въ дѣйствительности живыми; въ 1880 году въ Раабъ (Венгрія) казненный черезъ повѣшеніе пришелъ въ себя и вернулся къ жизни передъ вскрытіемъ и прожилъ трое сутокъ. Профессоръ судебной медицины Минаковъ допускаетъ возможность оживленія казненныхъ повѣшанныхъ уже послѣ ихъ зарытія въ землю. Въ качествѣ возраженій противъ казни черезъ отрубаніе головы указываютъ на возможность продолженія жизни въ отрубленной головѣ. Опыты, произведенные въ 1905 году во Франціи надъ отрубленною головою казеннаго преступника, побудили профессора судебной медицины Лакассаня высказаться противъ этого способа. Сильнѣйшее движеніе существуетъ и противъ разстрѣла, при которомъ обязанность палачей возлагается на нѣсколько лицъ сразу и часто на товарищей казнимаго по воинской службѣ. Неудовлетворительность всѣхъ этихъ способовъ побудила правительство Сѣверо-Американскаго штата Нью-Йоркъ ввести „болѣе гуманный“ способъ казни посредствомъ электричества. Но лица, видѣвшія эту казнь, и въ томъ числѣ проф. Фреуденталь, дали описанія столь же полныя ужаса, какъ и картины казни европейскими способами: казимый, прикрѣпленный къ особому креслу, весь содрагается; привязывающіе его ремни глубоко врѣзаются въ тѣло; изо рта бьетъ пѣна; раздается стонъ, который сравнивали со ржаніемъ лошади; языки пламени иногда охватываютъ все тѣло; пахнетъ жаренымъ мясомъ; иногда приходится пропускать токъ по нѣсколько разъ.

Психологія Еще большія страданія испытываетъ осужденный
осужденна- въ ожиданіи казни. Въ русской беллетристической
го. литературѣ имѣются цѣнныя для криминалиста психологическія описанія послѣднихъ дней и минутъ передъ казнью. Имѣется также въ высшей степени важный матерьялъ въ видѣ записокъ приговоренныхъ. Во французской литературѣ этотъ же вопросъ затронутъ въ мемуарахъ нѣкоторыхъ лицъ, присутствовавшихъ при казни. Проф. Баженовъ сдѣлалъ попытку на-

учной разработки всѣхъ этихъ матерьяловъ. Онъ прежде всего останавливается на психологіи умирающаго естественною смертію. Каждый изъ насъ приговоренъ къ смерти, но къ счастью мы не знаемъ срока ея наступленія. Иначе жизнь наша стала бы невыразимо мучительною. Солдаты, идущій въ кровопролитное сраженіе, больной, потерявшій надежду на выздоровленіе, все же не испытываютъ чувства полной безпомощности и безнадежности, которое охватываетъ „всю душу, весь мозгъ приговореннаго и вытѣсняетъ изъ его сознанія всякое иное впечатлѣніе“. Авторъ называетъ приговоръ къ казни „опустошеніемъ души, мрачнымъ и безвыходнымъ отчаяніемъ, нравственною пыткой, которая количественно и качественно несравнима съ самымъ актомъ физическаго насилія, совершаемымъ ради лишенія жизни“. Эти страданія еще увеличиваются, благодаря тому обстоятельству, что приговоренные находятся въ молодомъ возрастѣ: здѣсь особенно сильно чувствуется контрастъ между полнотою жизни, „между яркостью“ я „и неизбежнымъ грядущимъ разрушеніемъ его и обращеніемъ въ ничто“. Письма „смертниковъ“, т. е. приговоренныхъ къ смерти, которыя приводитъ Короленко, всѣ говорятъ объ этомъ страданіи ихъ авторовъ: „я не нахожу словъ и не въ силахъ передать на бумагѣ, какъ я мучаюсь ночами“, пишетъ одинъ изъ нихъ. Только незнакомство съ психологіей приговореннаго къ казни можетъ приводить защитниковъ теоріи возмездія къ утвержденію, что наказанія смертію — лишь справедливое воздаяніе за пролитую кровь. Стремленіе къ установленію равенства зла преступленія со зломъ наказанія приводитъ къ позорному уравниенію отправленія правосудія съ преступностью, и хладнокровный, жестокой французскій преступникъ убійца Эйро, произведя это сравненіе, крикнулъ съ эшафота послѣднія слова исполнителямъ казни: „вы хуже убійцы, чѣмъ я“.

Безполезное, безнравственное, жестокое наказаніе смертію должно быть отмѣнено.

Литература. Ученіе объ уголовномъ законѣ см. у Таганцева Русское угол. право 1902 г. I т.; о правѣ наказанія у него же 2 т. О смертной казни см. Кистяковскій: Изслѣдованіе о смертной казни. 2-е изд. 1896 г. Пюнтковскій: Смертная казнь въ Европѣ. Каз. 1908 г. Загоскинъ: Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи. 1892 г. Малиновскій: Кровавая месть и смертная казни. 1 вып. 1908 и 2-й вып. 1909 г. Сборникъ статей издан.

„Звено“. О смертной казни. Мнѣніе русскихъ криминалистовъ. М. 1909 (здѣсь приложенъ полный указатель литературы о смертной казни на русскомъ языкѣ). *Герметъ*: Смертная казнь въ ея прошломъ и настоящемъ (печатается).

Тѣлесныя наказанія.

Тѣлесныя наказанія. Исторія тѣлесныхъ наказаній охватываетъ много-вѣковой періодъ. На ряду со смертною казнью они — самыя старыя наказанія въ борьбѣ съ преступностью. Они раздѣляются на двѣ группы: увѣчащія и болевыя. Первыя состоятъ въ лишеніи наказываемаго какого либо органа его тѣла, а вторыя въ причиненіи физической боли безъ такого лишенія. Но это дѣленіе вполнѣ строго не можетъ быть проведено потому, что болевыя наказанія плетми, розгами и пр. въ нѣкоторыхъ случаяхъ приводятъ къ потерѣ способности передвиженія, къ параличу ногъ.

Тѣлеснымъ наказаніямъ долгое время принадлежала выдающаяся роль среди другихъ карательныхъ мѣръ: чрезвычайно разнообразныя и изощренныя по ихъ жестокости, они назначались за мелкіе проступки и важныя преступленія. Къ половинѣ 19 вѣка разросшееся движеніе противъ нихъ привело почти къ полному ихъ исчезновенію; они были отмѣнены, какъ не отвѣчающія культурному развитію современныхъ государствъ и слишкомъ оскорбительныя для человѣческаго достоинства. Но ихъ защитники вполнѣ не исчезали никогда и въ послѣдніе годы не разъ возвышали свой голосъ съ требованіемъ ихъ введенія. Объясненіе этому явленію надо искать въ обостреніи чувства мстительной ненависти нѣкоторыхъ представителей имущихъ классовъ къ преступникамъ противъ собственности, въ увеличеніи страха передъ участившимися уличными нападеніями въ нѣкоторыхъ столицахъ. Но и пропаганда идей уголовно-антропологической школы о необходимости лишенія преступниковъ возможности воспроизведенія потомства привела къ принятію нѣкоторыми американскими законодательствами такихъ мѣръ, которыя считались криминалистами окончательно отошедшими въ область прошлаго.

Увѣчащія наказанія. Уже въ древнѣйшемъ кодексѣ Хамураби (2000 лѣтъ до Рож. Хр.) мы находимъ нѣсколько статей, опредѣляющихъ жестокія увѣчащія наказанія. Какъ и другія законодательства, кодексъ Хамураби обращаетъ вниманіе на обще-

ственное положеніе потерпѣвшаго и назначаетъ наказаніе по принципу тальона. За выбитіе глаза у свободнаго, виновный лишается глаза, за переломъ кости — ему переламывается кость. Если потерпѣвшій это увѣчье — вольноотпущенникъ, то виновный уплачиваетъ штрафъ, а если онъ — рабъ, то хозяинъ получаетъ съ виновнаго половину стоимости изувѣченнаго. Если у свободнаго выбить зубъ, то виновному также выбивается зубъ. Упоминаются и другія увѣчащія наказанія: отрѣзаніе уха, отсѣченіе руки, отрѣзаніе груди. Такимъ образомъ, въ уложеніи Хамураби проведенъ тотъ же принципъ, который мы находимъ и въ древнемъ еврейскомъ правѣ: „око за око и зубъ за зубъ“. Стремленіе отплатить преступнику страданіемъ, равнымъ причиненному имъ, проходитъ красною нитью черезъ все время существованія увѣчащихъ наказаній.

Время появленія увѣчащихъ наказаній въ Россіи не выяснено, но во всякомъ случаѣ ошибочно связывать ихъ происхожденіе съ татарскимъ игомъ. Въ законодательныхъ памятникахъ они упоминаются значительно позднѣе времени своего дѣйствительнаго развитія: только Уложеніе 1649 и законы Петра I очень подробно говорятъ о различныхъ видахъ увѣчащихъ наказаній. Въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича ясно формулированъ принципъ возмездія: тотъ, кто отсѣчетъ другому руку, ногу, носъ, ухо, или губы отрѣжетъ или глазъ выколеть, подлежитъ такому же увѣчью. Принципъ возмездія проводился также и въ тѣхъ случаяхъ, когда урѣзываніе языка назначалось за оскорбленіе государя, за богохульство. Петръ I ввелъ въ воинскихъ артикулахъ за богохульство прожженіе языка раскаленнымъ желѣзомъ. Упоминаемое еще Судебниками и Губными грамотами отсѣченіе руки назначалось Уложеніемъ 1649 г. за покушеніе на убійство господина, за подлоги, за обнаженіе оружія при государѣ и др. Урѣзываніе носа назначалось уличеннымъ свыше трехъ разъ въ употребленіи табаку. Изъ другихъ увѣчащихъ наказаній извѣстно отрѣзаніе пальцевъ, кисти руки, рукъ и ногъ; иногда отсѣкалось одновременно нѣсколько органовъ. Законъ не указывалъ какъ должно было происходить увѣчащее наказаніе и судебная практика показываетъ примѣры отрубанія пальцевъ по суставы, ногъ по щиколки, языкъ отрѣзался поперекъ и вдоль и т. д. Отрѣзаніе ушей имѣло то же значеніе, какое имѣютъ теперь справки о судимости, антропо-

метрическія измѣренія и дактилоскопія (полученіе отпечатковъ пальцевъ обѣихъ рукъ). За первую тѣтьбу (кражу) урѣзывалось лѣвое ухо, за вторую правое, за разбой правое. Уложеніе предписывало арестовывать тѣхъ людей съ урѣзанными ушами, у которыхъ не будетъ „писемъ въ томъ, что они изъ тюрмы выпущены“. Отрѣзаніе ушей производилось публично палачемъ. Такое же значеніе имѣло и клейменіе преступниковъ. Хотя оно употреблялось уже въ XIV вѣкѣ, но Уложеніе 1649 г. ничего не говоритъ о немъ. Клейма были различныя: на однихъ было вырѣзано слово „воръ“, на другихъ буква Б, какъ начальная отъ слова бунтовщикъ. Съ конца 17 вѣка было предписано ставить на спинѣ ссылаемыхъ въ сибирскіе города названіе города.

Членовредительныя наказанія исчезаютъ изъ практики русскихъ судовъ въ теченіе 18 вѣка. Но клейменье и имѣвшее тоже значеніе рваніе ноздрей продержались очень долгое время. Они были отмѣнены для женщинъ въ 1757 году. Послѣ этого рваніе ноздрей у мужчинъ оставалось еще въ продолженіи 40 лѣтъ, до 1817 г., клейменіе же было отмѣнено только въ 1863 году. Орудіе для клейменія, примѣнявшагося на основаніи устава о ссыльныхъ 1857 года, представляло изъ себя печать большихъ размѣровъ съ буквами С. П. или С. К., сдѣланными изъ мѣдныхъ иглъ, которыя и вдавливались глубоко въ тѣло на спинѣ или рукъ осужденнаго и ранки натирались особымъ составомъ.

Въ послѣднее время въ литературѣ уголовно-антропологическаго направленія дѣлались настоятельныя предложенія о введеніи кастраціи нѣкоторыхъ категорій преступниковъ. Въ германской литературѣ такое предложеніе было сдѣлано д-омъ Неке, во французской — проф. Серве, въ Италіи самимъ главою антропологической школы — Ломброзо. Въ качествѣ общаго довода, всѣ эти авторы указывали на необходимость бороться съ дурною наслѣдственностью преступниковъ, но нѣкоторые изъ авторовъ этого предложенія указывали и на другіе доводы. Такъ, Серве предлагалъ ввести кастрацію взамѣнъ смертной казни за нѣкоторыя преступленія, съ предоставленіемъ осужденному выбора между смертною казнью и кастраціею. Авторъ полагалъ, что кастрація будетъ приводить къ смягченію характера оперированныхъ. Операція, не представляющая никакой опасности для пре-

ступниковъ, должна производиться палачемъ послѣ нѣсколькихъ уроковъ на трупахъ. По предложеніямъ Неке операція должна производиться надъ вырожденными субъектами въ возрастѣ между 25 и 55 годами, привычными преступниками, за любо-страстныя преступленія, алкоголиками, эпилептиками и предна-мышленными убійцами. Сверхъ ожиданія криминалистовъ, пред-ложенія антропологической школы встрѣтили сочувствіе въ Аме-рикѣ. Въ 1907 году законодательное собраніе штата Индіаны приняло законъ, формулированный слѣдующимъ образомъ: „при-нимая во вниманіе, что наслѣдственность играетъ большую роль при передачѣ преступныхъ наклонностей, идіотизма и слабоумія, законодательное собраніе штата Индіана постановляетъ, въ ка-ждомъ заведеніи, находящемся въ штатѣ, которому ввѣрено по-печеніе надъ неисправными преступниками, идіотами, слабоум-ными и изнасилвателями, должны быть приняты въ число слу-жащихъ, кромѣ обычнаго врача заведенія, еще два опытныхъ хирурга, извѣстныхъ своею дѣятельностью. На ихъ обязанность возлагается производить, вмѣстѣ съ главнымъ врачомъ заведенія, изслѣдованіе душевнаго и тѣлеснаго состоянія здоровья тѣхъ заключенныхъ, которые будутъ указаны врачомъ и наблюдатель-нымъ совѣтомъ заведенія. Если, по рѣшенію этой коллегіи спе-ціалистовъ и наблюдательнаго совѣта, нельзя допускать потом-ства отъ такихъ лицъ и нѣтъ никакого вѣроятія надѣяться на улучшение духовнаго состоянія заключенныхъ, то хирурги должны произвести такую операцію, которая, по ихъ мнѣнію, является наиболѣе вѣрною и дѣйствительною. Она должна быть произве-дена лишь въ случаѣ объявленія неисправимости заключеннаго“. На послѣднемъ тюремномъ конгрессѣ въ Вашингтонѣ въ 1910 г. членамъ конгресса была предоставлена возможность ознакомле-нія съ производствомъ операціи. Она не дѣлаетъ оперирован-наго безсильнымъ въ половомъ отношеніи, но лишаетъ его воз-можности воспроизведенія потомства. Она производится не въ видѣ наказанія, а какъ мѣра соціальной безопасности и значитель-но отличается по ея содержанію отъ кастраціи въ настоящемъ смыслѣ этого слова, такъ какъ не дѣлаетъ изъ оперированнаго калѣки въ половомъ отношеніи. Но она не лишаетъ возмож-ности оперированнаго совершать половыя преступленія.

**Болевые на-
казанія.**

Орудія болевыхъ наказаній были чрезвычайно раз-нообразны: кнутъ, батоги, кошки, шпицрутены, хлыстъ,

плети, розги и др., большинство которых примѣнялось даже во второй половинѣ 19 вѣка, а нѣкоторыя не отмѣнены до настоящаго времени. Если увѣчащія наказанія вывелись изъ практики въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже безъ отмѣны ихъ закономъ, то болевья выводились изъ употребленія лишь послѣ энергичной и упорной борьбы противъ нихъ и остаются на практикѣ даже послѣ законодательной ихъ отмѣны. Ихъ происхожденіе также очень древнее: о нихъ находимъ упоминаніе и въ кодексѣ Хамураби и въ другихъ памятникахъ древнѣйшаго законодательства. Но разнообразія своего примѣненія они достигли позднѣе, въ эпоху наибольшаго развитія теоріи устрашенія, въ законодательствѣ Россіи, напримѣръ, въ XVI, XVII и началѣ XVIII вѣка. Въ уложеніи 1649 года они назначаются за самыя разнообразныя преступленія: и за прошеніе милостыни съ обманомъ и за государственныя преступленія. Били наказываемаго въ лежачемъ положеніи, „на козлахъ“, „на кобылѣ“, въ проводку, „съ пощадою“ и „безъ всякой пощады“. Наиболѣе тяжкимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ распространеннымъ наказаніемъ былъ кнутъ. Нанесеніе свыше пятидесяти ударовъ вело къ смерти, хотя нѣкоторые палачи могли убивать и съ одного удара. Палачъ кладетъ удары по спинѣ одинъ параллельно другому и по словамъ очевидца Катошихина, „какъ ударить по которому мѣсту, и на спинѣ станетъ такъ слово въ слово будто большой ремень вырѣзанъ ножомъ мало не до костей“. Батоги представляли изъ себя прутья толщиною въ мизинецъ. Ими били по голому тѣлу и прикрытому рубашкою. Осужденнаго клали на землю и въ наказаніи принимало участіе два человѣка: одинъ садился на голову, сжимая колѣнками шею наказываемаго, а другой садился на ноги и оба били прутьями поочередно вдоль тѣла. Въ законѣ число ударовъ не опредѣлялось. Наказаніе батогами было менѣе мучительно, нежели кнутомъ, но также могло приводить къ смерти. Такъ, Алексѣй Михайловичъ, уѣзжая изъ Москвы, отдавалъ распоряженіе забивать на смерть батогами боярскихъ дѣтей за уходъ съ караула и дворцовыхъ истопниковъ за пьянство. Плети были особенно распространены, какъ наказаніе, въ монастыряхъ и, по словамъ проф. Сергѣевского, иногда носили названіе „монастырскаго смиренія“.

Вымираніе тѣлесныхъ наказаній вездѣ шло однимъ путемъ: сначала они запрещаются по отношенію къ наиболѣе знатнымъ

и близкимъ къ представителю верховной власти, затѣмъ по отношенію къ другимъ господствующимъ классамъ и очень долго примѣняются къ низшимъ сословіямъ. Также было и въ Россіи. Первый законодательный актъ освобожденія отъ тѣлесныхъ наказаній дворянъ Екатериною II въ 1785 году вызывался требованіями этого сословія, которое уже чувствовало за собою силу. Кн. Щербатовъ писалъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ при Петрѣ I: „Петръ, не разбирая ни роду ни чиновъ, бивалъ приближенныхъ къ нему. Не можетъ сіе въ нашихъ обычаяхъ имъ-же введенныхъ не страшно казаться, и многіе изъ насъ восхотятъ скорѣе смертную казнь... нежели жить послѣ палокъ или плетей, хотя бы сіе и священными руками и подъ очами помазанника Божія учинено... „(цитировано по Тимофееву Тѣлес. нак. 94 стр.). Составители проектовъ Уложенія 1754 и 1766 года бережно освобождали представителей своего класса отъ тѣлесныхъ наказаній и щедро расточали ихъ т. н. „подлымъ“. Въ 1796 году, Синодъ, одинъ изъ представителей котораго, митрополитъ Филаретъ, еще спустя нѣсколько десятилѣтій, при возбужденіи вопроса объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для податныхъ сословій, доказывалъ божественное установленіе этихъ наказаній, ходатайствовалъ объ изъятіи отъ нихъ духовенства. Просьба была уважена. Позднѣе категорія изъятыхъ увеличивается женами священнослужителей, ихъ дѣтьми, нѣкоторыми лицами по образовательному цензу и служебному положенію и др. Въ 1863 году отмѣнены шпицрутены и кошки въ войскахъ и въ 1871 году отмѣнены шпицрутены для ссыльныхъ, въ 1900 году — розги для бродягъ, 2 іюня 1903 года плети для ссыльныхъ и 11 августа 1904 года отмѣнены розги по приговорамъ волостныхъ судовъ и въ войскахъ. Такимъ образомъ, примѣненіе розогъ по приговорамъ судовъ (волостныхъ) отмѣнено всего 8 лѣтъ тому назадъ, послѣ того какъ протесты противъ тѣлеснаго наказанія достигли особенной силы въ царствованіе имп. Александра III. Въ богатой содержаніемъ книгѣ врачей Жбанкова и Яковенко, написанной по порученію Пироговскаго съѣзда врачей, интересующіеся могутъ найти большое число протестовъ, исходившихъ отъ врачей, земствъ, юристовъ. Въ то время вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній считался „общегосударственнымъ“ и предсѣдатели земскихъ собраній изъ числа предводителей дворянства не допускали его къ обсужденію.

Когда же вопросъ доходилъ до обсужденія, то со стороны лицъ, изъятыхъ отъ наказаній, раздавались голоса въ защиту розогъ по отношенію къ крестьянамъ. Въ этой же книгѣ собранъ не менѣе важный матерьялъ, показывающій психологію приговореннаго, т. е. отношеніе къ розгѣ неизъятаго отъ нея крестьянина. Указываніе въ качествѣ довода за тѣлесныя наказанія на ихъ примѣненіе по приговорамъ крестьянскихъ судовъ, т. е. самихъ же крестьянъ, не является заслуживающимъ уваженія, такъ какъ волостные судьи далеко не всегда были представителями интересовъ крестьянской массы.

Въ настоящее время тѣлесныя наказанія по суду остались въ Англіи для юныхъ преступниковъ и для нѣкоторыхъ категорій грабителей. Въ 1905 г. былъ обнародованъ новый законъ о тѣлесномъ наказаніи въ Даніи, въ настоящее время уже отмѣненный (съ 1911 г.). Орудіями наказанія были назначены тростниковые прутья съ обтянутыми дратвою концами и канаты толщиною въ два съ половиною дюйма. Послѣдніе 48 часовъ передъ наказаніемъ и 24 послѣ него осужденный долженъ былъ проводить въ одиночной камерѣ. Тѣлесныя наказанія примѣняются также въ нѣкоторыхъ иностранныхъ государствахъ, какъ дисциплинарная мѣра, въ тюрьмахъ (въ Англіи т. н. девятихвостная кошка и розги, въ 1909 году наказано 31 человекъ, въ Германіи розги). Согласно закона 1898 года, наказаніе плетью можетъ быть назначено арестантамъ за возмущеніе, подстрекательство къ нему и за оскорбленіе тюремнаго чиновника дѣйствіемъ. Въ Россіи въ настоящее время тѣлесное наказаніе розгами примѣняется, какъ дисциплинарная мѣра, къ содержащимся въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ въ количествѣ до 50 ударовъ и къ присужденнымъ къ каторгѣ и ссылкѣ на поселеніе до 100 ударовъ. Отчеты по главному тюремному управленію не публикуютъ свѣдѣній о числѣ наказанныхъ, но общая и спеціально юридическая печать отмѣчаютъ усиленное примѣненіе розогъ въ мѣстахъ заключенія. Категория изъятыхъ не подлежитъ этимъ наказаніямъ, но отъ нихъ не избавляются даже тѣ осужденные, которые были приговорены за преступленія, совершенныя не изъ низкихъ мотивовъ и для которыхъ розга является еще болѣе унижительнымъ и тяжелымъ наказаніемъ, чѣмъ сама каторга. Въ ученой русской литературѣ нѣтъ защитниковъ розги, точно также, какъ среди

ученыхъ русскихъ криминалистовъ нѣтъ ни одного защитника смертной казни. Иначе обстоитъ дѣло въ Германіи и Франціи. Въ послѣдней странѣ замѣчается въ послѣднее время особое очерствѣніе: ростъ преступности, неправильно объясняемый ослабленіемъ репрессіи, думаютъ остановить усиленіемъ тяжести существующихъ карательныхъ мѣръ и возвращеніемъ къ такимъ старымъ мѣрамъ, какъ тѣлесныя наказанія. О введеніи ихъ просили нѣкоторые составы присяжныхъ засѣдателей. Главное тюремное общество въ Парижѣ поставило въ программу своего общаго собранія въ 1912 г. вопросъ о борьбѣ съ преступностью и заслушало докладъ, требовавшій введенія тѣлесныхъ наказаній; предложенія докладчика встрѣтили сочувствіе въ части собравшихся и заслуженную критику со стороны виднѣйшаго пенитенціарнаго французскаго дѣятеля Беранже и присутствовавшихъ иностранныхъ ученыхъ. Но и въ Россіи нѣкоторыя группы выразили желанія введенія розги.

Вліяніе тѣлеснаго наказанія. Тѣлесныя наказанія несутъ съ собою не только физическое страданіе, но и нравственныя муки. Эти послѣднія могутъ быть настолько тяжки, что далеко превосходятъ ощущеніе физической боли. Если въ XVII вѣкѣ карательная система была построена на принципѣ устрашенія публично производившимися изувѣченіями преступника и „нещаднымъ“ : наказаніемъ его кнутомъ, батогами, палками, шпицрутенами и пр., то современные защитники плети и розги рассчитываютъ на устрашительность тѣлеснаго наказанія, вслѣдствіе того позора, какой оно несетъ за собою для осужденнаго, не потерявшаго своего человѣческаго достоинства. Въ русской литературѣ изслѣдованіе Жбанкова и Яковенко и факты примѣненія розогъ въ каторжныхъ тюрьмахъ даютъ вполне достаточный матеріалъ, чтобы судить о психологіи приговореннаго къ тѣлеснымъ наказаніямъ.

Жбанковъ и Яковенко, оба врачи, написали свою книгу въ исполненіе постановленія VI Пироговскаго съѣзда врачей. Ихъ книга „Тѣлесныя наказанія въ Россіи въ настоящее время“ была опубликована въ 1899 году, и сообщаемыя авторами свѣдѣнія относятся къ эпохѣ девяностыхъ годовъ. Мы узнаемъ отсюда о цѣломъ рядѣ случаевъ самоубійствъ, сумасшествія приговоренныхъ къ наказанію или наказанныхъ крестьянъ и даже о случаяхъ массоваго сопротивленія въ защиту пригово-

ренного и объ убійствахъ на почвѣ мести за приговоръ къ розгѣ. Говоря о вліяніи тѣлесныхъ наказаній на психическое здоровье наказуемыхъ, названные нами авторы относятъ переживаемыя приговоренными психическія состоянія къ числу самыхъ сильныхъ и могущественныхъ эмоцій; онѣ сопровождаются рѣзкими фізіологическими нарушеніями въ организмѣ, каковы: усиленное сердцебіеніе, судорга кровеносныхъ сосудовъ (что выражается поблѣдненіемъ лица, сжатымъ пульсомъ, расширенными зрачками и пр.), охлажденіе конечностей, приливъ крови къ внутреннимъ органамъ, усиленное потоотдѣленіе и т. п. симптомы рѣзко нарушеннаго кровообращенія. По характеру своему всѣ эти эмоціи, особенно доведенныя до крайняго напряженія, безусловно вредны для фізіологическаго и еще въ большей степени для психическаго здоровья даннаго индивида". (назв. раб. 181 стр.).

Періодическая печать въ Россіи сообщала за послѣдніе годы о случаяхъ примѣненія тѣлеснаго наказанія въ тюрьмахъ, когда не только сами наказанные, но и другіе заключенные, прибѣгали послѣ этого къ массовому самоубійству, къ вскрытію себѣ венъ, къ голодовкѣ и пр. Эти факты часто показываютъ, что какъ не тягостно для осужденнаго ожиданіе приведенія смертнаго приговора въ исполненіе, ожиданіе позорной порки можетъ быть еще болѣе тяжкимъ.

Психопатологія вскрываетъ патологическіе черты характера и признаки полового извращенія (садизма) у нѣкоторыхъ изъ лицъ, примѣняющихъ тѣлесныя наказанія или съ охотою присутствующихъ при ихъ исполненіи.

Возрожденіе преступника къ новой жизни, если онъ дѣйствительно испорченъ, не можетъ быть достигнуто его униженіемъ. Наказаніе же неиспорченнаго и развитого, уважающаго свое человѣческое достоинство, можетъ лишь озлобить его и вызвать его на акты тяжелые для самого него и даже для общества.

Ссылка.

Ссылка. Наказанія, поражающія свободу, очень разнообразны по способамъ ихъ примѣненія. Одни изъ нихъ связаны съ предварительнымъ перемѣщеніемъ осужденнаго за предѣлы метрополіи или на ея окраины, другія отбываются внутри метрополіи. Изъ наказаній первой группы мы остановимся прежде всего на ссылкѣ.

Исторія
ссылки въ
иностран-
ныхъ госу-
дарствахъ.

Ссылка примѣнялась въ древнемъ Римѣ и въ Греціи первоначально въ формѣ изгнанія лицъ привилегированнаго класса за болѣе тяжкія преступленія въ замѣну смертной казни. Виновный удалялся изъ очага культурной и политической жизни въ далекія окраины; порывались его семейныя связи; терялись и ограничивались его политическія и имущественныя права. Рабы не подлежали этому наказанію: оно считалось для нихъ слишкомъ слабымъ. Римское право различало два основныхъ вида ссылки: релѣгацію (временную, постоянную и на острова) и депортацію. Релѣгація примѣнялась въ двухъ формахъ: или запрещалось пребываніе въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ или указывалось мѣстожителство, за предѣлы котораго сосланный не могъ выѣзжать. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ релегированный заключался подъ стражу, но никогда на него не возлагалось обязанности работать; онъ не лишался своихъ гражданскихъ и имущественныхъ правъ. Наоборотъ, депортація—высылка въ опредѣленное мѣсто сопровождалась утратою политическихъ, а также и имущественныхъ правъ, но обязательнаго труда не было и при этой формѣ ссылки. Депортація также назначалась почти исключительно для привилегированныхъ.

У древнихъ германцевъ практиковалось изгнаніе изъ общины съ запрещеніемъ всякаго общенія съ изгнаннымъ и съ правомъ безнаказаннаго его убійства. Институтъ изгнанія развивался на почвѣ частной мести: совершившій преступленіе, предпочитая потерять родину, нежели жизнь, уходилъ изъ общины. Потерпѣвшій становился хозяиномъ оставшагося послѣ бѣглеца имущества. Съ вымираніемъ частной мести эти бѣгства выродились въ принудительное изгнаніе, иногда сопровождавшееся унижительными обрядами. Такое изгнаніе могло быть и временнымъ. Послѣдующая исторія изгнанія состояла въ постепенномъ вымираніи этого наказанія. Въ средніе вѣка нѣмецкія государства были стѣснены въ примѣненіи ссылки: изгнаніе въ предѣлы сосѣдняго государства не могло рассматриваться, какъ актъ дружественнаго сосѣдства. Съ другой стороны теорія устрашенія требовала наказаній на мѣстѣ преступленія.

Болѣе долгій періодъ охватываетъ исторія англійской ссылки, теперь также несуществующей. Въ древнѣйшій періодъ кровавой мести практиковалось добровольное оставленіе отечества.

принявшее позднее определенныя внѣшнія формы въ видѣ отреченія отъ отечества. Въ 1597 г. узаконяется ссылка неисправимыхъ преступниковъ. Эта мѣра начинаетъ примѣняться въ большихъ размѣрахъ и главный потокъ ссыльныхъ направляется въ Америку. Законъ расширяетъ область примѣненія ссылки и предоставляетъ даже мировому судѣ назначать ее къ осужденнымъ въ третій разъ за присутствіе на незаконныхъ молитвенныхъ собраніяхъ. Обязанность пересылки осужденныхъ въ Америку лежала на графствахъ, но этимъ дѣломъ, какъ въ высшей степени выгоднымъ, занялись особые лица. Они получали за каждого посаженнаго на корабль определенное вознагражденіе и вмѣстѣ съ тѣмъ получали право продать его въ Америкѣ на срокъ, равный времени его осужденія въ ссылку (чаще на 7 и 14 лѣтъ). Въ Америкѣ существовалъ очень большой спросъ на рабочія руки, и издержки кораблевладельцевъ окупались настолько выгодно, что они совершенно не заботились сохранять жизнь ссылаемыхъ, часть которыхъ умирала въ пути, не доѣхавъ до Америки. Англійскіе лорды, владѣльцы плантацій, заинтересованные въ увеличеніи рабочихъ рукъ въ Америкѣ, старались, въ качествѣ законодателей, расширить область примѣненія ссылки. Однимъ изъ видныхъ защитниковъ этой мѣры былъ владѣлецъ огромныхъ плантацій въ Америкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ главный судья въ царствованіе Якова I, и ссылка начинаетъ примѣняться какъ наказаніе по суду даже за такіе проступки, какъ охота въ чужихъ владѣніяхъ, и какъ административная мѣра. Но быстрый ростъ общественной и политической жизни Америки, съ одной стороны, и увеличеніе тамъ преступленій съ другой привели къ протестамъ свободнаго американскаго населенія противъ ссылки. Многочисленныя петиціи и сильные протесты, однако, не достигаютъ своей цѣли: англійскіе законодатели отказывались отмѣнить ссылку. Это упорство было одной изъ причинъ войны англійскихъ колоній въ Америкѣ за независимость. Побѣда возставшихъ положила конецъ ссылке въ Америку. Съ 1787 г. ссылка была направлена въ Австралію. Она преслѣдовала колонизаціонныя цѣли. Здѣсь повторилось то же, что произошло съ ссылкой въ Америку. Пока была нужда въ рабочихъ рукахъ, колонія требовала новыхъ транспортовъ ссыльныхъ, но когда начался потокъ эмиграціи изъ Англіи свободнаго элемента въ погонѣ за найденнымъ золотомъ, тогда были

предъявлены требованія прекратить наполненіе страны преступнымъ элементомъ. Англійское правительство далеко не скоро удовлетворило эти требованія, но когда возникла опасность окончанія ссылки тѣмъ же насильственнымъ путемъ, какимъ она окончилась въ Америкѣ, правительство оказалось вынужденнымъ удовлетворить заявленныя требованія и въ 1870 г. былъ отправленъ послѣдній транспортъ ссыльныхъ. Въ настоящее время Англія не примѣняетъ ссылки. По общему отзыву австраліиская ссылка дала примѣръ успѣха штрафной колонизаціи, такъ какъ трудомъ присланныхъ сюда преступниковъ колонія достигла высокой степени благосостоянія. Отрицательною же стороною этой мѣры было увеличеніе преступленій.

Во Франціи ссылка развивается позднѣе, чѣмъ въ другихъ государствахъ. Законодательству до конца XVIII вѣка было извѣстно изгнаніе пожизненно или временно изъ предѣловъ округа или изъ государства. Уложеніе 1791 г. ввело ссылку, какъ мѣру безопасности, противъ рецидива для тѣхъ осужденныхъ за преступленія, которые уже имѣли за собою одну судимость за совершенныя ими преступленія. Ссылка должна была примѣняться лишь по отбытіи наказанія. Одновременно распространяется административная политическая ссылка въ Гвіану. Она узаконяется подъ именемъ „депортаціи“ кодексомъ 1810 г. и занимаетъ въ лѣстницѣ наказаній первое мѣсто послѣ смертной казни. Въ 1848 году смертная казнь за политическія преступленія была отмѣнена и взамѣнъ нея введена пожизненная ссылка въ укрѣпленное мѣсто. Ссылка въ укрѣпленное мѣсто и простая ссылка не были связаны съ обязательнымъ трудомъ и на практикѣ примѣнялись рѣдко, но велико было число административно-сосланныхъ политически неблагонадежныхъ.

Второй видъ ссылки, транспортация, былъ введенъ декретомъ 1852 г. и закономъ 1854 г. взамѣнъ отмѣненныхъ каторжныхъ работъ на континентѣ, которыя въ болѣе старое время состояли въ греблѣ на судахъ, а съ 1748 г. отбывались въ приморскихъ городахъ Рошфорѣ, Брестѣ и Тулонѣ и состояли частью въ наружныхъ занятіяхъ, а частью въ мастерскихъ. Къ концу 1852 г. въ Гвіану, избранную мѣстомъ ссылки, было перевезено 2220 человѣкъ; къ концу 1875 г. здѣсь насчиты-

валось уже свыше 21000 мужчинъ и женщинъ. Мѣсто ссылки было выбрано очень неудачно: климатическія условія Гвіаны были совершенно неблагопріятны; начались повальныя болѣзни и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ссылки въ теченіе одного года вымирало около 30⁰/₀ ссыльныхъ, а въ особенно нездоровомъ пунктѣ (Серебрянная гора) вымирло въ 56 г. даже 62.3⁰/₀. Это обстоятельство побудило французское правительство искать новыя мѣста для ссылки. Къ 1 января 1878 г. здѣсь оставалось всего 3663 чел., изъ которыхъ около половины было ссыльныхъ изъ туземцевъ. Однако, законами 1885 и 1889 года мѣстомъ ссылки опять избирается Гвіана; она получаетъ у преступниковъ названіе сухой гильотины и не безъ основанія: согласно официальныхъ отчетовъ процентъ смертности здѣсь достигалъ въ нѣкоторые годы очень значительной высоты (напримѣръ, въ 1892 г. — 28.8⁰/₀, въ 1893 г. — 13.5⁰/₀, въ 1907 г. — 13.7⁰/₀). Послѣ пріостановки въ 60-ыхъ годахъ ссылки въ Гвіану она была направлена въ Новую Каледонію. Выборъ мѣста ссылки между Гвіаною и Новою Каледоніею зависитъ отъ особой комиссіи въ Парижѣ, которая, руководствуясь исключительно письменными документами, направляетъ худшихъ арестантовъ въ Гвіану, а остальныхъ въ Н. Каледонію. Приговоренные къ каторжнымъ работамъ раздѣляются на 3 класса. Состоящіе въ лучшемъ первомъ классѣ получаютъ право заводить собственное хозяйство, въ видѣ ремесленного заведенія или сельскаго хозяйства, или работать у свободнаго населенія за плату, три пятыхъ доли которой идетъ въ пользу работающаго. Заключение второго класса употребляются на колонизаціонныя работы и получаютъ за свой трудъ лишь награды. Ссыльные третьяго класса употребляются на болѣе тяжелыя работы, не получаютъ наградъ; имъ могутъ быть отведены для спанья голыя доски и они могутъ быть на ночь приковываемы. Ношеніе отъ 2 до 5 лѣтъ, согласно зак. 30 мая 1854 г., цѣпи, спускающейся отъ пояса къ ногѣ, приговоренными къ пожизненной каторгѣ и за побѣги, было замѣнено въ 1906 г. заключеніемъ на пять лѣтъ въ одиночную камеру. Теплый и ровный климатъ Н. Каледоніи даетъ возможность строить самыя легкія для жилья зданія-деревянные бараки. Они представляютъ изъ себя длинныя зданія съ проходомъ по срединѣ и съ гамаками для спанья, привязанными къ стѣнамъ по обѣимъ сторонамъ

прохода. Дисциплинарныя наказанія состоятъ въ ограниченіи пищи, заключеніи въ карцеръ, одиночную камеру и въ дисциплинарный залъ, приковываніе къ нарамъ за обѣ или одну ногу (не встрѣчаемъ указаній на его примѣненіе въ послѣднемъ отчетѣ за 1905—1907 г.г.), переводъ въ низшій классъ. Тѣлесныя наказанія отмѣнены въ 1880 г. Что касается дисциплинарнаго зала, то оно поражаетъ своею жестокостью, какъ и многія другія мѣры, примѣняемыя къ арестантамъ. Подвергнутые этому дисциплинарному наказанію приводятся раннимъ утромъ въ предназначенную для этого комнату и размѣщаются на столбикахъ. Въ безопасномъ огороженномъ рѣшеткою мѣстѣ находится тюремный надзиратель съ часами. По данному имъ приказанію арестанты поднимаются со своихъ мѣстъ и ходятъ вдоль стѣнъ комнаты, дѣлая опредѣленное число шаговъ въ минуту. Хожденіе продолжается полъ-часа и затѣмъ наказуемые размѣщаются на столбикахъ, на которыхъ и остаются четверть часа и затѣмъ снова ходятъ полъ-часа и опять садятся на пятнадцать минутъ. И такъ 12 часовъ въ сутки. Во французскихъ континентальныхъ тюрьмахъ въ теченіе одного 1909 года было проведено въ дисциплинарномъ залѣ 36056 сутокъ, т. е. 100 лѣтъ было употреблено на это ожесточающее и удручающее своимъ безсмысленнымъ однообразіемъ хожденіе и сидѣніе.

Закономъ 1885 г. во Франціи былъ введенъ третій видъ ссылки — релегація, какъ мѣра удаленія изъ метрополіи упорныхъ рецидивистовъ послѣ отбытія ими наказанія лишеніемъ свободы. Релегація назначается судомъ одновременно съ главнымъ наказаніемъ. Подлежащіе релегаціи раздѣляются особымъ учрежденіемъ на двѣ группы: 1) подлежащіе т. н. индивидуальной и 2) общей релегаціи. Въ первую группу зачисляются лучшіе по поведенію, относительно которыхъ имѣется надежда, что они будутъ жить трудомъ. Во вторую группу, наиболѣе многочисленную, зачисляются всѣ остальные. Релегированные первой группы подлежатъ общей юрисдикціи и живутъ на свободѣ и даже получаютъ отъ правительства участки земли и вспомошествованіе на первое время. Релегированные второй группы раздѣляются на три класса, различные по ихъ правамъ и обязанностямъ. Они могутъ перейти въ первую группу лишь съ очень большимъ трудомъ. Положеніе ихъ, по словамъ наблюдавшаго

ихъ проф. Дриля, очень тяжелое. Онъ видѣлъ въ дисциплинарномъ отдѣленіи арестантовъ, скованныхъ по двое, изъ которыхъ одинъ за ногу, а другой за поясъ. Въ темныхъ карцерахъ арестанты имѣютъ на ногахъ тяжелую металлическую палку съ кольцами для ногъ. Освобожденные отъ наказанія являются тяжелымъ бременемъ для мѣстной жизни. Ихъ физическая организація очень истощена и они не способны къ труду. Страсть къ алкоголю заставляетъ ихъ пропивать заработанное и, какъ показываютъ наблюденія, они вновь совершаютъ преступленія, чтобы опять попасть въ тюрьму. Получившіе участки земли въ городахъ и для веденія сельскаго хозяйства также влечутъ очень жалкое существованіе, страдая отъ постояннаго обкрадыванія ихъ. Семейная жизнь почти отсутствуетъ и развита проституція, на которую толкаютъ своихъ женъ ссыльные. Потомство отъ истощенныхъ и отягченныхъ дурною наслѣдственностью родителей падаетъ еще ниже. Въ настоящее время французское правительство отмѣнило релегацію для женщинъ. Число ссыльныхъ разныхъ категорій было за послѣдніе годы незначительно, а именно съ 1852 г. до 1907 г. включительно было транспортировано въ Гвіану 41166 чел., изъ нихъ только 506 жен.; 31 дек. 1907 г. въ Гвіанѣ было 4201 ссыльныхъ и изъ нихъ только 6 женщ., а въ Н. Каледоніи 5287 чел., изъ которыхъ 60 жен. Со времени начала ссылки въ Н. Каледонію 3812 ссыльныхъ получили земельные участки, но къ 31 декабря 1907 г. только 578 чел. имѣли ихъ въ Н. Каледоніи и 173 чел. въ Гвіанѣ.

Ссылка въ Россіи. Въ Россіи ссылка, какъ наказаніе по суду, начинается примѣняться въ очень большихъ размѣрахъ съ 17 вѣка, но извѣстны случаи и болѣе ранняго ея назначенія опальнымъ и провинившимся. Новоуказныя статьи къ Уложенію 1649 г. назначаютъ ее за самыя разнообразныя преступленія и даже за такія, какъ неосторожная ѣзда на лошадяхъ, неправильное пользованіе вѣсами, стрѣльба изъ ружья въ городъ и пр. Законъ въ то время не указывалъ мѣсто ссылки скольконибудь опредѣленно. Только въ одномъ случаѣ мѣстомъ ссылки была назначена Уложеніемъ 1649 г. рѣка Лена въ Сибири, а во всѣхъ остальныхъ случаяхъ законъ ограничивается выраженіями: сослать въ дальніе города, „куда Государь укажетъ“. Ссылали въ Уфу, Симбирскъ, Архангельскъ, сибирскіе города,

Пермь и др. Ссылка преслѣдовала колонизаціонныя цѣли и раздѣлялась на три вида: ссылка въ службу, въ посадъ и на пашню. Сосланные въ службу исполняли различныя служебныя обязанности за жалованіе съ обычными правами, присвоенными должности; ни чѣмъ не отличалось также положеніе сосланныхъ въ посадъ, т. е. въ города. Сосланные на пашню направлялись почти исключительно въ Сибирь и получали отъ правительства землю, скотъ, орудія, зерно, нѣкоторое время освобождались отъ податей. Принудительный трудъ связывается съ ссылкой лишь при Петрѣ I съ 1699 г., когда было повелѣно ссылать посадскихъ людей вмѣсто смертной казни въ Азовъ для работъ „на каторгахъ“, т. е. на гребныя суда. Тогда же вырабатывается нѣкоторая система каторжныхъ работъ. Онѣ назначались безсрочно или на срокъ отъ 1 до 20 лѣтъ и производились на корабляхъ, въ портахъ, въ рудникахъ, заводахъ. Нужда въ рабочихъ рукахъ внутри Европейской Россіи привела Петра I въ 1703 г. къ отмѣнѣ ссылки въ Сибирь, но послѣ его смерти она снова была восстановлена и, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ сдѣланъ цѣлый рядъ попытокъ развитъ ея колонизаціонное значеніе. Всѣ эти опыты оканчиваются полною неудачею. Выборъ для заселенія въ 1733 г. Охотска и въ 1738 г. — 1744 г. Камчатки оказался совершенно неудачнымъ, такъ какъ здѣсь не родился хлѣбъ; не удалось заселеніе въ 1760 г. Барабинской степи, такъ какъ здѣсь развилась страшная смертность. Осуществленіе проекта 1799 г. заселенія ссыльнымъ элементомъ Забайкалья, потребовавшее большихъ денежныхъ затратъ, встрѣтило рядъ препятствій и также было пріостановлено главнымъ образомъ вслѣдствіи хищеній казеннаго имущества чиновниками. Уставъ о ссыльныхъ 1822 г. и дѣятельная работа энергичнаго Сперанскаго, изучившаго на мѣстѣ положеніе ссылки, также не привели къ желаннымъ результатамъ. Дѣленіе арестантовъ на категоріи по ихъ трудоспособности, проведенное на бумагѣ, не было осуществлено на практикѣ частью по недостатку соотвѣтствующаго спроса на трудъ, частью по недовѣрію мѣстнаго населенія къ рабочимъ изъ ссыльныхъ. Условія же жизни сосланныхъ были слишкомъ тяжки: имъ грозила смерть отъ голода и они бѣжали изъ выстроенныхъ для нихъ селеній и вновь обращались къ преступленіямъ. Ростъ преступности привелъ къ образованію въ С.-Петербургѣ се-

кретнаго комитета о возстановленіи смертной казни и она была возстановлена въ Сибири негласнымъ Высочайшимъ указомъ въ 1833 г. Но когда возникла мысль объ отмѣнѣ ссылки, заинтересованная въ ея сохраненіи администрація, кормившаяся около нея, дала свѣдѣнія о блестящемъ состояніи народной нравственности въ Сибири, гдѣ по ея словамъ на 1276000 населенія пришлось въ годъ всего 72 случая преступленій, мелкихъ проступковъ, развратнаго поведенія, обнаруженнаго пьянства, буйства и пр. Въ Сводѣ Законовъ изд. 1842 г. мы находимъ ссылку въ каторжныя работы и на поселеніе съ лишеніемъ правъ и съ предварительнымъ наказаніемъ непривилегированныхъ плетями и безъ этихъ добавленій. Первое наказаніе предусматривалось по подсчету Фойницкаго 82 статьями, а второе 124 статьями. Уложеніе 1845 г., кромѣ ссылки въ каторжныя работы и на поселеніе, знаетъ еще ссылку на житье, какъ наказаніе привилегированныхъ ссыльныхъ. Позднѣе появляется еще новый видъ ссылки на водвореніе. Каторжныя работы подраздѣлялись на рудниковыя, крѣпостныя и заводскія, однако, такое дѣленіе не находилось въ дѣйствительномъ соотвѣтствіи съ тяжестью работы, а число приговариваемыхъ къ различнымъ видамъ каторги не отвѣчало потребностямъ въ рабочихъ рукахъ. Это привело въ началѣ 60-ыхъ годовъ къ прекращенію ссылки въ крѣпостныя работы. Прекратилась также ссылка и на заводы, такъ какъ эти работы приносили большой убытокъ казнѣ. Уложеніе изд. 1885 г. отмѣнило указанное нами дѣленіе каторжныхъ работъ. Режимъ каторжныхъ работъ устанавливался начальствующими лицами, думавшими что въ жестокихъ наказаніяхъ заключается дѣйствительное средство противъ преступности. Отсутствіе всякаго контроля дѣлало ихъ хозяевами жизни ссыльныхъ, которую они совсѣмъ не цѣнили. Пересылка арестантовъ въ Сибирь губительно отзывалась на ихъ здоровьѣ и жизни. Еще въ первой четверти 19 вѣка ихъ отправляли въ ошейникахъ, со связанными назадъ руками, въ тяжелыхъ цѣпяхъ. Съ 1825 г. ихъ отправляли прикованными къ длинному желѣзному пруту: такъ сковывалась на нѣсколько мѣсяцевъ тяжелаго пѣшаго пути жизнь лицъ различныхъ характеровъ и физическихъ силъ. Впослѣдствіи пруть былъ замѣненъ цѣпью, отмѣненной въ 1874 году. Еще позднѣе арестантовъ отправляли въ кандалахъ скованными попарно. Построен-

ныя по пути этапныя тюрьмы не удовлетворяли самымъ элементарнымъ требованіямъ гигиены. Улучшеніе въ отправкѣ ссыльныхъ наступило сравнительно недавно, съ началомъ пересылки ихъ моремъ черезъ Одессу, а съ 1897 г. по желѣзной дорогѣ.

Остановимся на ссылкѣ послѣдняго времени. Среднесуточное число каторжныхъ арестантовъ въ періодъ съ 1886 до 1900 г.г. было около 12000 человѣкъ. Мѣстами для отбытія каторжныхъ работъ были Нерчинскъ, Александровская каторжная тюрьма близъ Иркутска и др. пункты, но главнымъ образомъ, о. Сахалинъ (до октября 1906 г.), куда отправлялось около половины всѣхъ каторжанъ. Первые опыты ссылки сюда относятся еще къ 1869 г. и такимъ образомъ исторія Сахалинской ссылки охватываетъ періодъ только въ 37 лѣтъ. Въ русской литературѣ этотъ видъ наказанія привлекъ къ себѣ вниманіе многихъ изслѣдователей, познакомившихъ русское общество съ организаціей ссылки за тѣ годы, когда она считалась уже окончательно сложившейся. Къ такимъ изслѣдователямъ принадлежатъ сахалинскій врачъ Лобасъ, проф. Дриль, бывшій на о. Сахалинѣ въ качествѣ правительственнаго ревизора, судья Новомбергскій, писатели Чеховъ, Дорошевичъ и др. Прибывавшіе сюда ссыльные размѣщались по тюрьмамъ, землянкамъ, юртамъ. Тюремныя зданія напоминали своимъ устройствомъ средневѣковыя помѣщенія для арестантовъ: онѣ строились безъ фундамента, безъ черныхъ половъ, изъ сырого лѣса; вѣтеръ и холодъ свободно проникалъ сквозь щели въ стѣнахъ, а дождь сквозь потолокъ и крышу и арестантамъ приходилось спать на промокшихъ койкахъ. Желѣзныя печи нагревали помѣщеніе до духоты, но скоро остывали; спертый воздухъ благопріятствовалъ заразѣ. Долгое время заключенные не получали смѣны бѣлья и носили его по четыре мѣсяца, а мыло выдавалось имъ въ количествѣ 24 зол. въ мѣсяцъ. Питаніе было мало удовлетворительно. Врачъ Лобасъ сообщаетъ о совершенно негодныхъ къ употребленію продуктахъ и случаяхъ массоваго отравленія. Одежда была неприспособлена къ условіямъ климата и не защищала отъ страшныхъ морозовъ и отъ простуды. Не смотря на богатство природы, обиліе рыбы, лѣсного матеріала, каменнаго угля и проч., работы были организованы неудовлетворительно. Онѣ раздѣлялись на урочныя и

безурочная администрація не считалась съ дѣленіемъ арестантовъ на группы по ихъ способности къ труду, а неисполненіе урока слабосильнымъ вело къ суровымъ наказаніямъ. Проведеніе дорогъ черезъ тайги съ рубкою лѣса, выкорчевкою пней отзывалось гибельно на жизни ссыльныхъ, ввѣренныхъ надзору надзирателей съ безконтрольною фактически властью. Въ качествѣ дисциплинарной мѣры господствовали розги, примѣненіе которыхъ по описанію очевидцевъ иногда носило садистическій характеръ, обнаруживая несомнѣнную ненормальность прибѣгавшаго къ нимъ начальства. Дриль свидѣтельствуешь о страшномъ развратѣ среди поселенцевъ. Ссыльная сюда женщина имѣла своимъ назначеніемъ удовлетворять половое чувство не только ссыльныхъ, но и лицъ самой администраціи. Для полученія женщины приказомъ по о. Сахалину устанавливался срокъ подачи ссыльными особыхъ заявленій; этотъ же приказъ констатируетъ перехватываніе женщинъ самими тюремными надзирателями (приказъ по острову 1896 г. № 263).

Положеніе ссыльно поселенцевъ было также совершенно неудовлетворительно. Они присылались сюда безъ всякихъ средствъ и въ значительной части мѣстъ они не находятъ никакого заработка и, по словамъ Дриля, въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказываются присужденными къ голодной смерти. Найти квартиру для нихъ представляется крайне затруднительнымъ, и мѣстные жители стараются возможно скорѣе отдѣлаться отъ присланныхъ. Небольшая часть находитъ работу у мѣстныхъ жителей за скудное вознагражденіе или на золотыхъ приискахъ, условія жизни на которыхъ способны толкать на преступленіе людей и съ болѣе сильнымъ и неиспорченнымъ характеромъ.

Ссылка на житье не играла на практикѣ большой роли, т. к. число приговоренныхъ къ ней было всегда очень незначительно.

Такое состояніе ссылки и протесты противъ нея въ связи съ результатами, обнаружившимися изъ ревизіи проф. Дриля, привели къ закону 1900 г., которымъ ссылка на житье была отмѣнена, а ссылка на поселеніе значительно ограничена. Отчетъ главнаго тюремнаго управленія показываетъ, что въ 1910 году было сослано въ Сибирь каторжанъ 3930 муж. и 82 жен. и поселенцевъ 780 муж. и 73 жен.; бродягъ 47 муж. Они направляются въ Иркутскую, Енисейскую, Тобольскую губ. и, главнымъ обра-

зомъ, въ Александровскую каторжную центральную тюрьму близъ Иркутска 995 чел. и въ Нерчинскую каторгу 873 муж. и 83 жен., а также на работу по проведенію желѣзной и колѣсной Амурской дороги. Всего же въ мѣстахъ заключенія содержалось 28742 каторжанъ или 17% общаго числа заключенныхъ; изъ нихъ:

Въ каторжныхъ тюрьмахъ Сибири	6038 или 21.0%.
Во врем. катор. тюр. Европ. Россіи	7889 или 27.5%.
На Амурск. желѣзн. дор.	1582 или 5.5%.
Въ исправител. арестантск. отдѣлен.	982 или 3.4%.
Въ пересыльныхъ тюрьмахъ	746 или 2.6%.
Въ тюрьмахъ общаго устройства	11505 или 40.0%.

На о. Сахалинѣ въ настоящее время не содержится ссыльных: исходъ войны съ Японіей положилъ конецъ ссылкѣ туда. Приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ стали размѣщать по приспособленнымъ для каторжныхъ работъ европейскимъ тюрьмамъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ обыкновенныхъ тюрьмахъ. Каторжныя отдѣленія были открыты въ Москвѣ, Варшавѣ, Владимірѣ, Смоленскѣ, Орлѣ, Николаевскѣ, Ригѣ и др. городахъ. Работы каторжанъ состоятъ частью въ добываніи металловъ и каменнаго угля, частью въ рубкѣ лѣса и осушкѣ мѣстности и частью въ различныхъ внутреннихъ работахъ. Къ сожалѣнію, въ официальныхъ отчетахъ главнаго тюремнаго управленія мы не находимъ сколько нибудь подробныхъ отвѣтовъ на рядъ вопросовъ о современномъ положеніи каторжанъ.

Литература: *Тимофеевъ*. Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи. 2 изд. Спб. 1904 г., *Жбанковъ и Яковенко*. Тѣлесныя наказанія въ Россіи въ настоящее время, М. 1899 г., *Фойницкій*. Ссылка на Западѣ. Спб. 1881 г., *Дриль*. Ссылка во Франціи и Россіи. Спб. 1899 г., *Лобасъ*. Каторга и поселеніе на Сахалинѣ. 1904 г.

Тюремное заключеніе.

Значеніе тюрьмы въ современной карательной системѣ. Тюрьма, какъ средство борьбы съ преступностью, занимаетъ въ современной карательной системѣ первое мѣсто. Это ясно видно изъ числа тюремъ въ различныхъ государствахъ, изъ громадныхъ цифръ заключенныхъ въ тюрьмы, изъ чрезвычайно высокой суммы денежныхъ затратъ на содержаніе мѣстъ заключенія. Такъ, послѣдній от-

четъ французскаго тюремнаго управленія за 1909 годъ показываетъ, что въ этой странѣ имѣется 11 долгосрочныхъ тюремъ и 374 тюрьмы для краткосрочнаго заключенія; въ небольшой Бельгіи—около 30 тюремъ, въ Англіи—59, въ Швеціи къ концу 1909 года—5 центральныхъ тюремъ, 42 мѣстныхъ, 4 рабочихъ дома, въ Италіи свыше 1500, въ Австріи около 800, въ Россіи 716 тюремъ съ 121945 мѣстами общаго заключенія и 9169 одиночными камерами. Во французскихъ мѣстахъ заключенія было проведено въ 1909 году—9,716,004 сутокъ; въ русскія мѣста заключенія поступило въ теченіи 1910 г. 859,462 арест., въ англійскія было заключено въ 1909—181,695 чел. Громадныя суммы расходуются на содержаніе тюремъ: въ Италіи около 30 мил. лиръ, во Франціи 16 мил. франковъ (въ 1906 г.), въ Россіи расходная тюремная смѣта на 1910 годъ исчислена была въ 31,731,940 руб. Въ Германіи изъ общаго числа осужденныхъ свыше 264000 приговариваются къ наказаніямъ лишеніемъ свободы.

Исторія тюремъ. Такое значеніе въ борьбѣ съ преступностью тюрьма получила сравнительно недавно. Развитіе тюремнаго дѣла началось лишь съ 19 вѣка, хотя тюрьма, какъ мѣсто содержанія обвиняемыхъ до суда и въ очень рѣдкихъ случаяхъ какъ мѣсто наказанія, извѣстна съ давняго времени. Упомянутіе тюрьмы встрѣчается въ древнемъ Египтѣ, Римѣ, у евреевъ и др. народовъ. Въ ту эпоху борьбы съ преступностью, когда господствовала месть-самоуправство или когда цѣлью наказанія было устрашеніе, тюремное заключеніе не могло получить развитія: оно считалось слишкомъ мягкою мѣрою. Дошедшія до насъ свѣдѣнія о стариннѣйшей лондонской тюрьмѣ Ньюгэтъ показываютъ, что въ концѣ XII в. въ ней содержались исключительно подслѣдственные. При суровомъ взглядѣ на преступниковъ, не могло быть и мысли о заботливомъ отношеніи къ ихъ жизни и здоровью въ мѣстахъ ихъ содержанія, и требованія гигиены здѣсь совершенно не соблюдались. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, однако, ужасное состояніе тюремъ заставляло говорить о себѣ даже и въ ту эпоху. Такъ, напримѣръ, жалобы на тяжелое положеніе арестантовъ привилегированнаго класса, содержавшихся въ Лондонскомъ Ньюгэтѣ, восходятъ къ самому началу 15 вѣка. Въ тотъ вѣкъ и до начала 19 столѣтія правительства не давали арестантамъ ни платья, ни пищи:

обо всемъ они должны были заботиться сами и бѣднѣйшіе поддерживали свое существованіе милостынею. Арестанты названной тюрьмы Ньюгэтъ, на примѣръ, питались въ 14 вѣкѣ остатками пищи, присылавшейся однимъ религіозно-благотворительнымъ обществомъ. Арестанты содержались безъ раздѣленія по полу и возрасту и должны были уплачивать различныя суммы надзирателямъ тюрьмы, должности которыхъ были очень доходны и продавались правительствомъ тѣмъ, кто платилъ дороже. Откупная система начала выводиться въ Англіи лишь съ половины 18 вѣка. Откупщики — тюремные смотрителя — старались извлечь изъ тюремъ какъ можно болѣе дохода и превращали мѣста заключенія въ дома разврата и игорныя притоны. Для тюремъ отводились башни въ городскихъ стѣнахъ, погреба въ ратушахъ и другія помѣщенія. Спеціальныя тюремныя помѣщенія начали строить позднѣе, (на примѣръ, въ Швейцаріи первое указаніе на постройку такого зданія относится лишь къ 1494 г.). Арестантамъ не воспрещалось производить въ тюрьмѣ работы, но государство не брало на себя ихъ организацію. Вниманіе къ состоянію тюремъ было привлечено лишь съ конца семидесятыхъ годовъ 18 вѣка, благодаря дѣятельности англичанина Говарда, который, въ качествѣ плѣннаго, былъ заключенъ во французскую тюрьму и на самомъ себѣ испыталъ всѣ тяжести этой мѣры пресѣченія и наказанія. Вся послѣдующая его жизнь была посвящена борьбѣ за улучшеніе тюремъ. Онъ осмотрѣлъ мѣста заключенія многихъ европейскихъ государствъ, побывавъ и въ Россіи, гдѣ заразился въ одной изъ тюремъ и умеръ. Напечатанная Говардомъ книга о состояніи тюремъ служить цѣннымъ матерьяломъ для характеристики отношенія къ преступнику. За самыми рѣдкими исключеніями арестанты въ мѣстахъ заключенія страдали отъ недостатка воздуха, пищи, отъ жестокихъ наказаній, отъ растлѣвавшей обстановки совмѣстной жизни.

Исторія тюремъ въ Россіи. Исторія тюремнаго заключенія въ Россіи не представляетъ какихъ либо особенностей сравнительно съ его исторіей на Западѣ. Первое указаніе на лишеніе свободы встрѣчаемъ въ договорѣ Смоленска съ Ригю 1229 г., но здѣсь говорится лишь о заточеніи неоплатныхъ должниковъ. Въ Судебникѣ Іоанна IV тюрьма уже назначается какъ наказаніе за лихоимство и ябеду. Уложеніе 1649 г. назначаетъ ее рѣже,

чѣмъ смертную казнь и чѣмъ тѣлесныя наказанія и въ нѣкоторыхъ случаяхъ лишь въ качествѣ добавочнаго наказанія. Помѣщенія для заточенія отводились при монастыряхъ, въ крепостныхъ стѣнахъ, въ башняхъ, но устраивались также и особыя избы. Къ 1560 г. относится запрещеніе устраивать подземныя тюрьмы, но практикѣ извѣстно заключеніе въ нихъ значительно позднѣе. Подземныя тюрьмы представляли изъ себя яму или погребъ, иногда даже безъ сруба внутри и безъ печи, съ застланнымъ верхомъ. Описывая одну изъ такихъ тюремъ, заключенный въ нее протопопъ Аввакумъ говоритъ о ней: „еретики собаки, какъ то ихъ человѣкъ научилъ: жива человѣка закопай въ землю“. Деревянныя тюрьмы устраивались въ одинъ и въ два этажа съ маленькими окошками и окружались кольями. Въ 17 вѣкѣ въ Москвѣ было нѣсколько такихъ избъ съ различными названіями, показывающими на желаніе провести нѣкоторую систему раздѣленія заключенныхъ. Въ дѣйствительности это раздѣленіе проводилось очень слабо. Московскія тюрьмы носили такія названія: опальная, барышкина, заводная, холопья, сибирка, разбойная, татарка, женская. Подслѣдственные арестанты не раздѣлялись отъ осужденныхъ, взрослые отъ малолѣтнихъ, мужчины отъ женщинъ. Арестанты кормились или милостынею или тѣмъ, что приносили имъ родные. Для собиранья подаяній ихъ водили по городу или выставляли у воротъ. Съ 1722 года на содержаніе арестантовъ казна начала отпускать средства, но въ 1726 году было вновь разрѣшено собирать милостыню и только съ половины 18 вѣка правительство взяло на себя содержаніе заключенныхъ.

Внутренній распорядокъ тюремной жизни былъ выработанъ лишь во второй четверти XIX вѣка, а до того времени тюремный регламентъ сводился къ почти одинаковымъ предписаніямъ поведенія, „предъявлявшимся какъ къ арестантамъ, такъ и къ ихъ надзирателямъ“: „не воровать, въ карты и зернтю не играть и пьяну не напиваться“. До правительства доходило большое число жалобъ арестантовъ, указывавшихъ на распространеніе среди нихъ цынги, заразныхъ болѣзней, на ихъ страданія отъ холода и голода. Иногда пріѣзжали ревизоры—дѣяки, но положеніе въ тюрьмѣ не мѣнялось. Можно указать лишь очень немного распоряженій, стремившихся внести улучшеніе въ тюрьму и при томъ нѣкоторыя изъ нихъ сами по себѣ слу-

жать показателями того уровня, на которомъ стояло тюремное дѣло. Такъ, въ 1717 г., было отдано распоряженіе мѣнять солону въ тюрьмахъ для подстилки арестантовъ. Въ то самое время, когда Говардъ началъ свое ознакомленіе съ тюрьмами, а Екатерина II писала Наказъ, были учреждены „смирительные дома для лицъ развратнаго поведенія и соблазнительнаго житія“, куда отдавали не только по приговорамъ судовъ, но и по желанію родителей и помѣщиковъ. Съ 1783 г. открываются работные дома для преступниковъ противъ собственности съ тяжелымъ режимомъ. О состояніи мѣстъ заключенія въ началѣ XIX столѣтія мы подробно узнаемъ изъ описанія англичанина Венинга, представившаго государю записку о различныхъ мѣстахъ заключенія въ столицѣ. Вездѣ была тѣснота, грязь; нѣкоторыя помѣщенія представляли опасность для жизни, такъ какъ были настольковѣтхи, что ихъ пришлось подпирать при Венингѣ; тюремная стража почти вездѣ помѣщалась въ камерахъ для женщинъ; нѣкоторые заключенные имѣли на шеяхъ тяжелые деревянные „стулья“ на цѣпяхъ; нѣсколько женщинъ были въ „рогаткахъ“, устроенныхъ такимъ образомъ, что арестантки не могли ни сѣсть, ни лечь. Венингъ проектировалъ устройство особаго попечительнаго о тюрьмахъ общества. Правительство согласилось съ этимъ предложеніемъ, но отнеслось къ его основной мысли очень боязливо, и дѣятельность открывшагося общества съ самаго начала была поставлена въ очень тѣсныя рамки. Такъ, президентъ общества выбирался самимъ государемъ, на каждую должность членовъ комитета представлялось государю три кандидата. Составъ общества былъ строго аристократическій; для многихъ членовъ участіе въ организаціи было или формальнымъ или средствомъ для времяпровожденія. Тѣмъ не менѣе въ глазахъ назначеннаго президента бар. Компенгаузена, члены общества были „пестрымъ сборищемъ высокопарныхъ философовъ, чувствительныхъ филантроповъ, просвѣщенныхъ дамъ и людей простодушныхъ“. Элементъ „простодушія“ былъ въ дѣятельности членовъ общества: такъ, напри- мѣръ, дочь президента общества фрейлина дѣвица Гладкова сочинила книжку для раздачи арестантамъ подъ заглавіемъ: „Занятія въ часы пріятныя“. Но также несомнѣнно, что въ состояніи тюрьмы было слишкомъ много, очевидно, тяжелыхъ сторонъ, и новое общество старалось внести въ нее хотя бы нѣкоторыя

улучшенія. Такъ была организована врачебная помощь, введена горячая пища, ранѣе отсутствовавшая, устроены различныя внутреннія работы и пр. Но эти попытки частичнаго улучшенія положенія арестантовъ производились только въ столицѣ и были слишкомъ скромны, чтобы измѣнить общее состояніе тюремъ даже въ столицѣ. Такъ, въ 1840 г., С.-Петербургскій оберъ-полицмейстеръ доносилъ государю о положеніи арестныхъ помѣщеній: „они весьма тѣсны, сыры; черезъ крыши протекаетъ вода; балки, полы и рамы сгнили; арестантамъ негдѣ лечь и въ дни переполненія они принуждены проводить ночи стоя на ногахъ“. Въ 1857 г. эти жалобы вновь повторяются и указывается на громадный процентъ больныхъ (на 6 здоровыхъ одинъ больной) и на высокую смертность въ тюрьмахъ (на 16 больныхъ одинъ умирающій). Но вмѣсто улучшенія, опубликовываются правила, предписывающія арестантамъ, какъ они должны „стлать постели, расчесывать волосы и бороду, какъ должны сидѣть за столомъ, не допуская божбы, перекоровъ, хохота, пѣсней и рѣзвостей“. Въ то же время начальству дается инструкція какъ топить печи и бани, чистить отхожія мѣста и пр. Отмѣна крѣпостного права лишаетъ помѣщиковъ права расправы съ крестьянами за совершенные ими проступки, и тюремное населеніе значительно увеличивается. Въ 1864 году учреждается особая комиссія для реформы тюремъ, собравшая богатый матеріалъ. Выяснилось, что часть тюремъ была устроена въ наемныхъ домахъ, въ сырыхъ и ветхихъ зданіяхъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ безъ кухонъ, безъ погребовъ, почти повсемѣстно безъ мастерскихъ, иногда безъ особыхъ отдѣленій для женщинъ и пр. Въ 1879 г. было учреждено главное тюремное управленіе и началась постройка новыхъ тюремъ взамѣнъ негодныхъ для жилья старыхъ. Однако, въ очень многихъ городахъ существующія тюремныя зданія совершенно не удовлетворяютъ самымъ примитивнымъ требованіямъ гігіены.

Современное положеніе тюремъ. Существующія тюрьмы могутъ быть раздѣлены по системѣ ихъ устройства на: 1) одиночныя, 2) общія и 3) смѣшанныя.

Одиночная система. Одиночная система перешла въ Европу изъ Америки, гдѣ въ концѣ XVIII вѣка и въ началѣ XIX столѣтія было увлеченіе предполагавшимися результатами полного изолированія арестанта. Первыя одиночныя тюрьмы, выстроен-

ныя въ Филадельфіи, дали названіе филадельфійской тюремной системѣ. Корпуса съ одиночными камерами сходились въ видѣ лучей къ залу, расположенному въ центрѣ, гдѣ помѣщалась стража. Заключенныхъ доставляли въ тюрьму съ завязанными глазами. Они должны были проводить время въ полномъ одиночествѣ за чтеніемъ библіи и въ молитвѣ. Предполагалось, что одиночество приведетъ заключенныхъ къ размышленіямъ о порочности прошлой жизни и къ обращенію ихъ на путь истины.

Нѣсколько позднѣе этой системы развилась другая, получившая названіе обурнской, съ характерною чертою разобщенія арестантовъ на ночь и съ работами при обязательномъ молчаніи въ теченіи дня. Французское, германское и англійское правительства командировали въ Америку своихъ тюремныхъ дѣятелей для ознакомленія съ одиночными системами, и скоро въ европейскихъ государствахъ началось движеніе въ пользу устройства одиночныхъ тюремъ. Высказывались надежды, что преступность, непобѣжденная общими тюрьмами, будетъ побѣждена, когда у каждаго арестанта будетъ своя тюрьма-одиночная камера. Особенно сильно было увлеченіе одиночной системой въ Бельгіи и во Франціи. Во Франціи 59 краткосрочныхъ тюремъ съ 8402 одиночными камерами. Въ настоящее время въ Бельгіи общее заключеніе примѣняется лишь къ незначительному числу арестантовъ; приговоренные къ безсрочному заключенію проводятъ въ одиночныхъ камерахъ десять лѣтъ, а осужденные къ срочнымъ наказаніямъ могутъ быть заточены въ одиночныхъ же камерахъ на срокъ 9 лѣтъ 9 мѣс. Въ качествѣ типичной одиночной тюрьмы мы дадимъ описаніе осмотрѣнной нами новой тюрьмы въ г. Френъ близъ Парижа.

Тюрьма Френъ занимаетъ большой участокъ земли по линіи желѣзной дороги изъ Парижа на Арпажонъ. Это — цѣлый городокъ, обнесенный стѣнами и обсаженный деревьями. Здѣсь помѣщаются двѣ тюрьмы — мужская и женская, предназначенныя для осужденныхъ на срокъ менѣе 1 г. и 1 дня. Мужская тюрьма занимаетъ шесть зданій, расположенныхъ въ видѣ трехъ параллельныхъ линій, по три въ рядъ. Эти дома вмѣщаютъ въ себѣ 1524 одиночныхъ камеры. Тутъ же размѣщены и другія зданія: кухня, прачешная, склады, больница, домъ для заключенія на случай переполненія тюрьмы и др. Каждый новоприбывшій арестантъ помѣщается сначала въ особая „камеры ожи-

данія“, затѣмъ его заносятъ въ списокъ заключенныхъ и съ этого момента онъ какъ бы теряетъ свою фамилію и свое имя и становится теперь номеромъ среди другихъ полуторы тысячи номеровъ тюрьмы. Индивидуальныя черты характера заключеннаго не существуютъ для тюремной администраціи. Преступники теряютъ здѣсь даже индивидуальныя черты своей внѣшности: одѣтые въ одинаковое платье, они при каждомъ выходѣ изъ камеръ въ баню, въ церковь, въ школу и пр. обязаны надѣвать на голову особые мѣшки—капюшоны, закрывающіе все лицо. Обязанность закрывать лицо существуетъ и въ другихъ иностранныхъ тюрьмахъ. Въ Германіи для этого употребляются полумаски и маски, сшитыя изъ сукна съ двумя отверстіями для глазъ. Назначеніе масокъ—помѣшать арестантамъ заводить знакомства въ тюрьмѣ и по выходѣ изъ нея и тѣмъ самымъ помѣшать образованію преступныхъ шаяекъ. Но уголовная статистика обнаруживаетъ увеличеніе числа преступленій, совершенныхъ въ сообществѣ. Это доказываетъ, что одиночная тюрьма не достигла поставленной ей цѣли. Принципъ разобщенія арестантовъ проведенъ въ тюрьмѣ Френъ очень строго: одиночныя камеры устроены не только въ церкви, школѣ, и для работъ, но даже въ банѣ и въ подъемной машинѣ. Каждая обычная камера имѣетъ 4 метра длины, $2\frac{1}{2}$ ширины и 3 метра вышины. Окна—высокія и широкія (1.18 × 1.63 метр.). Верхняя часть рамы открывается и находится въ распоряженіи самаго арестанта. Кромѣ того, имѣется вентиляція изъ камеры въ корридоръ. Въ каждой камерѣ клозетъ съ водою и особый кранъ съ водою для умыванія. Кровать металлическая съ матрацомъ и бѣльемъ, придѣланная къ стѣнѣ и на день откидывающаяся къ стѣнѣ. Столъ и стулъ прикрѣплены къ полу. Стѣны окрашены масляною краскою; полъ—паркетный; въ каждой камерѣ имѣется посуда для пищи и питья и преисъ-курантъ съ цѣнами съѣстныхъ припасовъ, которые можно получать изъ магазина при тюрьмѣ. Такіе камеры расположены въ пяти этажахъ cadaго изъ шести корпусовъ. Въ особомъ зданіи помѣщено 32 карцера; здѣсь арестаны спятъ на доскахъ. Въ огромномъ залѣ устроены рядами узкіе ящики въ видѣ амфитеатра: по этимъ ящикамъ размѣщаются арестанты во время школьныхъ занятій и церковной службы. Работы производятся заключенными въ ихъ обычныхъ камерахъ или въ особыхъ

одиночныхъ камерахъ, въ которыхъ установлены машины. Свиданія съ родными происходятъ черезъ двѣ рѣшетки: заключенный помѣщается въ особой клѣткѣ, а пришедшій къ нему въ такой же напротивъ него, и въ проходѣ стоитъ стража. Прогулки допускаются только въ одиночныхъ дворикахъ. Система устройства этихъ двориковъ нѣсколько отличается отъ обычной. Обыкновенно одиночные дворики устраиваются въ видѣ треугольниковъ, сходящихся вершинами въ одинъ центръ, въ которомъ на возвышеніи находится надзиратель; эти треугольники отдѣлены одинъ отъ другого высокими стѣнами. Въ тюрьмѣ Френъ дворики устроены въ видѣ прямоугольниковъ, расположенныхъ одинъ подлѣ другого длиннымъ рядомъ. Больница также устроена по одиночной системѣ. Одиночныя тюрьмы въ другихъ государствахъ сходны въ главныхъ чертахъ съ описанной нами.

**Общее
заключеніе.**

Тюрьмы общаго заключенія оставляютъ арестанта во все время отбытія наказанія вмѣстѣ съ другими осужденными. Впрочемъ, во многихъ общихъ тюрьмахъ въ настоящее время заключенные разъобщаются на ночь, которую они проводятъ или въ особыхъ камерахъ ночного разъединенія, или въ особыхъ отдѣленіяхъ съ проволочными стѣнками. По общему правилу этотъ видъ заключенія примѣняется къ долгосрочнымъ арестантамъ и соединяется съ принудительными работами. Во время этихъ работъ заключенные или совершенно не имѣютъ права разговаривать или ограничены въ этомъ правѣ. Но обязанность молчанія при условіи совмѣстной работы является крайне тяжелой для заключенныхъ и замѣнъ живой рѣчи они вырабатываютъ языкъ знаковъ, которымъ съ успѣхомъ и пользуются для общенія между собою.

**Смѣшанная
система.**

Смѣшанная система состоитъ изъ соединенія обѣихъ указанныхъ нами ранѣе системъ: часть наказанія отбывается въ одиночномъ заключеніи, а часть въ общемъ. Наболѣе ярко она выражена въ т. н. прогрессивныхъ англійской и ирландской системахъ. Сущность ихъ сводится къ постепенному облегченію положенія арестанта, который сначала заключается въ одиночную камеру, затѣмъ переводится въ общую тюрьму и отсюда въ случаѣ хорошаго поведенія выпускается на свободу даже ранѣе истеченія срока наказанія, но можетъ быть вновь возвращенъ сюда при несоблюденіи предпи-

санныхъ ему правилъ поведенія. Въ ирландской же системѣ этому условному освобожденію предшествуетъ переводъ въ особую т. н. переходную тюрьму съ режимомъ, значительно отличающимся отъ обычнаго тюремнаго режима. До 1911 г. одиночное заключеніе назначалось на срокъ до 9 мѣсяцевъ, но въ указанномъ году были изданы новыя правила, понизившія этотъ срокъ до 1 мѣс. для рецидивистовъ каторжанъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ одиночное заключеніе можетъ быть продолжено до 3 мѣс., но оно можетъ быть и совсѣмъ отмѣнено, если этого потребуетъ врачъ. Въ настоящее время въ англійскихъ тюрьмахъ обращается большое вниманіе на классификацію арестантовъ. Въ 1903 г. было установлено дѣленіе заключенныхъ на три группы: 1) звѣздный классъ съ нашивками въ видѣ звѣзды на рукавѣ; сюда зачисляются осужденные впервые, если они не отнесены къ привычнымъ и развратнымъ преступникамъ; 2) во второй классъ зачисляются арестанты съ предшествующею судимостью не тяжкаго характера; 3) третій классъ состоитъ изъ худшихъ арестантовъ.

**Новыя тю-
ремныя
учрежденія.
Реформато-
ріи.**

Въ Америкѣ и за послѣднее время въ Англіи раз-
вились тюремныя учрежденія, значительно отличаю-
щіеся отъ описанныхъ нами типовъ тюремъ. Мы имѣ-
емъ въ виду прежде всего американскія реформато-
ріи. Первое изъ этихъ учрежденій было основано въ 1876 г.
близъ г. Эльмиры въ штатѣ Нью-Йоркъ. Въ основу внѣшняго
устройства реформаторій и внутренняго ихъ распорядка была
положена мысль о необходимости исправленія арестанта вмѣсто
его наказанія. Тюрьма не должна быть мѣстомъ страданія, но
леченія. При взглядѣ на преступность какъ на продуктъ бо-
лѣзни соціальнаго организма или болѣзни самого преступника,
реформаторія ставитъ своею задачею выпустить изъ своихъ
стѣнъ заключенныхъ болѣе приспособленными къ борьбѣ за
существованіе, чѣмъ какими они вошли въ нее. Необходимымъ
условіемъ достиженія этой цѣли основатель реформаторіи, Бро-
куей, считалъ заключеніе арестанта на такой срокъ, продолжи-
тельность котораго зависѣла бы отъ успѣха переработки харак-
тера преступника, т. е. Брокуей полагалъ, что срокъ тюремна-
го приговора не долженъ быть опредѣляемъ судомъ. Но зако-
нодательное собраніе штата Нью-Йоркъ не нашло возможнымъ
принять безусловно неопредѣленные приговоры и ограничилось

введеніємъ относительно неопредѣленныхъ приговоровъ съ указаніемъ возможнаго высшаго срока задержанія (зак. 1877 г.).

Вслѣдъ за Эльмирской реформаторіей были открыты подобныя же учрежденія въ Массачузетсѣ 1884 г., въ Пенсильваніи въ 1889 г., въ Минезотѣ въ 1889 г., въ Иллинойсѣ въ 1893 г., въ Канзасѣ въ 1895 г., Охіо въ 1896 г., въ Индіанѣ въ 1897 г., въ Новомъ Джерсеѣ въ 1901 г. и др. Къ концу 1905 г. въ Эльмирской реформаторіи общее число арестантовъ было 1325, за все же время существованія тюрьмы черезъ нее прошло 14639 чел., черезъ Конкордскую реформаторію до конца 1903 г.—прошло 13565 чел. Въ большинствѣ реформаторій число заключенныхъ исчисляется ежегодно тремя, четырьмя сотнями.

Уже внѣшній видъ этихъ карательно-исправительныхъ учреждений значительно отличается отъ вида обыкновенныхъ тюремъ. Такъ, расположенная на возвышенномъ мѣстѣ Эльмирская реформаторія состоитъ изъ ряда зданій очень красивой архитектуры съ громадными окнами. Внутри зданій имѣется особая зала для собраній, роскошно обставленные мастерскія, пріемная — гостинная, столовая, читальни, бібліотека и пр.

Всѣ заключенные раздѣляются на три класса, изъ которыхъ лучшій — первый, а худшій — третій. Громадное большинство арестантовъ состоитъ во второмъ классѣ. Пребываніе въ высшихъ классахъ связывается съ большими льготами и даетъ право на условное освобожденіе. Обстановка въ камерахъ, въ которыхъ арестанты проводятъ ночь (окна выходятъ въ корридоръ) не одинакова; она лучше у арестантовъ высшихъ классовъ.

Въ богато обставленныхъ мастерскихъ производится обученіе разнообразнымъ ремесламъ. Здѣсь есть школы портныхъ, сапожниковъ, лудильщиковъ, кузнецовъ, механиковъ, граверовъ, токарей, типографщиковъ, переплетчиковъ, телеграфистовъ, стенографистовъ, живописцевъ, каменщиковъ, цирюльниковъ и др.

Въ то время, какъ въ европейскихъ тюрьмахъ преподаваніе не идетъ далѣе обученія чтенію и письму, въ реформаторіяхъ преподаютъ соціологію, этику, исторію, политическую экономію, англійскую литературу и пр. Одинъ изъ отчетовъ Эльмирской реформаторіи говоритъ, что администрація стремится поощрять здоровую мысль, развитъ существующія способности арестан-

товъ и чувство изящнаго. Для болѣе успѣшнаго обученія арестанты раздѣляются на группы.

Въ то время, когда европейскія тюрьмы стремятся изолировать арестанта и отрѣзать его отъ внѣшняго міра, замкнувъ его въ стѣнахъ одиночной камеры, реформаторіи стремятся развить въ заключенномъ интересъ къ родной странѣ, къ ея политической жизни. Въ этихъ цѣляхъ въ реформаторіи допускается чтеніе газетъ и журналовъ. Въ Конкордскую реформаторію, напримѣръ, разрѣшено получение 61 періодическаго изданія. Въ нѣкоторыхъ реформаторіяхъ издаются собственныя газеты (въ пяти еженедѣльно и въ одной ежемѣсячно) съ широко поставленною программой: съ отдѣломъ политическихъ новостей, беллетристическимъ, научнымъ, внутренней тюремной хроники и пр. Газетныя статьи пишутся и набираются къ печати самими заключенными.

Въ то время, какъ европейскія тюрьмы воспрещаютъ всякое общеніе арестантовъ между собою и налагаютъ дисциплинарныя наказанія за попытки нарушенія обязанности молчанія, реформаторіи стремятся сдѣлать это общеніе здоровымъ, такъ какъ видятъ въ немъ важное средство воспитанія. Поэтому здѣсь организованы клубы, научные кружки, литературныя общества, на собраніяхъ которыхъ обсуждаются также вопросы и политическаго характера (напримѣръ въ 1896 году обсуждался вопросъ о конфликтѣ съ Венецуеллой, затѣмъ о войнѣ съ Испаніей, о трестахъ въ 1900 году, о проектѣ закона, запрещающаго китайскую иммиграцію въ 1902 году, о стачкахъ, о социализмѣ и пр.). Отчеты о преніяхъ печатаются въ тюремныхъ газетахъ. Большое вниманіе обращено на библіотеки: нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ по нѣсколько тысячъ томовъ (въ Эльмирѣ 4000, въ Понтіакѣ—12,000 томовъ). Въ Эльмирѣ въ теченіе года выдается до 90,000 томовъ.

Съ 1890 г. въ Эльмирской реформаторіи открыто зданіе для такъ называемаго физическаго леченія арестантовъ. Часть этого зданія занята просторнымъ заломъ (80×100 фут.) для гимнастическихъ упражненій. Пространство у восточнаго конца зданія (40×80 фут.) предназначено для теплыхъ и горячихъ бань, имѣется бассейнъ для плаванія; здѣсь же находятся комнаты для леченія массажемъ. Это леченіе арестантовъ было начато докторомъ Вей, выбравшимъ наиболѣе отсталыхъ и

испорченныхъ, по мнѣнію администраціи, арестантовъ. Лечение ихъ массажемъ, душами и усиленное питаніе измѣнило къ лучшему ихъ поведеніе и привело къ успѣхамъ въ наукахъ; отчетъ заведенія констатировалъ перемѣну даже во внѣшности: грубое „бычачье“ выраженіе лица смѣнилось на болѣе одухотворенное и осмысленное.

Что касается дисциплинарныхъ наказаній, то въ большинствѣ реформаторій они сводятся къ лишенію арестанта особыхъ марокъ, дающихъ право на полученіе новыхъ льготъ, но примѣняются также карцеръ, ограниченіе пищи и даже тѣлесныя наказанія, которыя безусловно совершенно не вяжутся съ общей системой воспитанія въ этихъ заведеніяхъ. Авторъ спеціальной работы о разсматриваемыхъ нами тюрьмахъ, Херръ, указываетъ на возмутительные случаи примѣненія тѣлесныхъ наказаній, вызвавшихъ негодованіе въ обществѣ и повлекшихъ за собою назначеніе ревизіи.

Возрастъ осужденныхъ въ большинствѣ случаевъ молодой, такъ какъ реформаторіи обыкновенно принимаютъ къ себѣ лицъ не старше 30 лѣтъ, хотя встрѣчаются арестанты даже старше 60 лѣтъ. Наибольшая часть приговорена за кражу, но встрѣчаются осужденія и за наиболѣе тяжкія преступленія противъ личности и собственности.

Въ значительномъ большинствѣ случаевъ арестанты выпускаются условно изъ реформаторій раньше крайняго срока ихъ задержанія. Такъ изъ 12877 вышедшихъ изъ Эльмирской реформаторіи только десять процентовъ пробыли тамъ полный срокъ, болѣе 7⁰/₀ выходятъ по истеченіи года, около 21⁰/₀ выходятъ черезъ два года и столько же въ теченіе третьяго года задержанія; наконецъ, около 13.5⁰/₀ получаютъ условное освобожденіе лишь черезъ три года.

Къ сожалѣнію, американская статистика не даетъ возможности установить на сколько успѣшна дѣятельность реформаторій. Происходившій на нѣсколькихъ тюремныхъ конгрессахъ споръ о значеніи этихъ новыхъ начинаній закончился на Вашингтонскомъ конгрессѣ 1910 г., на которомъ была принята резолюція, благопріятная этому институту. Во всякомъ случаѣ мы отмѣчаемъ, что эти учрежденія находятся въ большемъ согласіи съ идеями новыхъ школъ въ уголовномъ правѣ, нежели тюрьмы: въ ихъ основѣ лежитъ мысль, что избавленіе отъ

преступности надо искать не въ наказаніи-возмездіи, а въ леченіи и исправленіи осужденнаго.

Борсталь-скія учрежденія. Изъ европейскихъ государствъ Англія прежде другихъ послѣдовала этому примѣру Америки и ввела у себя такъ называемыя *борстальскія учрежденія*, близко подходящія къ американскимъ реформаторіямъ. Первое такое учрежденіе было открыто въ Борстальской тюрьмѣ. Сюда присуждаются юные преступники 16—21 года. Министру юстиціи предоставлено право закономъ 1908 г. продлить возрастъ возможнаго присужденія въ эти тюрьмы до 23 лѣтъ. Въ настоящее время борстальскія учрежденія имѣются при всѣхъ тюрьмахъ и общее число присужденныхъ сюда въ 1908 г. достигло почти 9000 чел.

Англійскія реформаторіи для пьяницъ. Въ Англіи же закономъ 1898 г. были введено принудительное заточеніе алкоголиковъ по приговорамъ судовъ. Присужденіе въ реформаторіи для пьяницъ можетъ быть назначено въ качествѣ дополнительной мѣры послѣ отбытія наказанія въ тюрьмѣ или въ качествѣ самостоятельной мѣры за мелкія нарушенія. Срокъ заточенія опредѣляется въ приговорѣ, но возможенъ выходъ отсюда ранѣе срока вслѣдствіе условнаго освобожденія. Такимъ образомъ, эти учрежденія вызваны къ жизни признаніемъ пагубнаго значенія алкоголизма, какъ фактора преступности. Ихъ назначеніе — леченіе и изоляція лицъ, пьянство которыхъ дѣлаетъ ихъ опасными.

Тюрьмы для слабоумныхъ. Въ Англіи изъ общей массы отбывающихъ наказание лишеніемъ свободы въ каторжныхъ тюрьмахъ выдѣляются въ особую группу и сосредоточиваются въ тюрьмѣ Паркрустъ тѣ изъ нихъ, которые признаются тюремными врачами слабоумными. Въ тюрьмѣ Паркрустъ установленъ особый режимъ съ наиболѣе простыми работами, тщательнымъ медицинскимъ надзоромъ съ особымъ питаніемъ арестантовъ и съ специально подготовленнымъ персоналомъ надзирателей.

Тюремныя работы. Организація труда въ мѣстахъ заключенія прошлаго и даже настоящаго времени вызываетъ цѣлый рядъ критическихъ замѣчаній, такъ какъ въ ея основѣ лежитъ мысль не только исправленія арестанта посредствомъ труда, но и наказанія его возложеніемъ на него непосильной „каторжной“ работы. Такой взглядъ на трудъ является вполне понятнымъ при

рѣзкомъ разграниченіи современнаго общества на работодателей и работниковъ и при томъ взглядѣ, который имѣютъ на трудъ представители господствующихъ классовъ. Такъ какъ во многихъ случаяхъ свободный трудъ и тяжекъ и непріятенъ для рабочаго, то стремленіе сдѣлать изъ работы средство наказанія преступника привело правительства различныхъ странъ къ организаціи такихъ работъ, какъ верченіе колеса руками или цилиндра со ступенями ногами безъ всякаго результата труда, какъ подниманіе и опусканіе ядеръ или переносъ съ мѣста на мѣсто кучъ песка и пр.

Однако, громадное увеличеніе числа заключаемыхъ въ тюрьмы и связанное съ этимъ увеличеніе расходовъ на содержаніе мѣстъ заключенія съ одной стороны, и начавшееся стремленіе уменьшить преступность посредствомъ приспособленія арестанта къ условіямъ соціальной жизни привело къ улучшенію постановки тюремныхъ работъ. Занятіе арестанта продуктивнымъ трудомъ сокращаетъ расходы по его содержанію, а обученіе его какому нибудь ремеслу даетъ ему возможность получить заработокъ по выходѣ на свободу.

Постановка тюремнаго труда не одинакова въ различныхъ государствахъ и въ тюрьмахъ различнаго типа. Въ настоящее время работы обязательны не только въ каторжныхъ тюрьмахъ, но и вообще въ долгосрочныхъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ они ведутся даже въ краткосрочныхъ тюрьмахъ. Различаютъ двѣ системы организаціи тюремныхъ работъ: 1) подрядную и 2) хозяйственную. При подрядной системѣ населеніе мѣстъ заключенія отдается въ качествѣ рабочей силы подрядчикамъ, которые и эксплуатируютъ ее. При хозяйственной системѣ сама администрація тюрьмы выступаетъ въ роли организатора работъ и сбытчика продуктовъ труда.

Сторонники хозяйственной системы указываютъ, что она устраняетъ важный недостатокъ, неизбѣжный при подрядной системѣ: тюремная администрація остается одна хозяиномъ и въ тюрьму не входятъ лица, не имѣющія ничего общаго съ дѣломъ исправленія арестанта. Противники хозяйственной системы указываютъ, что администрація мѣстъ заключенія въ большинствѣ случаевъ не обладаетъ необходимыми техническими свѣдѣніями и не можетъ услѣдить за требованіями рынка. Несомнѣнно, что цѣли приспособленія преступника къ условіямъ

общежитія заставляють отдать преимущество хозяйственному способу веденія работъ, такъ какъ здѣсь становится возможной организація различныхъ занятій въ соотвѣтствіи со способностями заключеннаго и согласно его влеченію. Впрочемъ, стремленіе извлечь изъ труда арестантовъ возможно болѣе выгоды и сдѣлать изъ него элементъ репрессіи отодвигаетъ далеко назадъ цѣли исправленія во многихъ тюрьмахъ даже и при хозяйственномъ способѣ веденія работъ. Это замѣчаніе особенно справедливо по отношенію къ каторжнымъ работамъ въ Россіи. Вообще въ русскихъ тюрьмахъ организація труда вызываетъ много упрековъ: занятіе трудомъ распредѣлено по тюрьмамъ очень не равномерно; значительная часть тюремнаго населенія страдаетъ отъ недопущенія ея къ работамъ, другая отъ тяжести труда въ обстановкѣ, приводящей къ болѣзнямъ и преждевременной смерти. Работы раздѣляются на наружныя и внутреннія. Къ первымъ принадлежатъ добыча металловъ и минераловъ, строительныя, дорожныя, сельско-хозяйственныя, кирпичныя, нагрузочныя, ассенизаціонныя работы, лѣсныя заготовки и пр.; ко вторымъ: портняжныя, ткацкія, сапожныя, переплетныя, корзиночныя, деревообдѣлочныя и др. Въ иностранныхъ тюрьмахъ, особенно въ американскихъ реформаторіяхъ, развитъ машинный трудъ.

Согласно послѣдняго отчета русск. главн. тюремн. управл., въ 1910 году было около пятнадцати съ половиною милліоновъ рабочихъ дней и заработано 4.173.703 руб., изъ которыхъ на долю арестантовъ пришлось—1.117.402 руб. Доля арестанта въ заработанной суммѣ опредѣляется принадлежностью его къ той или другой категоріи осужденныхъ. Такъ, въ Россіи каторжане получаютъ одну десятую, заключенные въ исправительныя арестантскія отдѣленія—три десятыхъ и осужденные въ тюрьму—четыре десятыхъ. Въ Бельгіи эта доля—болѣе значительна; каторжане получаютъ $\frac{3}{10}$, арестанты исправительнаго дома— $\frac{4}{10}$ и заключенные въ тюрьму— $\frac{5}{10}$.

Тюремная дисциплина. Для понужденія арестантовъ исполнять правила внутреннего распорядка выработана въ тюрьмахъ система наградъ и наказаній. Награды состоятъ въ предоставленіи различныхъ льготъ относительно права свиданій, переписки, расходованія своихъ денегъ на улучшеніе пищи, пользованія библіотекою и пр. Дисциплинарныя наказанія, примѣняемые лица-

ми тюремной администраціи единолично или съ разрѣшенія высшаго начальства и въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ утвержде- нія особыхъ наблюдательныхъ органовъ, состоятъ въ ограниче- ніи и въ полномъ лишеніи указанныхъ льготъ и въ примѣне- ніи цѣлаго ряда другихъ мѣръ, какъ на примѣръ, ограниченіе пищи хлѣбомъ и водою, заключеніе въ свѣтлый или темный карцеръ, наказаніе розгами или плетью, заключеніе въ оковы, приковываніе къ стѣнѣ, надѣваніе смирительной рубашки, по- мѣщеніе въ дисциплинарное зало и др. Всѣ эти наказанія при- мѣняются и въ наши дни и нѣкоторыя изъ нихъ въ очень большихъ размѣрахъ. Такъ, на примѣръ, въ 1907 году въ кар- церахъ бельгійскихъ тюремъ было проведено наказанными свы- ше 18.000 сутокъ, т. е. почти пятьдесятъ лѣтъ; во Франціи на каждую сотню заключенныхъ мужчинъ приходилось въ 1909 г. 476 дисциплинарныхъ наказаній и 110 наказаній на каждую сотню заключенныхъ женщинъ. Отчеты русск. главн. тюремн. управл. не публикуютъ свѣдѣній о дисциплинарныхъ наказані- яхъ, примѣненныхъ къ арестантамъ.

**Оцѣнка тю-
ремнаго за-
ключенія.** Цѣлью современнаго тюремнаго заключенія явля- ется исправленіе преступника. Увеличеніе числа пре- ступленій и ростъ повторной преступности доказываютъ, что эта цѣль остается не достигнутою.

Въ значительномъ большинствѣ случаевъ населеніе мѣстъ заключенія составляется изъ краткосрочныхъ арестантовъ. Такъ, на примѣръ, въ 1908 году французскіе исправительные суды приговорили къ наказаніямъ лишеніемъ свободы 112.327 че- ловѣкъ и около 80% изъ нихъ или 90.786 чел. на срокъ ме- нѣе трехъ мѣсяцевъ и 9.967 чел., въ томъ числѣ, на срокъ ме- нѣе 6 дней; полицейскими судами было приговорено 42.100 чел. на сроки въ общемъ еще болѣе краткіе; въ Англіи въ 1903—1904 г.г. изъ 189.740 заключенныхъ въ тюрьму 121889 чел. были приговорены туда на срокъ менѣе 14 дней; въ Гер- маніи, по вычисленію проф. Хейльборна, въ теченіе, одного 1889 г. было назначено въ общей сложности 28.000 лѣтъ ка- торжной тюрьмы и 41.000 лѣтъ простой тюрьмы и въ томъ числѣ 13.000 лѣтъ составились изъ приговоровъ на срокъ ме- нѣе 3 мѣсяцевъ и 11.000 лѣтъ изъ приговоровъ на время даже менѣе шести недѣль; въ 1909 г. 152.372 чел. были приговорены въ тюрьму въ Германіи на срокъ менѣе 30 дней; средній срокъ

тюремного заключенія въ Россіи около полутора мѣсяц., но сюда не входятъ приговоры къ аресту; въ Бельгіи въ 1900 году исправительными судами присуждено къ тюрьмѣ на срокъ менѣе одного мѣсяца — 7.306 чел., на срокъ отъ одного мѣсяца до 6 мѣс. — 6.909 чел. и на время болѣе 6 мѣс. было приговорено — 2.092 чел. Уже сама краткость срока заключенія не позволяетъ надѣяться на исправленіе арестанта. Однако, этотъ краткій срокъ часто достаточенъ, чтобы тюрьма развратила арестанта.

Въ режимѣ современной тюрьмы мы находимъ слишкомъ много такихъ сторонъ, которыя не только не содѣйствуютъ исправленію заключеннаго, но даже озлобляютъ его или дѣлаютъ еще болѣе упорнымъ нарушителемъ предписаній уголовныхъ кодексовъ.

Персоналъ тюремной администраціи набирается изъ лицъ совершенно неподготовленныхъ къ благотворному вліянію на арестанта: надзиратели вербуются изъ отставныхъ нижнихъ чиновъ, а среди начальниковъ тюремъ очень мало не только теоретически знакомыхъ съ тюремнымъ дѣломъ, но и вообще образованныхъ людей. Такъ, по словамъ д-ра Лобаса, при немъ начальниками сахалинскихъ тюремъ были два бывшихъ военныхъ фельдшера, одинъ бывшій становой, двое бывшихъ канцелярскихъ служителей и одинъ изъ мелкихъ тюремныхъ забайкальскихъ чиновниковъ.

Вниманіе арестанта направляется съ перваго дня его прибытія въ тюрьму не на лучшее для него будущее, но на его прошлое и на напоминаніе ему его приниженнаго положенія, какъ преступника. Въ Германскихъ тюрьмахъ въ камерѣ арестантовъ надъ столикомъ висятъ дощечки съ надписями названія совершеннаго ими преступленія. Костюмы, въ которые одѣваютъ осужденныхъ, должны постоянно напоминать имъ, что они „отверженные“; матерія, изъ которой шьютъ арестантское платье, всегда сильно отличается по внѣшнему виду отъ употребляемой въ странѣ, а въ нѣкоторыхъ заграничныхъ карательныхъ заведеніяхъ куртка и брюки арестанта шьются изъ ткани съ широкими полосами разнаго цвѣта. Обязанность надѣвать маски, ношеніе кандаловъ, обязательное обращеніе надзирателя къ заключенному на „ты“ (въ русскихъ тюрьмахъ), оскорбляющія человеческое достоинство тѣлесныя наказанія, дисциплинарныя залы,

отнимающіе здоровье и душевное равновѣсіе темные карцеры съ уменьшеніемъ пищи, доведеннымъ до размѣровъ, опасныхъ для жизни, невозможность найти защиту противъ несправедливаго отношенія—все это, конечно, не служитъ къ исправленію попавшихъ въ мѣста заключенія. Ограниченіе права переписки и свиданій и даже полное запрещеніе ихъ заставляютъ арестанта чувствовать себя оторваннымъ отъ близкихъ людей и родныхъ и приводятъ къ ослабленію узъ дружбы и родства, вмѣсто необходимаго ихъ укрѣпленія.

Психологія заключеннаго. У заключенныхъ въ общую и одиночную тюрьму вырабатывается своя особая психологія, одинаково не отвѣчающая цѣлямъ исправленія преступника. Мы считаемъ большою ошибкою тюрьмовѣдовъ, что они игнорируютъ важный вопросъ о вліяніи тюрьмы на душевное настроеніе, на волю и направленіе мысли арестанта: въ заботахъ о внѣшности тюрьмы, забыли, что она населена мыслящими и чувствующими существами. Исключеніями являются работы Гесса, Вильманса, Ауера, Іегера, Штеда и нѣкоторыхъ другихъ авторовъ, пытавшихся выяснить отношеніе къ наказанію самихъ наказуемыхъ: они могли воспользоваться опубликованными записками осужденныхъ, тюремными пѣснями, пословицами и жаргономъ тюрьмы. „Ужасное своей пустотою, сѣрое, какъ туманный и холодный ноябрьскій вечеръ, съ умысломъ лишенное всего, что дѣлаетъ жизнь свѣтлою и солнечною, тянется существованіе заключеннаго. Изъ дня въ день то же горе, тѣ же печальныя и усталыя лица кругомъ, тѣ же физическія, умственныя и душевныя лишенія. Однѣ только голыя стѣны, недостигаемое окно съ непрозрачными стеклами, звяканье ключей, начальственные окрики надзирателей и подневольная, не доставляющая большею частью никакого удовлетворенія работа“. Такъ описываетъ одинъ авторъ тюремныя впечатлѣнія. Какъ не низко развитіе большинства арестантовъ, ихъ умъ ищетъ работы и хотя какого нибудь разнообразія и поэтому находящійся въ одиночной камерѣ начинаетъ производить подсчеты числа шаговъ, которые онъ дѣлаетъ по камерѣ въ минуту, въ часъ, въ день, въ недѣлю, въ мѣсяцъ, въ годы; онъ опредѣляетъ сколько дней и часовъ онъ провелъ въ тюрьмѣ и сколько ему осталось провести здѣсь; онъ, не смотря на запрещенія, пишетъ свои изрѣченія на корешкахъ давно прочтенной книги изъ тю-

ремной библиотеки или даже на стѣнахъ своей одиночной камеры; старается угадать по шагамъ, который изъ надзирателей проходитъ корридормъ; пытается посредствомъ переступиванія и при помощи изошреннаго слуха завязать сношенія съ сосѣдомъ. По ночамъ его мучать безсонница или тяжелые сны.

Тюрьмовѣды совершенно ошибочно игнорируютъ важный матеріалъ, въ видѣ тюремныхъ воспоминаній, описаній заключенными въ прозѣ и въ стихахъ ихъ впечатлѣній. Одинъ изъ такихъ интеллигентныхъ арестантовъ, описавшій свое пребываніе въ нѣмецкой одиночной тюрьмѣ, наблюдательно отмѣтилъ: „дни и недѣли не получаешь изъ внѣшняго міра никакого другого впечатлѣнія, кромѣ небольшого числа незначительныхъ и чисто механическихъ явленій, повторяющихся ежедневно въ одно и то же время... Изолированное сознаніе у большинства заключенныхъ остается въ состояніи изголоданія. Часть изолированныхъ впадаетъ въ апатію, доходящую до тупоумія... Можно опредѣлить три различныхъ направленія воздѣйствія тюрьмы: по одиночкѣ или всѣ вмѣстѣ въ одномъ лицѣ, смотря по индивидуальности: необыкновенное повышеніе жизни чувства и эстетическихъ способностей, какъ созерцательныхъ, такъ и творческихъ; переходъ сознанія къ самосознанію и острая объективация умственной дѣятельности у интеллигентныхъ заключенныхъ; наконецъ, стремленіе къ дѣятельности и внѣшнему проявленію, напряженіе воли, энергіи, какъ слѣдствіе возбужденія чувства и разума. Только при такихъ природныхъ данныхъ, когда рядомъ съ чувствомъ, сильно развиты и представлены два другихъ направленія личности, возможно избѣжать крайней односторонности этого воздѣйствія одиночества“. (Лейссъ въ исправ. тюрьмѣ. Перев. 182—183 стр.).

Особенности душевнаго состоянія заключенныхъ въ тюрьмы ведутъ къ учащенію самоубійствъ арестантовъ (см. ст. Прозорова. „Самоубійства въ тюрьмахъ и около тюремъ“. Журн. Мециц. Обозр. 1908 г. № 12).

При долгихъ срокахъ, проведенныхъ въ одиночныхъ камерахъ, наступаетъ упадокъ жизненной энергіи; арестантъ превращается въ живой трупъ, потому что „его тѣло ослаблено, душа его опустошена, воля его сокрушена“. Изъ тюрьмы вы-

пускаютъ заключеннаго еще болѣе неспособнымъ къ борьбѣ, чѣмъ какимъ онъ вошелъ туда.

Если одиночное заключеніе убиваетъ главнымъ образомъ всякую энергію въ человѣкѣ, то общее заключеніе совершенно загрязняетъ его душу. Въ русскихъ тюрьмахъ арестанты разнообразятъ свое пребываніе тамъ играми въ родѣ устраиваемыхъ ими бѣговъ вшей, „бекасиной охоты“, т. е. особымъ торжественнымъ истребленіемъ клоповъ, „свадьбы“, полной разнузданнаго противоестественнаго разврата и пр. О такомъ же времяпровожденіи говорятъ также арестанты иностранныхъ тюремъ: „мерзости, совершающіяся здѣсь на словахъ и на дѣлѣ въ половой сферѣ, превосходятъ всякое воображеніе: нѣтъ ничего безстыднаго, низкаго, естественно и противоестественно развратнаго, чего не происходило бы здѣсь и наглядно не проповѣдывалось“.

Наибольшимъ уваженіемъ здѣсь пользуются тѣ, которые имѣютъ за собою наиболѣе тяжелую судимость и которые наиболѣе низко стоятъ въ нравственномъ отношеніи: они являются хозяевами положенія и руководителями остальныхъ. Добросердечіе, мягкость здѣсь презираются. Одинъ изъ бывшихъ арестантовъ-корреспондентовъ названнаго нами ранѣе Іегера, описывая отвратительную обстановку общей тюремной камеры, сообщалъ ему о слѣдующемъ характерномъ случаѣ: одинъ изъ впервые осужденныхъ молодой заключенный получилъ письмо отъ матери и, радостный, подѣлился его содержаніемъ съ остальными; тогда начались циничныя насмѣшки надъ его матерью и по ея адресу высказывались непередаваемые гнусности; оскорбленный въ своихъ лучшихъ чувствахъ сынъ бросился на обидчиковъ и былъ посаженъ въ карцеръ на недѣлю.

Слова тюремнаго жаргона показываютъ характеръ жизни въ тюрьмѣ, многія изъ нихъ относятся къ области противоестественнаго разврата (маргаритка-пассивный педерастъ, балда-активный педерастъ и т. д.). Сами арестанты зовутъ тюрьму училищемъ; такое названіе свидѣтельствуетъ о своеобразномъ воспитательномъ значеніи мѣстъ заключенія: отсюда выходятъ съ клеймомъ арестанта, развращенные, физически истощенные, озлобленные, наученные скорѣе профессіи преступника, нежели какому-нибудь ремеслу. Вопросъ о новомъ преступленіи становится для большинства изъ нихъ лишь вопросомъ времени.

Проф. Листъ приводитъ слѣдующую статистическую таблицу, изъ которой видно развращающее вліяніе современной репрессіи.

Приростъ населенія въ Германіи	15.8%
Увеличеніе числа преступниковъ	38.5%
Увеличеніе числа осужденныхъ впервые	13.0%
Увеличеніе числа уже разъ наказанныхъ	85.0%
Увеличеніе числа два раза наказанныхъ	98.0%
Увеличеніе числа 3—5 разъ наказанныхъ	132.0%
Увеличеніе числа 6 разъ и болѣе наказанныхъ	277.0%

Эта таблица показываетъ, что примѣненіе наказанія и въ томъ числѣ наиболѣе часто назначаемой тюрьмы ведетъ къ новой преступности; чѣмъ большее число разъ было примѣнено карательное исправленіе, тѣмъ болѣе вѣроятности совершенія новаго преступленія. Отрицательные результаты, достигнутые тюрьмами, заставляютъ криминалистовъ думать не только о реформѣ тюремнаго дѣла, но и о борьбѣ съ наказаніемъ лишеніемъ свободы. Чтобы парализовать дурное вліяніе тюрьмы — создали институтъ патроната; въ стремленіи освободить отъ растлѣвающей обстановки тюрьмы подающихъ надежду на лучшее будущее — ввели почти повсемѣстно институтъ условнаго освобожденія; но наиболѣе чувствительный ударъ тюремному заключенію нанесли институтомъ условнаго осужденія, посредствомъ котораго было сокращено число лицъ, вступающихъ въ тюрьмы. Несомнѣнно, что дальнѣйшая исторія тюрьмы будетъ итти къ постепенному превращенію ея изъ мѣста наказанія въ мѣсто соціальнаго обезвреженія, безъ ея тяжелыхъ современныхъ придатковъ, оскорбляющихъ личность осужденнаго.

Литература: *Гогель С. К.* Вопросы уголовного права, процесса и тюремовѣдѣнія С. Пб. 1906 г. *Гольцендорфъ:* Ирландская тюремная система. Перев. подъ ред. Ламанскаго. С Пб. 1864 г. *Исаевъ:* Шведскія тюрьмы. Журн. Угол. права и проц. 1912 г. № 1. *И. Люблинскій:* Очерки уголовного суда и наказанія въ современной Англіи. С. Пб. 1911 г. *Піотковскій А. А.:* Тюремовѣдѣніе, его предметъ, содержаніе, задачи и значеніе. О 1892 г. *Ею-же:* Исправительно-воспитательные институты въ С. Америкѣ. 1897 г. *Стевенсъ:* Одиночныя тюрьмы въ Бельгій. 2-ое изд. Переводъ съ франц. М. 1903 г. *И. Я. Фойницкій:* Ученіе о наказаніи въ связи съ тюремовѣдѣніемъ. С. Пб. 1889 г.

Тюремный патронатъ.

Патронатъ. Подъ именемъ тюремнаго патроната извѣстно оказаніе помощи выходящимъ изъ мѣстъ заключенія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ также и находящимся въ тюрьмахъ.

Оказаніе помощи заключеннымъ, какъ дѣло человеколюбія, извѣстно съ очень давняго времени. Оно было требованіемъ христіанской морали первыхъ вѣковъ христіанства. Наоборотъ, помощь выходящимъ изъ мѣстъ заключенія развилась всего около ста лѣтъ тому назадъ и во многихъ государствахъ находится и теперь въ зачаточномъ состояніи. Хотя существующія организаціи и носятъ названія обществъ покровительства выходящимъ изъ тюремъ (напримѣръ, Рыбинское общество христіанскаго попеченія о лицахъ, подвергавшихся тюремному заключенію, общество покровительства лицамъ протестантскаго вѣроисповѣданія, освобожденнымъ изъ тюремъ), но въ дѣйствительности имѣютъ своею цѣлью защитить общество отъ повторной преступности. Они стремятся бороться съ тѣмъ зломъ, которое часто несетъ за собою пребываніе въ тюрьмѣ. Общеніе преступныхъ элементовъ между собою ведетъ къ укрѣпленію въ нихъ наклонности къ преступленію; если на отбывшихъ наказаніе не накладывается, какъ ранѣе, клейма раскаленнымъ желѣзомъ, то фактъ пребыванія въ тюрьмѣ, получающій огласку, влечетъ за собою тяжелыя послѣдствія и среди нихъ, прежде всего, затрудненія по пріисканію занятій, а слѣдовательно и средствъ къ жизни. Къ бывшему преступнику всегда остается недовѣріе и опасеніе сдѣлаться жертвою его новаго преступленія. Несомнѣнно, что пребываніе въ тюрьмѣ дѣйствуетъ часто разрушительно на душевное и физическое здоровье. Не удивительно, что при господствующей конкуренціи въ области предложенія труда, бывший арестантъ остается побѣжденнымъ и тогда передъ нимъ встаетъ вопросъ жить въ нуждѣ или совершить преступленіе. Общества патроната ставятъ своею задачею удержать отъ рецидива предоставленіемъ освобожденнымъ временнаго жилища, заработка, пищи, одежды, возможности переезда въ другую мѣстность и пр. Но ихъ дѣятельность заранѣе обречена на безуспѣшность: съ одной стороны, слишкомъ велико число тѣхъ, кого деклассируетъ тюрьма; отъ общества требуются такія громадныя средства, которыми оно не можетъ

располагать; а съ другой стороны, нѣкоторыя особенно дурныя послѣдствія тюремнаго заключенія уже не поддаются исправленію: таковы, напримѣръ, недовѣріе къ отбывшему наказанію и часто являющееся у него отсутствіе энергіи.

**Отрицатель-
ныя черты
дѣятель-
ности патро-
ната.** Помимо этого, въ организаціи обществъ попеченія мы встрѣчаемъ серьезные недостатки, къ числу которыхъ относятся бюрократическій или аристократическій составъ членовъ и черты ханжества и религіозной нетерпимости въ ихъ дѣятельности. Въ уставахъ нѣкоторыхъ обществъ встрѣчаемъ параграфы, допускающіе оказаніе помощи лишь лицамъ опредѣленнаго вѣроисповѣданія и, такимъ образомъ, первый вопросъ, который предлагается обращающемуся за помощью, относится къ его вѣроисповѣданію. Одно изъ наиболѣе старыхъ и извѣстныхъ парижскихъ обществъ патроната, состоящее при тюрьмѣ св. Лазаря, прежде чѣмъ притти на помощь къ выходящей на свободу женщинѣ, отсылаетъ двумъ состоящимъ при обществѣ графологамъ образчикъ почерка заключенной, и графологи стараются опредѣлить заслуживаетъ ли вниманія арестантка или ей, какъ безнадежной, слѣдуетъ отказать. Неудивительно, что при такой постановкѣ дѣла, оно не можетъ привести къ желательнымъ результатамъ. Въ дѣятельности англійской „Добровольной тюремной лиги“, насчитывающей большое число членовъ, бросается въ глаза внѣшняя обрядовая сторона, выливающаяся иногда въ смѣшныя формы. Такъ, каждый новый членъ лиги даетъ обязательство съ помощью Бога аккуратно читать особую книгу съ поученіями, спеціально написанную для членовъ лиги. Черезъ нѣкоторое время онъ получаетъ бѣлый флагъ съ надписью „Сами работайте надъ своимъ спасеніемъ“. Предсѣдательницу и основательницу общества, г-жу Бутсъ, заключенные неизмѣнно зовутъ матушкою и пр.

**Статистика
обществъ
патроната.** Общества патроната развивались далеко не съ тою быстротою, какъ возросло число тюремъ. Такъ, согласно подсчета г. Малинина, въ Даніи первое общество попеченія о выходящихъ изъ мѣстъ заключенія возникло въ 1797 г. и къ 1906 г. такихъ обществъ было всего десять, при томъ три изъ нихъ занимались патронированіемъ заключеннымъ лишь между прочимъ. Въ Англіи первое общество патроната возникло въ 1802 г. и къ 1906 г. насчитывалось до

150 специальныхъ обществъ, не считая благотворительныхъ обществъ, помогающихъ, между прочимъ и выходящимъ изъ тюремъ. Во Франціи въ 1810 г. были учреждены при тюрьмахъ особые благотворительные совѣты, преобразованные въ 1819 г. въ комиссіи по надзору: на нихъ лежала обязанность заботиться о нравственности осужденныхъ. Но эти официальные учрежденія работали очень мало. Первые частныя общества патроната возникли въ 1833 г. для покровительства юнымъ заключеннымъ департамента Сены и въ 1836 г. для обвиняемыхъ въ департаментѣ Сены, оправданныхъ по суду. Теперь такихъ обществъ свыше ста. Въ Швейцаріи первое общество возникло въ 1818 г. и къ 1906 г. такихъ обществъ было 15. Въ Италіи ихъ насчитывается—28, въ Австріи—12, въ Венгріи—22, въ Германіи—нѣсколько сотъ, въ Японіи—до 40 и т. д.

Въ Россіи первое общество покровительства заключеннымъ и выходящимъ изъ тюремъ было учреждено въ 1819 г. Его дѣятельность была направлена, главнымъ образомъ, на улучшение тюремъ. Но въ 1851 г. уставъ былъ рѣзко измѣненъ въ сторону умаленія выборнаго начала и правъ общества, въ составъ членовъ введены должностныя лица и общество приняло по составу членовъ характеръ бюрократическій, съ запрещеніемъ крестьянамъ заниматься этимъ видомъ благотворительности, такъ какъ членами общества могли быть лица „благороднаго, духовнаго и купеческаго званія“. Позднѣйшія узаконенія постепенно ограничивали область дѣятельности общества, пока въ 1893 г. въ С.-Петербургѣ и въ 1895 г. въ Москвѣ не были закрыты комитеты попечительнаго общества и вмѣсто нихъ открыты благотворительно-тюремные комитеты, существующіе до настоящаго времени, съ утверждаемыми государемъ, по представленію министра юстиціи, предсѣдателями и аристократическимъ составомъ членовъ. За послѣднее время, впрочемъ, во многихъ городахъ открылись частныя общества патроната. Изъ отчета главнаго тюремнаго управленія за 1910 г. видно, что изъ 52 обществъ патроната и благотворительно-тюремныхъ комитетовъ 32 общества возникли только въ 1909 и 1910 г.г. (кромѣ того, числится еще 86 обществъ и учрежденій патроната, которыя не прислали своихъ отчетовъ за 1910 г.).

Насколько ничтожна по размѣрамъ дѣятельность этихъ обществъ, видно, между прочимъ, изъ того, что въ теченіи 1910 г.

тридцатью девятью обществами было помещено на мѣста въ услуженіе и на разныя работы всего 428 чел., квартиры и углы были наняты всего 38 чел., 124 лицамъ предоставлены даровыя обѣды. Эти цифры становятся особенно ничтожными въ сравненіи съ миллиономъ лицъ, проходящихъ ежегодно черезъ русскія мѣста заключенія. Печальное состояніе дѣла помощи выходящей изъ мѣстъ заключенія въ Россіи, народъ которой относится къ арестанту съ большою гуманностью, видя въ немъ прежде всего „несчастливаго“, объясняется стѣсненіемъ общественной инициативы, запрещеніемъ членамъ патроната проникать въ тюрьмы и бюрократическимъ составомъ благотворительно-тюремныхъ комитетовъ, а отчасти и обществъ патроната.

Въ качествѣ общаго итога разсмотрѣнія значенія дѣятельности обществъ патроната, слѣдуетъ признать, что она не можетъ служить коррективомъ тюремнаго заключенія. Если общество хочетъ принять участіе въ борьбѣ съ преступностью, оно должно направить свои усилія не на исправленіе зла, причиненнаго тюремнымъ заключеніемъ, а на предупрежденіе преступленій. Общественная роль патроната ничтожна: она сводится лишь къ благотворительности отдѣльнымъ лицамъ и въ отдѣльных случаяхъ.

Литература: *Малининъ*. Роль общества въ борьбѣ съ преступностью. (Тюремный патронатъ). С. Пб. 1906 г. *Гоцель*: Роль общества въ дѣлѣ борьбы съ преступностью. 1906 г.

Условное освобожденіе.

Условное
освобожденіе.

При господствѣ системы устрашенія и взглядѣ на наказаніе какъ на средство возмездія, освобожденіе отъ наказанія могло быть только исключительной мѣрой въ порядкѣ помилованія верховною властью. При господствѣ теперь системы исправленія преступника возникаетъ вопросъ о продолжительности наказанія лишеніемъ свободы.

При современномъ состояніи дѣла отправленія уголовной юстиціи, когда ни предварительное, ни судебное слѣдствіе не собираютъ, за самыми рѣдкими исключеніями, свѣдѣній о личности преступника, судъ не можетъ опредѣлить того срока, который необходимъ для исправленія осужденнаго и послѣдній остается въ тюрьмѣ даже послѣ признанія его исправившимся.

Доктрина уголовного права, идя на встрѣчу этимъ сознаніямъ,

нымъ потребностямъ, создала институтъ условнаго освобожденія. Сущность его сводится къ слѣдующему. Заключение въ тюрьму, въ случаѣ признанія его исправившимся, отпускается послѣ отбытія опредѣленнаго минимума наказанія на свободу, подѣ условіемъ соблюденія предписанныхъ ему правилъ поведенія; при несоблюденіи принятыхъ на себя обязательствъ условно освобожденный подлежитъ возвращенію въ тюрьму для отбытія оставшагося срока заключенія.

Изъ европейскихъ государствъ освобожденіе отъ наказанія ранѣе и стеченія всего назначеннаго судомъ срока было примѣнено прежде другихъ странъ Англіею въ періодъ австралійской ссылки, въ цѣляхъ большей успѣшности колонизаціи страны. Къ сороковымъ годамъ XIX вѣка, съ расширеніемъ въ Англіи наказанія каторжными работами, условное освобожденіе вошло въ систему и давалось въ видѣ отпусковъ. Отъ условно отпущеннаго бралось обязательство не совершать нарушеній закона, не вести знакомствъ съ предосудительными личностями, жить трудомъ, сообщать полиціи свой адресъ и давать о себѣ періодическія свѣдѣнія. Успѣхи этой мѣры побудили англійское правительство къ изданію 21 авг. 1907 г. закона объ условномъ освобожденіи, устанавливающаго болѣе широкое его примѣненіе.

Въ настоящее время условное освобожденіе введено почти во всѣхъ государствахъ. Различія въ его постановкѣ мало существенны. Такъ, въ Германіи, условное освобожденіе можетъ быть примѣнено къ приговореннымъ въ каторжную и простую тюрьму на срокъ болѣе одного года послѣ отбытія $\frac{3}{4}$ наказанія. Во Франціи зак. 14 авг. 1885 г. установилъ широкіе размѣры примѣненія условнаго освобожденія къ лицамъ обоюдо пола, независимо отъ ихъ возраста и національности и безъ обращенія вниманія на свойство совершеннаго дѣянія, если срокъ наказанія превышаетъ три мѣсяца. Рецидивисты не изъяты отъ дѣйствія этого закона, но для нихъ продленъ срокъ обязательнаго пребыванія въ тюрьмѣ до $\frac{2}{3}$, вмѣсто обычной $\frac{1}{2}$ срока, назначеннаго въ приговорѣ. Даже приговоренные къ релегации могутъ получить условное разрѣшеніе остаться во Франціи, но испытательный періодъ продолженъ для нихъ до 10 лѣтъ, со дня отбытія наказанія лишеніемъ свободы. Ходатайствовать объ условномъ освобожденіи можетъ самъ заключенный,

начальство тюрьмы, и др. Разрѣшеніе просьбъ зависитъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ; отъ него же зависитъ и обратное возвращеніе въ тюрьму. Изъ послѣдняго отчета видно, что условное освобожденіе было примѣнено къ 15% вышедшихъ изъ долгосрочныхъ тюремъ Франціи и къ 0.2% вышедшихъ изъ краткосрочныхъ тюремъ (всего къ 898 лицамъ).

Условное освобожденіе въ Россіи. Въ Россіи условное досрочное освобожденіе введено лишь закономъ 22 іюня 1909 г. и въ узкихъ размѣрахъ. Согласно первой статьи этого закона, оно можетъ быть примѣнено къ приговореннымъ къ заключенію въ тюрьмѣ, въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи или въ исправительномъ домѣ по отбытіи ими не менѣе трехъ четвертей срока наказанія, при условіи, если они пробыли въ мѣстѣ наказанія не менѣе шести мѣсяцевъ. Условное освобожденіе не примѣняется къ осужденнымъ за конокрадство и къ тѣмъ, которые послѣ отбытія наказанія подлежатъ ссылкѣ на поселеніе или водвореніе. Вопросъ объ условномъ освобожденіи можетъ быть возбужденъ лицами прокурорскаго надзора, начальникомъ мѣста заключенія, членами мѣстныхъ обществъ патроната, тюремнымъ врачомъ и состоящимъ при мѣстѣ заключенія духовнымъ лицомъ. Поднятый вопросъ обсуждается въ особомъ совѣщаніи. Составъ этого совѣщанія почти исключительно изъ чиновниковъ тюремнаго вѣдомства, полиціи, прокурорскаго надзора; присутствіе по крайней мѣрѣ одного члена общества патроната обязательно. Постановленія совѣщанія мотивируются. Если особое совѣщаніе рѣшило удовлетворить ходатайство объ условномъ освобожденіи, такое постановленіе нуждается въ утвержденіи окружного суда, послѣ чего немедленно приводится въ исполненіе. Досрочно освобожденный передается на весь неотбытый срокъ подъ наблюденіе общества патроната, или мѣстнаго судьи или земскаго начальника. Освобожденный стѣсненъ въ свободѣ передвиженія. Условное освобожденіе прерывается, если обвиняемый приговоренъ вступившимъ въ законную силу приговоромъ къ наказанію выше ареста, но оно можетъ быть отмѣнено и въ другихъ случаяхъ неисполненія освобожденнымъ принятыхъ на себя условій поведенія. Обратное возвращеніе зависитъ отъ окружного суда.

Въ теоріи значительное большинство криминалистовъ является сторонниками рассматриваемаго нами института. Доводы

за условное освобождение и противъ него были повторены при его обсужденіи въ Государственной Думѣ. Здѣсь крайніе правые голосовали противъ него, видя въ немъ уступку противникамъ карательной борьбы съ преступностью по принципу возмездія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, указывалось и не безъ основанія, что на практикѣ условное освобождение будетъ зависѣть отъ низшихъ тюремныхъ надзирателей, у которыхъ всегда есть возможность дать неблагопріятныя свѣдѣнія о поведеніи того или другого арестанта. Сторонниками условнаго освобожденія указывалось на неправильное исключеніе возможности его примѣненія къ заключеннымъ въ крѣпость, т. е. за преступленія, совершаемыя обыкновенно не по низменнымъ мотивамъ. Отсутствіе обществъ патроната, стѣсненіе ихъ членовъ въ правѣ посѣщенія арестантовъ, бюрократическій составъ особыхъ совѣщаній приводятъ къ тому, что условное освобождение примѣняется въ Россіи въ очень небольшихъ размѣрахъ. Изъ смѣты Главн. Тюрем. Управл. на 1913 г. видно, что условное освобождение было примѣнено въ 1910 г. только къ 12356 чел. и въ 1911 г. къ 14040 лицамъ. Это составляетъ менѣе одного процента къ общему числу арестантовъ.

Литература: *Піонниковскій*. Условное освобождение. Угол. — полит. изслѣдованіе. Каз. 1900 г.

Условное осужденіе.

Условное осужденіе. Если условное освобождение приводитъ къ сокращенію сроковъ тюремнаго заключенія осужденныхъ, то условное осужденіе вполнѣ освобождаетъ отъ растлѣвающаго вліянія тюрьмы нѣкоторыя категоріи преступниковъ. Криминалисты отводятъ этому институту мѣсто въ наукѣ уголовного права въ отдѣлѣ ученія объ измѣненіи наказанія. Мы же рассматриваемъ его вслѣдъ за патронатомъ и условнымъ освобожденіемъ потому, что видимъ его главное назначеніе въ борьбѣ съ тюремнымъ заключеніемъ.

Подъ условнымъ осужденіемъ извѣстенъ новый институтъ, получившій распространеніе лишь въ концѣ 19 вѣка и характеризующійся тѣмъ, что преступникъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ его поведенія, не подлежитъ наказанію за совершенное имъ преступленіе.

Вниманіе общества и законодательствъ было обращено на

условное осужденіе лишь послѣ тѣхъ опытовъ, которые были произведены въ Америкѣ въ штатѣ Массачузетсѣ. Въ 1869 г. здѣсь были учреждены должности особыхъ правительственныхъ агентовъ, на обязанности которыхъ лежало наблюдать за малолѣтними обвиняемыми, выяснять причины, побудившія ихъ на преступленіе и ходатайствовать передъ судомъ объ отпускѣ малолѣтняго къ нимъ на испытаніе въ теченіе опредѣленнаго времени. Въ случаѣ плохого поведенія отпущеннаго на испытаніе, онъ снова доставлялся въ судъ и приговаривался къ отдачѣ въ исправительное заведеніе или въ тюрьму. Благопріятные результаты новой мѣры привели къ мысли распространенію ея на взрослыхъ (зак. 1878 и 1880 г. г.).

Постепенно условное осужденіе проникаетъ въ законодательства другихъ штатовъ и государствъ Америки, Австраліи и Европы. Въ усвоенныхъ законодательствами системахъ наблюдается нѣкоторое различіе. Такъ, въ Англіи (зак. 1879 и 1887 г. г. 7 авг.) принятъ особый порядокъ: суды имѣютъ право, признавъ обвиняемаго виновнымъ въ преступленіи, влекущемъ за собою наказаніе не свыше двухъ лѣтъ тюрьмы, вмѣсто назначенія слѣдуемаго ему наказанія, отпустить его на испытаніе, если онъ не былъ осужденъ ранѣе. Въ теченіе испытательнаго періода онъ долженъ, подѣ извѣстнымъ поручительствомъ или безъ него, соблюдать опредѣленные правила поведенія.

Въ Бельгіи условное осужденіе поставлено нѣсколько иначе: согласно закона 31 мая 1888 г., судъ можетъ отсрочить назначенное имъ наказаніе на время не свыше пяти лѣтъ, если обвиняемый приговаривается къ тюрьмѣ на срокъ не свыше 6 мѣс. и не былъ ранѣе осужденъ за преступленіе или проступокъ. Если въ теченіе срока, указаннаго судомъ въ его мотивированномъ приговорѣ, осужденный не будетъ снова признанъ виновнымъ въ преступленіи или проступкѣ, то первое осужденіе будетъ считаться какъ бы не бывшимъ. Наоборотъ, въ случаѣ присужденія вновь къ наказанію, послѣднее отбывается независимо отъ назначеннаго ранѣе, которое также должно быть отбыто.

Таковъ же въ общихъ чертахъ законъ 1891 г. во Франціи.

Особенностью рассматриваемаго нами института въ Италіи, введеннаго тамъ закономъ 26 іюня 1904 г., является соединеніе предоставляемой условной отсрочки наказанія со строгимъ

предостереженіемъ осужденному. Испытательный періодъ не можетъ быть выше пяти лѣтъ. Судъ имѣетъ право дать условную отсрочку, если присуждается къ заключенію въ исправительный домъ, тюрьму или подъ арестъ на срокъ до 6 мѣс., или къ высылкѣ изъ мѣстности, или къ денежному штрафу, замѣняемому, въ случаѣ несостоятельности, заключеніемъ на время до шести мѣсяцевъ. Женщины, старики отъ 70 лѣтъ и несовершеннолѣтніе до 18 лѣтъ могутъ получить условную отсрочку наказанія даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда срокъ назначаемого заключенія достигаетъ года. Наказаніе считается какъ бы отбытымъ, если въ теченіе указаннаго въ приговорѣ срока не будетъ совершено новаго проступка. Въ противоположномъ случаѣ виновный долженъ отбыть назначенное ему условно наказаніе.

**Статистика
условнаго
осужденія.**

Условное осужденіе привилось въ большинствѣ государствъ. Оно принято, согласно подсчета проф.

Піонтковскаго, въ тридцати штатахъ С. Америки, въ десяти кантонахъ Швейцаріи, Англіи, Бельгіи, Франціи. Люксембургѣ, Португаліи, Норвегіи, Италіи, Болгаріи, Даніи, Голландіи, Швеціи, Испаніи, Канадѣ, Новой Зеландіи, Квинслендѣ, Викторіи, Южной и западной Австраліи, Новомъ Южномъ Уэльсѣ, Тасманіи, Египтѣ, Японіи, на о. св. Маврікія, въ Капской колоніи, въ проектахъ уголовныхъ кодексовъ Германіи и Австріи. Такое широкое распространеніе разсматриваемаго нами института свидѣтельствуетъ объ успѣхѣ новой мѣры борьбы съ преступностью.

Суды различныхъ государствъ съ охотою прибѣгаютъ къ условному осужденію. Такъ, въ 1908 г. во Франціи условная отсрочка наказанія дана 63000 лицамъ, изъ которыхъ 22612 были приговорены къ наказанію лишеніемъ свободы. Изъ общаго числа случаевъ условнаго осужденія за шесть лѣтъ (1903—1908 г. г.) только въ 3306 случаяхъ послѣдовало примѣненіе назначеннаго судомъ наказанія. Проф. Піонтковскій опредѣляетъ процентъ удачнаго примѣненія условнаго осужденія въ Англіи въ 94, въ Бельгіи (1888—1892 г.)—97⁰/₁₀₀, но въ послѣдней странѣ, по свидѣтельству Беранже, замѣчается повышеніе числа неудачнаго примѣненія интересующаго насъ института: въ 1899 г. изъ числа присужденныхъ къ исправительнымъ наказаніямъ и находившихся на условномъ испытаніи 24.17% въ

1899 г. были подвергнуты наказаніямъ, а изъ числа присужденныхъ къ полицейскимъ наказаніямъ—7.54⁰/₀.

Практика охотнѣе примѣняетъ условное осужденіе при приговорахъ къ кратко-срочному тюремному заключенію. Такъ, во Франціи, по отчету за 1908, 50⁰ изъ 22570 приговоренныхъ условно къ тюрьмѣ, были осуждены на срокъ до 1 мѣсяца. Бельгійскіе исправительные суды въ 1901 г. присудили условно къ тюрьмѣ 24.57⁰/₀ изъ общаго числа осужденныхъ въ тюрьму и 51.9⁰/₀ изъ общаго числа приговоренныхъ къ штрафу были приговорены къ нему также условно.

Отношеніе къ условному осужденію теоріи. Криминалисты-теоретики далеко не всѣ являются сторонниками института условнаго осужденія. Нѣкоторые изъ нихъ, преимущественно принадлежащіе къ классическому направленію (напримѣръ, Таганцевъ, Сергѣевскій), высказываются противъ него. Они не видятъ въ немъ наказанія и утверждаютъ, что онъ устанавливаетъ безнаказанность перваго преступленія и противорѣчитъ интересамъ потерпѣвшаго. Первое возраженіе не имѣетъ значенія для тѣхъ, кто стремится не къ причиненію преступнику страданія, а къ побѣдѣ надъ преступностью. Но даже сторонники соціологическаго направленія, какъ напримѣръ, проф. Піонтковскій, признаютъ условное осужденіе наказаніемъ, такъ какъ оно несетъ за собою для осужденнаго позоръ осужденія судебнымъ приговоромъ, иногда даже въ соединеніи съ выговоромъ. Такимъ образомъ, не можетъ быть рѣчи о полной безнаказанности условно осуждаемаго. Несомнѣнно, что принципу возмездія условное осужденіе наноситъ чувствительный ударъ, но это не первый ударъ и съ нѣкоторыми, нанесенными ранѣе, классики уже примирились (такова борьба съ дѣтской преступностью, условное освобожденіе).

Что касается противорѣчія института интересамъ потерпѣвшаго, то это возраженіе не можетъ быть признано правильнымъ. Вознагражденіе потерпѣвшаго отъ преступленія можетъ быть поставлено условіемъ возможности примѣненія отсрочки исполненія наказанія и ведетъ къ удовлетворенію жертвъ преступленія въ болѣеѣй степени, чѣмъ это достигается безъ разсматриваемаго института.

Литература. Гоиель. Роль общества въ дѣлѣ борьбы съ преступностью. 1906 г. Піонтковскій. Объ условномъ осужденіи

или системѣ испытанія. Од. 1894 г. *Пусторослевъ*. Иностран-
ныя системы освободительнаго испытанія преступниковъ. Ю.
1905 г.

Имущественныя наказанія.

**Опредѣле-
ніе.**

Подъ именемъ имущественныхъ наказаній извѣ-
стны тѣ, которыя состоятъ въ лишеніи осужденнаго
всего или части его имущества. Эти наказанія были въ особен-
но частомъ употребленіи въ періодъ композицій, когда месть,
какъ видъ борьбы за право, постепенно вымирала и на смѣну
ей становилась система выкуповъ. Размѣръ имущественнаго
взысканія опредѣлялся или добровольнымъ соглашеніемъ обид-
чика съ обиженнымъ и съ его семьею или указывался въ са-
момъ законѣ. Первоначально вся сумма шла въ пользу потер-
пѣвшаго, а позднѣе часть ея удѣлялась посредникамъ и, между
прочимъ, судьямъ. Выдѣлъ части уплачиваемой преступни-
комъ суммы судьямъ производился долгое время. Въ средніе
вѣка, при осужденіи преступника къ смерти, на примѣръ, за ре-
лигіозныя преступленія, имущество осужденнаго обращалось въ
государственную казну и нѣкоторая часть удѣлялась судьямъ.

Къ числу имущественныхъ наказаній относятся конфискація,
т. е. лишеніе осужденнаго всего имущества (общая конфиска-
ція) или только нѣкоторой части его (частная конфискація) или
присужденіе виновнаго къ уплатѣ опредѣленной денежной суммы.

**Общая кон-
фискація.**

Общая конфискація, постигавшая до конца 18
столѣтія осужденныхъ за болѣе серьезныя преступле-
нія и особенно за политическія и религіозныя, служила источ-
никомъ доходовъ для казны государей и сеньоровъ. Француз-
ская революція нанесла ей первый ударъ, и этотъ источникъ
доходовъ былъ отмѣненъ, какъ безнравственный. Но Наполеонъ
вновь возстановилъ ее въ 1810 г. Въ 1814 г. была вновь про-
возглашена ея отмѣна и въ 1848 г. она была подтверждена
окончательно. Примѣру Франціи послѣдовали другія государства,
включившія такую отмѣну даже въ свои конституціи (напри-
мѣръ Бельгійская конституція, ст. 12).

Въ Россіи общая конфискація была въ употребленіи задол-
го до Уложенія 1649 г. за политическія, должностныя и другія
преступленія. При пыткѣ даже ставились вопросы о составѣ
имущества. При обычаѣ награждать доносчиковъ изъ имуще-

ства осужденнаго, конфискація имущества была доходна и для государственной казны и для доносчиковъ. Для упорядоченія этого источника доходовъ, была учреждена особая канцелярія, которая вѣдала управленіе конфискованнымъ имуществомъ. Она просуществовала съ 1729 г. по 1780 г. Отмѣна конфискации началась въ жалованной грамотѣ дворянству съ запрещенія отбирать въ казну дворянскія имѣнія. Александръ I распространилъ эту мѣру и на остальные сословія. Однако, конфискація не перестала примѣняться въ Россіи и въ болѣе позднее время и допускалась Уложеніемъ о нак. (см. 255 ст., теперь отмѣнен.).

Спеціальная конфискація Подъ именемъ спеціальной конфискации извѣстно отобраніе отъ преступника орудій преступленія и предметовъ, обращеніе и храненіе которыхъ запрещено. Эта мѣра должна быть отнесена къ числу предупредительно-полицейскихъ. Она предписывается уложеніемъ о нак. ст. 58. уставомъ о нак. 2 ст. и уголовн. уложен. ст. 36.

Денежныя пеня. Наказаніе денежными штрафами допускается въ широкихъ предѣлахъ дѣйствующими законодательствами и суды къ нимъ часто прибѣгаютъ. Но, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, несостоятельность осужденныхъ приводитъ къ замѣнѣ штрафа лишеніемъ свободы въ значительной части случаевъ. Это приводитъ къ такому неравенству, которое заставляетъ говорить, что состоятельный откупается кошелькомъ, когда бѣднякъ расплачивается своей свободою. Для устраненія этого явленія, предлагаются различныя мѣры: отработка штрафа, его разсрочка и пр.

Въ лѣстницѣ наказаній штрафъ вездѣ занимаетъ одну изъ низшихъ ступеней. Онъ назначается преимущественно за мелкіе проступки, иногда альтернативно съ наказаніемъ лишеніемъ свободы, иногда какъ добавочная къ тюрьмѣ или аресту мѣра. Въ рѣдкихъ случаяхъ онъ назначается (и при томъ въ высокихъ размѣрахъ) за болѣе серьезныя преступленія (напримѣръ, въ Германіи за шпіонство въ соединеніи съ тюремнымъ заключеніемъ).

Размѣръ денежныхъ штрафовъ опредѣляется или точно въ самомъ законѣ или зависитъ отъ размѣра причиненнаго преступленіемъ вреда. Въ Германскомъ уложеніи устанавливается низшій размѣръ штрафа въ три марки за совершенное преступленіе и проступокъ и въ одну марку за нарушеніе. Онъ всег-

да исчисляется полными марками и въ нѣкоторыхъ случаяхъ достигаетъ значительной высоты 15000 и даже 100000 мар. за торговлю людьми, за ростовщичество и др. Въ Россіи, высшій размѣръ штрафа, назначаемого по уставу о нак., нал. мир суд., равенъ 300 руб., но общія судебныя мѣста могутъ назначать его въ большемъ размѣрѣ, указываемомъ въ особенной части кодекса. Не опредѣленъ размѣръ штрафа и въ общей части уголовного уложенія.

При неравномѣрности распредѣленія собственности денежный штрафъ падаетъ съ неодинаковою тяжестью на осужденныхъ. Для установленія этого равенства предлагается обращать вниманіе на степень имущественной достаточности виновнаго и въ частности на высоту уплачиваемаго имъ налога. Последнее обстоятельство, впрочемъ, могло бы принести пользу только при условіи справедливаго обложенія, котораго мы въ большинствѣ случаевъ не находимъ. Во всякомъ случаѣ суду должно быть предоставлено право широкаго усмотрѣнія въ опредѣленіи размѣра штрафа сообразно съ размѣромъ экономической обеспеченности.

При неуплатѣ назначеннаго штрафа, виновный въ большинствѣ государствъ подлежитъ лишенію свободы въ различныхъ карательныхъ учрежденіяхъ и на разные сроки. Такъ, по русскому уголовному уложенію о наказаніяхъ и по уставу о нак., налаг. мир. суд., денежный штрафъ до 15 руб. замѣняется арестомъ до 3 дней; если денежная пеня превышаетъ 300 руб., то неуплата ея влечетъ заключеніе въ тюрьму на тѣмъ большіе сроки, чѣмъ выше сумма штрафа.

Неуплаченный штрафъ можетъ быть, согласно нѣкоторыхъ законодательствъ, замѣняемъ работою. До зак. 5 окт. 1906 г. крестьяне и мѣщане, неуплатившіе штрафа, могли быть отдаваемы въ общественныя работы; лица же привилегированныхъ сословій не могли быть отдаваемы на заработки. Уплата штрафа можетъ быть облегчаема разсрочкою платежа, допускаемою въ нѣкоторыхъ случаяхъ и нашимъ законодательствомъ.

Статистика Русская уголовная статистика не собираетъ сколько **денежныхъ** ко нибудь полныхъ свѣдѣній о наказаніяхъ денежною **штрафовъ.** пенею. Иностранная же статистика показываетъ на громадныя цифры присужденій къ этому наказанію. Въ Англіи (по исчисленію Люблинскаго) число приговоровъ, присуждаю-

щихъ къ денежной пенѣ, доходитъ ежегодно до полумилліона и 14—20% изъ осужденныхъ оказываются не въ состояніи уплатить штрафъ и поэтому подвергаются тюремному заключенію со всѣми дурными его послѣдствіями, указанными нами ранѣе.

Англія. Приговорено къ денежному штрафу и заключено въ тюрьму за его неуплату въ 1900—1909 г.г.

Годы	Къ пенѣ.	Годы.	Къ пенѣ	Въ тюрьму при неуплатѣ пени.
1900 . .	531843	1905 . .	535208	19.87 ⁰ / ₀
1901 . .	548292	1906 . .	512598	18.99 ⁰ / ₀
1902 . .	540108	1907 . .	498401	18.54 ⁰ / ₀
1903 . .	551232	1908 . .	488569	19.54 ⁰ / ₀
1904 . .	550560	1909 . .	460015	20.00 ⁰ / ₀

П. И. Люблинскій приводитъ слѣдующія цифры англійской статистики, показывающія какъ неравномѣрно наказаніе штрафомъ для состоятельныхъ и бѣдныхъ классовъ: изъ 10631, приговоренныхъ къ штрафу за нарушеніе правилъ о моторахъ, только 36 были заключены въ тюрьму за его неуплату, изъ 6654, оштрафованныхъ за торговлю въ воскресенье, только 12 были наказаны лишеніемъ свободы. Наоборотъ, изъ 57418 человекъ, содержащихся въ тюрьмѣ за пьянство, 50777 содержались тамъ вслѣдствіе неуплаты ими штрафа; изъ 10480 заключенныхъ въ тюрьму за драки и нанесеніе побоевъ, 4037 содержались тамъ также вслѣдствіе неуплаты ими денежной пени. Несомнѣнно, что уличное пьянство и драки—достояніе бѣднѣйшихъ слоевъ населенія. Эти цифры показываютъ, что денежный штрафъ слишкомъ часто превращается въ наказаніе лишеніемъ свободы, если преступникомъ является необеспеченный человекъ. Въ 1910 г. англійское правительство заявило о своемъ рѣшеніи внести проектъ закона, допускающаго отсрочку и разсрочку денежныхъ штрафовъ. Съ такими поправками денежные штрафы могли бы привести къ уменьшенію тюремныхъ приговоровъ, что представляется въ высшей степени желательнымъ.

Наказанія, направленныя на честь.

Историческія свѣдѣнія.

Эпохой расцвѣта наказаній, поражавшихъ честь осужденнаго, были средніе вѣка, но такъ какъ элементъ безчестія лежалъ въ той или другой степени

во всякомъ наказаніи, то исторія разсматриваемой нами группы карательныхъ мѣръ начинается съ болѣе ранняго времени. Уже на первыхъ ступеняхъ культуры было извѣстно изгнаніе изъ общины, влекшее за собою запрещеніе общенія съ преступникомъ, который приравнивался къ дикому звѣрю и становился безправнымъ существомъ. Элементъ позорности былъ присущъ этой мѣрѣ въ очень значительной степени. Наступленіе господства періода устрашенія привело не только къ развитію жестокихъ наказаній, но и устыдительныхъ. Публичное ихъ исполненіе должно было, по убѣжденію людей того времени, благотворно дѣйствовать на общественную нравственность. Насколько были разнообразны устрашительныя наказанія, настолько безобразно уродливую форму принимали устыдительныя наказанія. Такъ, примѣнялись: выставленіе голыми, одѣваніе въ шутовскіе костюмы, ударъ по лицу, надѣваніе безобразныхъ масокъ, обмазываніе выбритой головы дегтемъ, прикрѣпленіе къ позорному столбу, забрасываніе грязью и нечистотами и пр. Самое шествіе къ мѣсту казни сопровождалось позорными для осужденнаго обрядами, сохранявшимися долгое время. Такъ, въ Россіи до отмѣны въ 1881 г. публичнаго исполненія смертной казни осужденныхъ везли на мѣсто исполненія приговора на особыхъ позорныхъ колесницахъ.

Въ настоящее время позорящія наказанія исчезли изъ законодательствъ культурныхъ государствъ, но мы уже отмѣчали ранѣе, что обстановка отбытія наиболѣе распространеннаго наказанія лишеніемъ свободы свидѣтельствуется о сохраненіи того, что является лишь придаткомъ внѣшней позорности (напримѣръ, цвѣтъ и форма арестантскаго платья).

Къ остаткамъ позорящихъ наказаній слѣдуетъ отнести случай, указанный въ 71 ст. Улож. о нак.: надъ дворяниномъ, приговореннымъ къ политической смерти, переламывается шпага; сюда же относятся опубликованіе обвинительнаго приговора и выставленіе на биржѣ имени виновнаго маклера.

Выговоръ. Къ устыдительнымъ наказаніямъ нашего времени долженъ быть отнесенъ выговоръ, извѣстный и русскому законодательству. 30 ст. п. VII Улож. о нак. перечисляетъ среди другихъ исправительныхъ наказаній: выговоры въ присутствіи суда, замѣчанія и внушенія отъ мѣстъ судебныхъ или правительственныхъ. Согласно 40 ст. Улож. о наказ., выговоры въ

присутствіи суда могутъ быть болѣе или менѣе строгіе; уложеніе предписываетъ выговоры, какъ наказаніе за должностныя преступленія и различаетъ два случая: 1) внесеніе выговора въ послужной списокъ и 2) выговоръ безъ такого внесенія. Уставъ о нак., кромѣ выговора и замѣчаній, знаетъ еще внушенія. Уголовное уложеніе исключило изъ лѣстницы наказаній выговоръ, замѣчанія и внушенія, оставивъ внушеніе для юныхъ преступниковъ (3 п. 55. ст. Уг. Ул.).

Исчезновеніе позорящихъ наказаній объясняется бѣльшимъ уваженіемъ къ личности преступника. Грубыя формы порицанія противны современному челѣку. Ихъ значеніе и въ прежнее время было отрицательное, такъ какъ онѣ озлобляли осужденныхъ и, принижая ихъ, дѣлали изъ нихъ упорныхъ рецидивистовъ. Но исключеніе уголовнымъ уложеніемъ изъ числа наказаній выговора едва ли можетъ быть оправдано съ точки зрѣнія защитниковъ репрессивной уголовной политики. Элементъ кары въ немъ есть и для нѣкоторыхъ, можетъ быть, весьма чувствительный, указанія на неравномѣрность этого наказанія для различныхъ лицъ, изъ которыхъ одни относятся къ нему очень чувствительно, а другія совершенно равнодушно, не служатъ серьезнымъ возраженіемъ, такъ какъ столь же неодинаково отношеніе осужденныхъ и къ другимъ наказаніямъ.

Пораженіе правъ.

Историческія свѣдѣнія. Исторія института лишенія правъ идетъ тѣмъ же путемъ, какъ и судьба разсмотрѣнныхъ нами карательныхъ мѣръ: смертной казни, ссылки, тѣлесныхъ наказаній. Въ прежнее время лишеніе правъ практиковалось въ значительныхъ размѣрахъ и выражалось даже въ полномъ безправіи осужденнаго, въ отказѣ ему защиты не только его имущественныхъ благъ, но и жизни. Теперь противъ лишенія осужденныхъ правъ въ сколько нибудь широкихъ размѣрахъ и особенно противъ пожизненности такого лишенія существуетъ рѣзко выраженное теченіе криминалистовъ-теоретиковъ.

Въ русской жизни на смѣну вымершему древнему „потѣку и разграбленію“, какъ полному безправію осужденнаго (мнѣнія специалистовъ здѣсь, впрочемъ, расходятся), не было выработано института лишенія правъ. Такой институтъ не отвѣчалъ потребностямъ времени, когда русское правительство 16—17 вѣ-

ковъ постоянно нуждалось въ служилыхъ людяхъ и сама служба разсматривалась, какъ обязанность. Въ небольшихъ размѣрахъ практика XVII вѣка знала увольненіе отъ должности и запрещеніе занимать ее вновь, лишеніе права иска на судѣ. Послѣдняя мѣра, предписанная уложеніемъ („впредь ни на кого ни въ какихъ искахъ суда не давати“) назначалась за ложную присягу и виновнымъ въ предъявленіи поклепныхъ исковъ въ третій разъ. Петръ I ввелъ т. н. „шельмованіе“, т. е. институтъ правопораженія личности, сопровождавшагося унижительными обрядами и состоявшаго въ запрещеніи принимать ошельмованнаго на службу, въ свидѣтели, „въ общество добрыхъ и честныхъ людей“ и въ лишеніи его покровительства закона: его можно было безнаказанно оскорблять, бить и даже ранить и только убійство его влекло за собою наказаніе.

Система русскаго законодательства. Уложеніе о нак. издан. 1845 г. и послѣдующія его изданія знаютъ три вида лишенія правъ: 1) лишеніе всѣхъ правъ состоянія; 2) лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, какъ лично, такъ и по состоянію присвоенныхъ; 3) лишеніе нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ. Лишеніе правъ является обязательнымъ послѣдствіемъ нѣкоторыхъ наказаній и не можетъ быть назначено самостоятельно безъ этихъ карательныхъ мѣръ. Такъ, первый видъ лишенія наступаетъ при осужденіи къ смерти, въ каторжныя работы и на поселеніе. Остальные два вида лишенія правъ соединяются съ исправительными наказаніями, но не ниже, чѣмъ съ тюрьмою.

Лишеніе всѣхъ правъ состоянія влечетъ за собою потерю сословныхъ правъ, титуловъ, чиновъ и знаковъ отличія (ст. ст. 22 и 23 Улож. о нак.) и права поступать на службу государственную или общественную. Дѣти, зачатые до вступленія приговора въ силу, сохраняютъ прежнія права родителя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, лишенный правъ состоянія не можетъ быть опекуномъ, попечителемъ, повѣреннымъ, третейскимъ судьей и даже свидѣтелемъ при гражданскихъ сдѣлкахъ и актахъ. Въ области семейственныхъ правъ также происходитъ измѣненіе: супружескія права и права родительской власти утрачиваются, если супругъ осужденной или жена приговореннаго не послѣдовали добровольно въ мѣсто ссылки осужденнаго. Лишеніе правъ состоянія служитъ основаніемъ для просьбы о расторженіи брака.

Наконецъ, наступаетъ пораженіе имущественныхъ правъ; ст. 28 Улож. о нак. предписываетъ переходъ имущества осужденнаго въ каторжныя работы и ссылку на поселеніе къ его законнымъ наслѣдникамъ; самъ онъ лишается права наслѣдованія. Впрочемъ пріобрѣтеніе имущества поселенцами допускается закономъ, но пріобрѣтеніе и владѣніе недвижимымъ имѣніемъ запрещается ссыльно-каторжанамъ, пока они не перешли въ разрядъ поселенцевъ.

Лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ лично и по состоянію обвиняемаго ему присвоенныхъ состоитъ (см. ст. 43 Улож. о нак.) въ запрещеніи: 1) вступать въ государственную или общественную службу; 2) записываться въ гильдіи или получать какого либо рода свидѣтельства на торговлю; 3) быть свидѣтелемъ при какихъ либо договорахъ и другихъ актахъ и давать по дѣламъ гражданскимъ свидѣтельскія показанія, подъ присягою или безъ присяги, кромѣ лишь случаевъ, въ коихъ судомъ будетъ признано необходимымъ потребовать его показанія; 4) быть избираемымъ въ третейскіе судьи; 5) быть опекуномъ или попечителемъ; 6) быть повѣреннымъ по чьимъ либо дѣламъ.

Лишеніе нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ состоитъ (ст. 50 Улож. о нак.) для дворянъ въ запрещеніи вступать на государственную и общественную службу, участвовать въ выборахъ и быть избираемыми на какія либо должности, въ томъ числѣ и въ опекуны по назначенію дворянской опеки; для священно-служителей въ потерѣ духовнаго званія навсегда; для церковно-причетниковъ въ исключеніи изъ духовнаго званія; для почетныхъ гражданъ и купцовъ - въ запрещеніи участвовать въ городскихъ выборахъ и быть избираемыми на почетныя должности, а также на соединенныя съ властью; для лицъ остальныхъ званій—въ лишеніи права участвовать въ выборахъ и быть избираемыми на почетныя или соединенныя съ властью должности.

Наше законодательство знаетъ также много случаевъ лишенія осужденнаго какого нибудь опредѣленнаго права. Таковы, напримѣръ, лишеніе права добывать изъ земли драгоцѣнные металлы, продавать съѣстные припасы и напитки, продавать и имѣть на складѣ ядовитыя и сильнодѣйствующія вещества, заниматься въ теченіе пяти лѣтъ лѣсною промышленностью и пр.

Въ противоположность тремъ первымъ видамъ лишенія правъ, перечисленные нами случаи лишенія виновныхъ какого нибудь опредѣленнаго права связываются уже не съ тѣмъ или другимъ наказаніемъ, а съ преступленіемъ. Въ этомъ заключается несомнѣнное преимущество такого лишенія: запрещеніе права торговли ядовитыми веществами лицу, которое, какъ это устанавливается судебнымъ приговоромъ, не соблюдаетъ правилъ продажи, имѣетъ за собою основанія. Но нельзя того же сказать о лишеніи и ограниченіи правъ, связываемыхъ съ присужденіемъ къ опредѣленному наказанію. Особенности обстановки совершенія преступленія и характеръ осужденнаго могутъ въ отдѣльныхъ случаяхъ ясно доказывать вредъ лишенія правъ, однако судъ, присуждая къ опредѣленному наказанію, влекущему за собою правопораженіе, долженъ назначить и его.

Другимъ важнымъ недостаткомъ разсматриваемыхъ нами законоположеній является пожизненность и широкій объемъ правопораженій. Институтъ лишенія всѣхъ правъ ссстоянія близокъ по его содержанію къ древнему безправію преступника, приравнивавшагося къ дикому звѣрю. Но, если уже одно пребываніе въ тюрьмѣ уменьшаетъ шансы на полученіе бывшимъ арестантомъ работы, то пожизненное ограниченіе сферы труда не можетъ не служить само по себѣ факторомъ преступности.

Система лишенія правъ, принятая въ Уголовномъ уложеніи, близко подходитъ къ принятой въ Улож. о нак.

Лишеніе правъ въ иностранныхъ кодексахъ. Въ иностранныхъ уложеніяхъ институтъ лишенія правъ поставленъ въ нѣсколько лучшія условія. Такъ, по германскому уложенію лишеніе гражданскихъ правъ является въ большинствѣ случаевъ временною факультативною мѣрою: оно состоитъ въ пожизненномъ лишеніи права участія въ общественныхъ выборахъ и права занимать государственныя должности (см. ст. 33 герман. улож.) или во временномъ лишеніи права занимать общественныя должности, имѣть активное и пассивное избирательное право, служить въ арміи или флотѣ, быть свидѣтелемъ или опекуномъ и пр. Приговаривая ко временному лишенію свободы судъ можетъ примѣнить временное лишеніе или ограниченіе правъ на срокъ отъ одного до десяти лѣтъ въ зависимости отъ того присуждаетъ ли онъ къ каторжной тюрьмѣ или къ другимъ наказаніямъ лишеніемъ свободы. Однако, при осужденіи за нѣкоторыя

преступленія (напримѣръ, профессиональное или привычное ростовщичество, лжеприсягу, нѣкоторые случаи сводничества и др.) судъ обязанъ лишить осужденнаго всѣхъ указанныхъ выше правъ его.

Французскій кодексъ также знаетъ лишеніе и ограниченіе правъ. Наиболѣе тяжкая форма лишенія правъ носить названіе „Dégradation civique“. Она можетъ назначаться (согласно 8 и 35 ст. ст. кодекса) какъ самостоятельное наказаніе, но чаще назначается, какъ добавочная мѣра къ нѣкоторымъ наказаніямъ. Этотъ видъ лишенія правъ состоитъ въ лишеніи всѣхъ политическихъ правъ, нѣкоторыхъ общественныхъ правъ (напримѣръ, права носить оружіе, ордена, служить въ войскѣ, быть присяжнымъ) и нѣкоторыхъ семейственныхъ правъ (напримѣръ, права быть членомъ семейнаго совѣта и располагать супружескою властью во время отбытія наказанія). Dégradation civique пожизненно.

Второй видъ лишенія правъ носить названіе l'interdiction des droits civils, civis et de famille. При назначеніи исправительныхъ наказаній судъ можетъ (ст. 42) запретить пользованіе слѣдующими правами: активнымъ и пассивнымъ избирательнымъ правомъ, быть присяжнымъ или занимать общественныя должности, быть экспертомъ, подавать голосъ или быть избираемымъ въ семейномъ совѣтѣ и нѣк. др. Это лишеніе правъ только въ двухъ случаяхъ можетъ быть назначено пожизненно, а во всѣхъ остальныхъ назначается судомъ на опредѣленный срокъ.

Французское уложеніе предписываетъ также т. н. легальную интердикцію—l'interdiction légale, для осужденныхъ къ нѣкоторымъ наказаніямъ лишеніемъ свободы. Она выражается въ назначеніи къ имуществу осужденнаго особаго опекуна, который, однако, не имѣетъ права передавать осужденному доходовъ съ его имущества, пока онъ отбываетъ назначенное ему наказаніе.

Проекты новыхъ уложеній (швейцарскій, австрійскій, контръ проектъ германскаго уложенія) отступаютъ отъ системы принятой дѣйствующими кодексами въ сторону ея смягченія. Такъ, напримѣръ, швейцарскій проектъ ограничиваетъ сферу правопораженія и устанавливаетъ срочность ограниченія правъ.

Статистика
лишенія
правъ.

Уголовная статистика показываетъ, что лишеніе правъ назначается теперь рѣже, чѣмъ ранѣе. Такъ, на примѣръ, въ Германіи было присуждено къ наказаніямъ съ лишеніемъ правъ въ 1882 г. — 20491, въ 1886 г. — 17398, въ 1891 г. — 16862, въ 1896 г. — 15182, въ 1901 г. — 14500, въ 1906 г. — 12490, въ 1908 г. — 12263 и въ 1909 г. — 12340 чел. Эти цифры абсолютныя, т. е. онѣ становятся еще меньшими, если принять во вниманіе ростъ населенія и преступности въ Германіи. (См. статистику наказаній въ ст. Тарновскаго Журн. Мин. Юстиціи, іюнь 1911 г.).

Реабилита-
ція.

Отрицательныя стороны института лишенія правъ привели къ образованію новаго института реабилитаціи или возстановленія утраченныхъ правъ. Въ различномъ объемѣ реабилитація извѣстна многимъ законодательствамъ — Египетскому, Аргентинскому, Бельгійскому, Бразильскому, Датскому, Итальянскому, Португальскому, Французскому, американскимъ государствамъ и др.

Просьбы о возстановленіи въ правахъ подаются осужденными по истеченіи различныхъ сроковъ со дня отбытія наказанія; къ просьбамъ обыкновенно должны прилагаться удостовѣренія о хорошемъ поведеніи. Ходатайства разсматриваются въ судѣ (на примѣръ, въ Италіи, Бельгіи и пр.). Удовлетвореніе просьбы влечетъ за собою исключеніе имени осужденнаго изъ списковъ осужденныхъ; при новомъ осужденіи онъ уже не судится какъ рецидивистъ (Бельгія) и пр.

Русское Уголовн. Улож. приняло институтъ возстановленія въ правахъ, хотя и въ узкихъ размѣрахъ (ст. 30 и 31).

Литература: Гоель: Курсъ уголов. политики. С. Пб. стр. 320—350.

Оцѣнка борь-
бы съ пре-
ступностью
посред-
ствомъ на-
казаній.

„Исторія наказаній есть исторія ихъ вымираній“, сказалъ Іерингъ. Въ справедливости этихъ словъ мы убѣждаемся не только изъ знакомства съ исторіей различныхъ карательныхъ мѣръ, но также и изъ знакомства съ ихъ примѣненіемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, тягчайшее наказаніе смертю, считавшееся долгое время наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ для побѣды надъ преступностью, теперь признается его защитниками самымъ крайнимъ средствомъ: въ теченіе XIX вѣка оно быстро

теряетъ своихъ сторонниковъ среди теоретиковъ; быстро суживается область возможнаго его примѣненія и нѣкоторыя законодательства совершенно отъ него отказываются.

То же самое происходитъ и съ тѣлесными наказаніями. Еще въ первой половинѣ прошлаго вѣка они стояли въ лѣстницѣ карательныхъ мѣръ во всѣхъ государствахъ, а теперь они сохранились лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ и въ самомъ небольшомъ числѣ уголовныхъ законодательствъ.

Ссылка испытала участь смертной казни и тѣлесныхъ наказаній. Отъ нея постепенно отказывались законодательства принявшія ее. Неизбѣжное экономическое развитіе колоній, въ которыя направляютъ ссыльный элементъ, тѣмъ скорѣе ведетъ къ вымиранію ссылки, чѣмъ оно быстрѣе совершается.

Современныя законодательства отказываются отъ института полного правопораженія осужденнаго. Обязательное его назначеніе замѣняется факультативнымъ; мѣсто пожизненнаго назначенія занимаетъ временное; наконецъ, для исправленія хотя бы въ нѣкоторой степени дурныхъ послѣдствій лишенія правъ законодательства, вводятъ институтъ реабилитаціи.

Самымъ употребительнымъ наказаніемъ становится тюрьма, но изъ нашего предшествующаго изложенія мы уже видѣли, что утеряна вѣра въ спасительную силу и этой карательной мѣры: на ряду съ увеличеніемъ тюремъ развиваются въ уголовныхъ уложеніяхъ и на практикѣ институты, ставящіе своей задачей исправлять, хотя бы въ нѣкоторой степени, то зло, которое причиняетъ наказаніе лишеніемъ свободы во всѣхъ ея видахъ. Таковы патронатъ, условное освобожденіе и условное осужденіе.

Но вымираніе карательнаго начала въ борьбѣ съ преступностью обнаруживается также при разсмотрѣніи статистики примѣненія различныхъ наказаній; одновременно съ юридическимъ вымираніемъ каръ идетъ ихъ фактическое вымираніе. Мы отмѣчали это явленіе при разсмотрѣніи отдѣльныхъ наказаній, но приведемъ здѣсь не лишенную интереса общую сводную таблицу о примѣненіи наказаній. Беремъ для примѣра статистическія свѣдѣнія за 1893 г. и 1909 г. въ Англіи. Изъ каждой тысячи осужденныхъ было приговорено (см. указан. ст. Тарновскаго).

	1893 г.	1909 г.	
Къ смертной казни	0.6	0.5	
Къ каторжнымъ работамъ на срокъ болѣе 10 лѣтъ	0.7	0.2	
Къ каторжнымъ работамъ на срокъ до 10 лѣтъ	21.0	18.0	
Къ тюрем- ному за- ключенію.	{ На срокъ выше 1 года . . .	18	25.0
	{ На срокъ отъ 3 мѣс. до 1 года.	101	106
	{ На срокъ до 3 мѣс.	410	337
	{ Всего къ тюрьмѣ	529	468
Къ содер- жанію.	{ Въ реформаторіи для алко- голиковъ	—	4
	{ Въ реформаторіи	24	18
	{ Въ индустріальн. школѣ . . .	13	9
Къ денежному взысканію	213	160	
Къ тѣлесному наказанію	66	31	
Осуждено условно.	127	238	

То же явленіе обнаруживается въ Германіи. Если принять цифры осужденныхъ въ 1882 г. къ каждому наказанію за 100, то число приговоренныхъ въ 1908 г. къ смертной казни падаетъ со ста до 32, къ каторжной тюрьмѣ со ста до 58, или на 100 приговоренныхъ въ 1882 г. къ различнымъ наказаніямъ приходилось 4 приговоренныхъ въ каторжную тюрьму, 72 къ тюрьмѣ и 24 къ другимъ наказаніямъ, а въ 1908 г.—только 1.4 осужденный въ каторжную тюрьму, 48 въ тюрьму и 51 къ другимъ наказаніямъ (денежные штрафы, арестъ, выговоры и пр.).

Но, несмотря на уменьшеніе репрессій, число подвергаемыхъ наказанію остается громаднымъ. Финкельнбургъ, авторъ труда, опубликованнаго въ Берлинѣ въ 1912 году, опредѣлилъ, что въ 1910 году среди населенія Германской имперіи проживало 3.869.000 подвергнутыхъ наказанію за преступленія и проступки, начиная съ 1882 г. (сюда не вошли рецидивисты, умершіе и эмигранты); другими словами изъ каждыхъ 12 чел. старше 12 лѣтъ одинъ былъ осужденъ за преступленіе или проступокъ. Если мы примемъ во вниманіе полъ и возрастъ, то получимъ слѣдующія цифры: въ возрастѣ 12—18 лѣтъ были 1

осужденный изъ каждахъ 213 дѣв. и 43 мальч.; въ возрастѣ старше 18 лѣтъ 1 женщ. изъ каждахъ 25 женщ. и 1 мужч. изъ каждахъ 6 мужчинъ.

Безуспѣшность борьбы съ преступностью посредствомъ наказаній выдвинула вопросъ о другихъ мѣрахъ борьбы. Сторонники социологической школы признаютъ наиболѣе могущественнымъ средствомъ измѣненіе общественной среды. Такъ какъ главными поставщиками преступности являются экономически необезпеченные слои населенія, то борьба за ихъ лучшее будущее есть вмѣстѣ съ тѣмъ борьба и съ преступностью. Однако, проведеніе необходимыхъ реформъ сопряжено при современныхъ условіяхъ съ большими трудностями. Возникаетъ вопросъ объ иныхъ, нежели наказанія, мѣрахъ уменьшенія преступленій. Такими средствами являются, по мнѣнію части криминалистовъ, мѣры социальной безопасности.

ШЕСТАЯ ГЛАВА.

Мѣры соціальной безопасности.

Отличіе
мѣръ безо-
пасности
отъ наказа-
ній.

Среди криминалистовъ не существуетъ согласія по вопросу объ отграниченіи мѣръ соціальной защиты отъ наказаній. Одни изъ нихъ отрицаютъ возможность такого различія, другіе признаютъ его. Тѣ ученые, которые отказываются видѣть различіе между мѣрами репрессіи и защиты, исходятъ изъ утвержденія, что въ томъ и другомъ случаѣ причиняются опредѣленные лишенія или страданія и что для подвергшагося лишенію свободы совершенно безразлично какое названіе носить это лишеніе свободы, т. е. является ли оно наказаніемъ или мѣрою общественной защиты.

Иначе думаютъ другіе, и мы признаемъ ихъ мнѣніе болѣе правильнымъ. Всякое наказаніе предполагаетъ осужденіе преступника, т. е. признаніе его виновнымъ. Прошлое и современное уголовное право связано съ идеей наказанія возмездія. Кодексы стремятся назначить за зло-преступленіе страданіе, соотвѣтствующее винѣ преступника. Несомнѣнно, что современное наказаніе вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ стремиться и къ тѣмъ или другимъ цѣлямъ соціальной обороны, но оно и въ этихъ случаяхъ не разстается съ идеей возмездія. Наоборотъ, мѣра соціальной защиты лишена всякой связи съ этой идеей. Она примѣняется и къ оправданнымъ преступникамъ. Въ русской литературѣ проф. Жижиленко, въ иностранной Штоссъ и др. правильно указывали и на другую отличительную черту наказанія: основаніемъ для его примѣненія является вмѣненное въ вину преступленіе, между тѣмъ, какъ мѣра соціальной безопасности имѣетъ въ виду особое опасное состояніе, обнаруженное какими либо поступками.

Въ то время какъ наказаніе назначается въ размѣрахъ, сообразно винѣ преступника, срокъ дѣйствія мѣры соціальной безопасности не можетъ быть опредѣленъ заранѣе. Возраженіе противниковъ признанія отличія наказаній отъ мѣръ защиты, что для лишеннаго свободы безразлично какое названіе носить примѣненное къ нему средство, не можетъ быть признано правильнымъ. Въ противномъ случаѣ содержаніе душевно больного

въ больницѣ должно было бы разсматриваться также какъ наказаніе.

Въ проектахъ новыхъ уложеній (германскомъ, австрійскомъ, швейцарскомъ) мѣры соціальной защиты уже нашли себѣ признаніе. Въ проектѣ, напримѣръ, австрійскаго уложенія, мѣрамъ безопасности отведенъ особый раздѣлъ, слѣдующій непосредственно за раздѣломъ о наказаніяхъ.

Борьба съ преступностью посредствомъ мѣръ безопасности, вмѣсто наказанія начинаетъ получать все большее признаніе. Но зачатки ея относятся еще къ прошлому времени. Въ качествѣ одной изъ первыхъ такихъ мѣръ должно быть разсматриваемо исправленіе малолѣтнихъ преступниковъ.

Исправительныя заведенія. Въ исторіи борьбы съ преступностью юныхъ нарушителей уголовного закона можно различать нѣсколько этаповъ. Уже старыя законодательства не рѣшались примѣнять къ дѣтямъ-преступникамъ тѣхъ наказаній, которыя назначались взрослымъ. По закону 12 таблицъ ребенокъ, укравшій плодъ, посвященный богинѣ плодородія, избавлялся отъ смертной казни. Также было и въ другихъ законодательствахъ. Каноническое право освобождало отъ наказаній дѣтей моложе 7 лѣтъ; и въ Россіи по церковнымъ градскимъ законамъ освобождался отъ смерти убійца-ребенокъ, если ему не было 7 лѣтъ. Но, если совершалось дѣтьми особенно тяжкое преступленіе, то считалось возможнымъ примѣнять къ нимъ наказанія во всей ихъ строгости. Вслѣдъ за эпохой смягченія наказанія юнымъ преступникамъ наступаетъ другая, когда начинаетъ обнаруживаться стремленіе замѣнить наказаніе мѣрами воспитанія. Въ самые послѣдніе годы въ значительномъ большинствѣ государствъ, на ряду съ примѣненіемъ къ дѣтямъ преступникамъ мѣръ воспитанія, дѣлаются попытки предупрежденія ихъ преступленій посредствомъ воздѣйствія на соціальныя условія ихъ существованія. Въ высшей степени характернымъ является при этомъ, что роль защитника дѣтей вручена въ этихъ странахъ судебнымъ органамъ, т. н. дѣтскимъ судьямъ.

Помѣщеніе дѣтей въ тюрьмы со взрослыми было повсемѣстнымъ явленіемъ въ первой четверти XIX вѣка и даже значительно позднѣе; оно встрѣчается даже и теперь. Растлѣвающее вліяніе взрослыхъ заключенныхъ на малолѣтнихъ было слишкомъ очевидно и поэтому дѣлаются постановленія о заклю-

ченіи юныхъ обвиняемыхъ и осужденныхъ отдѣльно отъ взрослыхъ. Только во второй половинѣ XIX вѣка обращается болѣе серьезное вниманіе на устройство для малолѣтнихъ преступниковъ особыхъ заведеній. Во Франціи исторія исправительныхъ заведеній начинается лишь съ закона 5 августа 1850 г., въ Англіи съ 10 авг. 1866 г., въ Россіи—съ 3 дек. 1866 г.

Исправительныя заведенія, открытыя вмѣсто тюремъ, отличались въ прежнее время, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и теперь, суровымъ режимомъ. Первоначально они устраивались по казарменной системѣ, т. е. дѣти помѣщались въ одномъ зданіи, безъ раздѣленія ихъ по возрасту и безъ обращенія вниманія на особенности ихъ характера. Въ настоящее время отдается преимущество павильонной системѣ, при которой воспитанники размѣщаются въ особыхъ домикахъ небольшими семьями подъ постояннымъ наблюденіемъ супружеской четы. Большая стоимость построекъ и содержанія павильоновъ приводитъ къ тому, что въ домикахъ помѣщаютъ вмѣсто 10—15 чел. по 30 и болѣе. Мѣстомъ для постройки пріютовъ и колоній обыкновенно выбираютъ окрестности города, чтобы на ряду съ обученіемъ ремесламъ обучать дѣтей сельскому хозяйству. Но нужно признать ошибкою, что на обученіе сельскому хозяйству обращается больше вниманія, нежели на преподаваніе ремеселъ и особенно квалифицированныхъ изъ нихъ. Наибольшая часть воспитанниковъ происходитъ отъ городскихъ жителей и предназначена къ жизни въ городахъ. Слѣдующія статистическія данныя могутъ дать представленіе о преподаваемыхъ ремеслахъ и видахъ труда. По сообщенію г-жи Рубашовой различныя ремесла преподавались въ слѣдующемъ количествѣ заведеній въ Англіи:

Столярное	въ	.	21	Жестянники	въ	.	24
Сапожное	"	.	147	Музыканты	"	.	113
Портняжное	"	.	160	Токарное	"	.	24
Пекари	"	.	123	Наборщики	"	.	21
Корзиночное	"	.	20	Кузнецы	"	.	16

Въ сельско-хозяйственныхъ колоніяхъ обучаютъ садоводству, огородничеству, извозному промыслу и пр. Еще печальнѣе поставлено обученіе дѣвочекъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ ихъ обучаютъ лишь шитью, прачешному ремеслу, т. е. тѣмъ видамъ труда, которые оплачиваются, при громадной

конкуренціи, особенно низкою заработною платою. Не удивительно, что для такихъ дѣвушекъ борьба за существованіе становится особенно трудною.

Лишь въ послѣдніе годы обращается больше вниманія на кадръ воспитателей въ этихъ заведеніяхъ. Малое вознагражденіе ихъ тяжелаго и отвѣтственнаго труда приводитъ къ низкому по образовательному цензу составу. Отсутствіе пенсіи также служитъ одною изъ причинъ того, что персоналъ заведеній не отвѣчаетъ своему назначенію. Наконецъ, мало обращалось вниманія на подготовку спеціальныхъ дѣятелей въ этой области. Въ различныхъ государствахъ школы для тюремныхъ надзирателей были открыты ранѣе, чѣмъ спеціальныя, хотя бы и короткіе, курсы по подготовкѣ служащихъ въ исправительныя колоніи. Между тѣмъ, дѣлая быстрые успѣхи педагогія открыла различные новые пути воспитанія ребенка. Но въ уставахъ исправительныхъ заведеній Америки, Англіи, Германіи, Австріи и др. до сихъ поръ остаются, какъ средства педагогическаго воздѣйствія, розги, палки „толщиною въ одинъ сантиметръ“ (Германія) и даже наказаніе-пытка, состоящее въ надѣваніи на обѣ руки и обѣ ноги, колець соединенныхъ между собою и устроенныхъ такъ, что наказанный можетъ сидѣть только на корточкахъ съ притянутыми къ ногамъ руками и, наконецъ, приковываніе къ стѣнѣ за руки, загнутыя за спину (Австрія). Въ Россіи, послѣ упорной борьбы въ Государственномъ Совѣтѣ, прошелъ законъ, запрещающій примѣненіе въ исправительныхъ заведеніяхъ тѣлесныхъ наказаній. Эти средства педагогическаго воздѣйствія ясно показываютъ, что мѣры исправленія слишкомъ часто сливаются съ мѣрами наказанія.

На ряду съ отдачей дѣтей въ исправительныя заведенія, практикуется помѣщеніе ихъ въ отдѣльныя семьи. Противъ этой мѣры существуютъ основательныя возраженія. Чужой для принявшей его семьи, ребенокъ становится объектомъ эксплоатациі: изъ него стремятся получить всѣ выгоды при возможно меньшей затратѣ собственнаго труда и заботъ по отношенію къ нему. Чтобы избѣжать этихъ отрицательныхъ сторонъ, пытаются помѣщать дѣтей въ семьи, живущія въ одной мѣстности и находящіяся подъ контролемъ особаго попечителя изъ мѣстныхъ жителей, напримѣръ, учителя.

Большинство исправительныхъ заведеній организованы на

средства частной или общественной благотворительности и только самое небольшое число изъ нихъ государственныя; послѣднія невыгодно отличаются постановкой въ нихъ дѣла воспитанія.

Все, что мы говорили до сихъ поръ, вполнѣ относится и къ русскимъ исправительнымъ заведеніямъ, хотя законъ 19 апр. 1909 г. выгодно отличается отъ иностранныхъ своею большею гуманностью.

Статистика Развитие исправительныхъ заведеній въ Россіи
исправи- идетъ медленно. Первое исправительное заведеніе
тельныхъ заведеній. было основано въ Москвѣ въ 1864 г. (Рукавишниковскій пріютъ).

По отчету главнаго тюремнаго управленія за 1910 г. въ Россіи было 52 заведенія съ общимъ количествомъ воспитанниковъ обоего пола 3779. Во Франціи, по послѣднему отчету, къ 1910 г. было 24 исправительныхъ заведенія съ 3563 мальч. и 951 дѣвоч. По сообщенію г-жи Рубашовой, въ Англіи въ 1909 г. было реформаторій, т. е. исправительныхъ заведеній для преступниковъ 14—16 лѣтъ—сорокъ три; ремесленныхъ школъ для безпризорныхъ малолѣтнихъ до 16 лѣтъ и преступниковъ до 14 лѣтъ—сто сорокъ. Въ первыхъ изъ этихъ заведеній содержалось 4735 дѣт., а во вторыхъ 16912. Въ Германіи въ 1908 г. было 748 завед. съ 28980 мѣстами для мальчиковъ и съ 24320 мѣстами для дѣвочекъ, но 29,6% этого числа заведеній принимаютъ только сиротъ и заброшенныхъ.

Организація Мы уже говорили, что послѣднее движеніе въ во-
дѣтскаго просѣ о борьбѣ съ дѣтскою преступностью вырази-
суда. лось въ организаціи т. н. дѣтскихъ судовъ. Эти учрежденія возникли въ Австраліи, Америкѣ и быстро распространились по Европѣ, гдѣ первый дѣтскій судъ былъ открытъ въ 1905 г. въ Англіи. Идея дѣтскихъ судовъ тѣсно связана съ признаніемъ громаднaго значенія за различными факторами преступности ребенка и, прежде всего, неблагоприятныхъ условій его соціальной среды. Въ основу дѣятельности этихъ судебныхъ органовъ положено стремленіе притти на помощь ребенку, какъ совершившему преступленіе, такъ и находящемуся въ опасности или вообще въ тяжеломъ положеніи. При со-

дѣйствиі своихъ помощниковъ, носящихъ названіе „попечителей“, они изслѣдуютъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ причины, толкнувшія малолѣтняго на преступленіе и стремятся парализовать ихъ дѣйствіе. Обычныя процессуальныя нормы не примѣняются въ дѣтскомъ судѣ; вмѣсто нихъ дѣйствуютъ особыя правила, устраняющія торжественность обычной обстановки суда и ограничивающія его гласность, такъ какъ цѣль процесса -- не наказаніе ребенка, а его защита. Въ Англіи въ 1910 г., въ Бельгіи и Франціи въ 1912 г. вышли особые законодательные акты, которымъ дано названіе „хартій ребенка“. Въ нихъ говорится о защитѣ ребенка отъ жестокаго обращенія, о лишеніи родителей власти, о мѣрахъ воспитанія ребенка. Однимъ словомъ, назначеніе этихъ новыхъ законодательныхъ актовъ охранить общество отъ преступленій дѣтей посредствомъ мѣръ охраны дѣтства. Правда, эти мѣры часто сводятся къ благотворительности, но дальнѣйшее развитіе ихъ несомнѣнно пойдетъ въ сторону большаго вмѣшательства государства въ отношенія, которыя правительства несправедливо считали до сихъ поръ чисто частными. На смѣну мѣръ благотворительности должно явиться соціальное законодательство, устраняющее различныя формы соціальной несправедливости.

**Мѣры безопасности
противъ душевно-боль-
ныхъ преступниковъ.**

Душевные болѣзни играютъ большую роль въ сферѣ преступности. Уголовныя законодательства въ прежнее время совершенно не интересовались этой категоріей правонарушителей. Извѣстно, что душевно-больные содержались даже въ цѣпяхъ. Въ настоящее время уголовныя уложенія предписываютъ заключеніе въ больницы (въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ спеціальныя учрежденія) преступниковъ: 1) производство дѣла по обвиненію которыхъ было прекращено до судебного разсмотрѣнія вслѣдствіе признанія ихъ невмѣняемыми; 2) признанныхъ въ судебномъ засѣданіи приговоромъ суда невмѣняемыми и 3) болѣзнь которыхъ была установлена во время отбытія ими наказанія. Проф. Ашаффенбургъ въ своей новой книгѣ „Охрана общества отъ общеопасныхъ душевно-больныхъ преступниковъ“ (на нѣм. яз. 1912 г.) сообщаетъ результаты своего обслѣдованія въ этой области и нельзя не признать, что въ этомъ отношеніи сдѣлано еще очень мало. Въ 1887 г. при берлинской тюрьмѣ „Моабитъ“ было от-

крыто особое отдѣленіе для душевно-больныхъ преступниковъ, чтобы было удобнѣе наблюдать за ними. Съ тѣхъ поръ такія же отдѣленія были открыты еще въ шести мужскихъ тюрьмахъ Пруссіи. Если больные признаются выздоровѣвшими или симулянтами, то ихъ снова возвращаютъ въ тюрьму. Продолжительность такого наблюденія не можетъ быть выше 6 мѣсяцъ; въ случаѣ же надобности въ дальнѣйшемъ задержаніи такого больного, о немъ сообщается въ министерство юстиціи, наступаетъ перерывъ отбыванія наказанія, и арестантъ переводится въ обыкновенное заведеніе для душевно-больныхъ. Если онъ тамъ выздоравливаетъ, то возвращается для отбыванія наказанія въ тюрьму, но помѣщается сначала въ указанное нами наблюдательное отдѣленіе. Ашаффенбургъ свидѣтельствуется, что перемѣщеніе изъ наблюдательнаго отдѣленія въ больницу и оттуда снова въ тюрьму, чтобы черезъ нѣкоторое время отправить опять въ больницу, стало обычнымъ явленіемъ. Теперь въ Германіи уже имѣются заведенія, специально предназначенныя для душевно-больныхъ преступниковъ (напримѣръ, въ Берлинѣ „Дальдорфъ“ на 50 больныхъ) или отдѣленія для такихъ больныхъ (напримѣръ, въ Бранденбургѣ при заведеніи „Теупитцъ“ отдѣленіе на 50 кроватей). Особыя заведенія для душевно-больныхъ преступниковъ или отдѣленія для нихъ существуютъ въ Бельгіи, Франціи, Англіи, Голландіи (завед. „Медембликъ“), въ Италіи еще съ 1876 г., въ Норвегіи и въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ.

Помѣщеніе преступниковъ, признанныхъ душевно-больными, въ дома для душевно-больныхъ, предписывается теперь многими кодексами, а въ томъ числѣ и рус. Улож. о нак. Такъ, 95 ст. Улож. о нак. предписываетъ „заключать въ домъ умалишенныхъ“ безумныхъ отъ рожденія и сумасшедшихъ, учинившихъ убійство или покушеніе на него или покушеніе на самоубійство, поджегъ или покушеніе на него; ст. 96 факультативно предписываетъ отдачу въ эти же дома совершившихъ указанные преступления „въ припадкѣ умоизступленія или совершеннаго безпамятства“. Уголовн. улож. въ ст. 39 расширяетъ кругъ случаевъ обязательнаго помѣщенія невмѣняемыхъ преступниковъ во врачебныя заведенія (убійство, весьма тяжкое тѣлесное поврежденіе, изнасилованіе, поджогъ или покушеніе на к. н. изъ этихъ преступленій).

Мѣры безо-
пасности
противъ бро-
дягъ, ни-
щихъ, раз-
вратниковъ,
алкоголи-
ковъ.

Изъ европейскихъ кодексовъ бельгійское уложеніе ранѣе другихъ позаботилось принятіемъ мѣръ безопасности противъ профессионаловъ нищихъ и бродягъ. Оно исходило при этомъ изъ предположенія, что изъ категорій бродягъ и нищихъ формируются кадры опасныхъ преступниковъ. Послѣ отбытія ими наказанія они заключаются въ особые учрежденія на различные сроки. Проектъ новаго германскаго уложенія, въ раздѣлѣ мѣръ безопасности противъ различныхъ преступниковъ, допускаетъ послѣ отбытія наказанія заключеніе въ работный домъ на срокъ отъ 6 мѣс. до 3 лѣтъ осужденныхъ за профессиональный половой развратъ съ лицомъ того же пола, сводничество, торговля женщинами, воровство, вымогательство, мошенничество, нищенство, бродяжничество, половой развратъ, какъ профессію и пр. Впрочемъ эти мѣры имѣютъ болѣе ограниченную область примѣненія и въ дѣйствующемъ нѣмецкомъ правѣ. Австрійскій проектъ предписываетъ заключеніе въ особые дома для душевно-больныхъ преступниковъ признанныхъ невмѣняемыми, преступниковъ-пьяницъ (ст. 36). Германскій проектъ относитъ къ такимъ же мѣрамъ запрещеніе по судебному приговору посѣщать трактиры. Во Франціи, какъ мы видѣли, примѣняется высылка рецидивистовъ (релегация). Австрійскій проектъ предписываетъ высылку на всегда или на срокъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ осужденныхъ иностранцевъ и т. д.

Приведенные нами примѣры не исчерпываютъ всѣхъ случаевъ примѣненія мѣръ соціальной защиты противъ опасныхъ преступниковъ. Дѣлая ихъ общую оцѣнку надо отмѣтить, что онѣ часто слишкомъ близко подходятъ въ ихъ современной организаціи къ мѣрамъ уголовной репрессіи. При классовомъ устройствѣ государства понятіе соціально-опаснаго преступника можетъ въ дѣйствительности сводиться къ понятію преступника, опаснаго для интересовъ господствующаго класса. Въ тѣхъ случаяхъ, когда такія мѣры служатъ дѣйствительно къ общему благу всего соціальнаго организма, онѣ должны быть безъ тѣхъ придатковъ, которые стираютъ границу между наказаніемъ и средствомъ соціальной защиты.

Литература: *А. А. Жижиленко*. Мѣры соціальной защиты въ отношеніи опасныхъ преступниковъ. С. Пб. 1911 г. *А. Иринскъ*. Защита общества и преобразование уголовного права. Пер. М. 1912 г. *А. М. Рубашова*. Особые суды для малолѣтнихъ и система борьбы съ дѣтской преступностью М. 1912 г.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА.

С у б ъ е к т ъ п р е с т у п л е н і я.

Въ настоящее время уголовные кодексы считаютъ субъектомъ преступленія, т. е. отвѣтственнымъ передъ уголовнымъ судомъ, физическое лицо, человѣка, и въ нѣкоторыхъ, очень рѣдкихъ, случаяхъ также юридическое лицо, т. е. совокупность физическихъ лицъ, объединенныхъ преслѣдованіемъ общей цѣли, на примѣръ, акціонерныя компаніи, правленія торговыхъ домовъ, волостной сходъ и пр. Иначе обстояло въ древнемъ мірѣ и въ средніе вѣка. Въ то время все вниманіе сосредоточивалось на внѣшней сторонѣ; человѣкъ древняго міра не былъ способенъ проникнуть во внутренній міръ преступника. Для него рѣшающее значеніе имѣлъ размѣръ понесеннаго ущерба. Древніе народы шли въ этомъ отношеніи такъ далеко, что приносили на судъ даже неодушевленные предметы, на примѣръ, камень, который при своемъ паденіи убилъ человѣка. Въ такихъ случаяхъ жрецы разбивали этотъ камень и забрасывали его. Болѣе продолжительное время продержался судъ надъ животными. По законамъ евреевъ, быкъ, забодавшій человѣка, побиивался камнями; истреблялось, какъ нечистое, и то животное, надъ которымъ былъ совершенъ актъ скотоложства, а самъ преступникъ также умерщвлялся. Но судъ надъ животными встрѣчается довольно часто въ эпоху даже среднихъ вѣковъ и нѣкоторые процессы разбирались въ XVII вѣкѣ. При этомъ судъ надъ животными соблюдался обычныя процессуальныя формы; имъ назначался защитникъ; въ случаѣ присужденія къ казни, виновные отдавались въ распоряженіе палача, который получалъ за казнь ихъ обычное вознагражденіе. Такъ, на примѣръ, при разборѣ одного процесса въ 1522—1530 г.г. по обвиненію мышей въ епископствѣ Отгонскомъ, обвиняемымъ дѣлался вызовъ въ церквахъ, имъ былъ назначенъ защитникомъ знаменитый адвокатъ. При судѣ въ 1587 г. надъ насѣкомыми, уничтожившими виноградники въ С. Жульенѣ, потерпѣвшими и частными обвинителями былъ предложенъ насѣкомымъ для прокормленія особый участокъ и была назначена его экспертиза. Объясненіе этихъ процессовъ видятъ въ вѣрѣ въ демо-

новъ, переселявшихся въ этихъ насѣкомыхъ и животныхъ для вреда человѣку, почему частымъ наказаніемъ имъ и было проклятiе духовной власти.

Никакихъ сомнѣній не возникало въ прежнее время и относительно отвѣтственности юридическихъ лицъ. На членовъ общины, признанной виновной, налагалась обязанность вѣчнаго поминовенiя или на платьѣ ихъ нашивались особыя мѣтки и т. д. Французскій ученый Местръ, сторонникъ отвѣтственности юридическихъ лицъ, объясняетъ развитіе въ XVIII вѣкѣ противоположной теорiи тѣмъ, что въ этомъ вѣкѣ наиболѣе характернымъ было стремленіе къ освобожденію личности отъ всѣхъ связывающихъ ее узъ сословныхъ, религіозныхъ, корпоративныхъ. Такова была, между прочимъ, задача вел. фран. революціи. Но времена переимѣнились: вторая половина XIX вѣка выдвинула начала взаимопомощи, коопераціи, взаимоограниченiя въ цѣляхъ достиженiя общественнаго блага. Растутъ союзы, синдикаты и борются съ государствомъ. Съ ними надо считаться. Авторъ полагаетъ, что юридическое лицо можетъ и способно желать и способно учинить преступленіе. Къ юридическому лицу возможно примѣненіе карательныхъ мѣръ: закрытіе его, приравниваемое къ смертной казни, лишеніе правъ, штрафы и пр. Въ современной литературѣ вопросъ объ отвѣтственности юридическаго лица является спорнымъ. Но болѣе правильнымъ является его отрицательное разрѣшеніе: дѣйствiя юридическаго лица зависятъ отъ дѣйствiй отдѣльныхъ физическихъ лицъ, входящихъ въ его составъ; одни изъ нихъ могутъ быть противъ рѣшенiя, принятаго другими, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ приведеннаго въ исполненіе постановленiя. Борьба съ преступностью юридическихъ лицъ переносится такимъ образомъ на борьбу съ преступностью отдѣльныхъ физическихъ лицъ. Пресѣченіе дѣятельности юридическаго лица было бы во многихъ случаяхъ мѣрою, неоправдываемою необходимостью или лишнею по отношенію къ тѣмъ членамъ, которые не принимали никакого участiя въ совершенiи преступленiя.

Въ нашемъ Уложенiи о нак. имѣется 985 ст., устанавливающая наказаніе юридическаго лица—„общества“ за выдачу паспортовъ нищимъ и др. статьи, но Сенатъ не признаетъ въ рядѣ своихъ рѣшенiй принципа уголовной отвѣтственности юридическаго лица. Иначе поступаетъ административная практика.

Вмѣняемость.

**Различныя
опредѣленія
вмѣняемо-
сти.**

Современныя уголовныя законодательства считаютъ возможнымъ примѣнять наказаніе лишь къ лицамъ, обладающимъ вмѣняемостью, т. е. извѣстнымъ психическимъ состояніемъ, опредѣляемымъ въ кодексахъ и въ наукахъ весьма различно.

При господствѣ ученія о свободѣ воли въ наукахъ уголовного права были распространены теоріи, связывавшія понятіе вмѣняемости со свободой воли. Когда въ философіи и психологіи развилась противоположная доктрина, теоріи вмѣняемости стали строиться на различныхъ новыхъ началахъ.

Такъ, изъ русскихъ ученыхъ, отрицающихъ свободу воли, проф. Таганцевъ опредѣлилъ вмѣняемость какъ способность понимать свойство и значеніе совершаемаго и руководиться сознаннымъ. Его опредѣленіе вошло въ Уголовное Уложеніе. Проф. Сергѣевскій близко подходитъ къ этой же формулѣ. Для возможности примѣненія наказанія онъ требуетъ наличности слѣдующихъ способностей: 1) сознавать совершаемое и его отношеніе къ окружающему; 2) способность предвидѣть послѣдствія совершаемаго; 3) уразумѣвать предписанія закона и сознавать отношеніе совершаемаго къ закону; 4) принимать вообще всякаго рода въ словесной формѣ выраженные формулы въ число мотивовъ своей дѣятельности (стр. 210 рус. уг. пр. 1908 г.).

Появленіе новыхъ направленій въ наукахъ уголовного права привело къ пересмотру вопроса о вмѣняемости и къ предложенію реформъ и въ этой области. Сдѣланныя предложенія сводились или къ выработкѣ новыхъ опредѣленій вмѣняемости или къ отрицанію ученія о вмѣняемости и введенію понятія „опаснаго состоянія“ преступника. Познакомимся съ нѣкоторыми изъ этихъ новыхъ теченій.

**Теорія
Бине.**

Къ числу наиболее оригинальныхъ формулъ вмѣняемости слѣдуетъ отнести опредѣленія, выработанныя извѣстнымъ психологомъ Бине и соціологомъ Тардомъ. Первый изъ нихъ думалъ найти критерій вмѣняемости не въ самомъ дѣятелѣ, а въ отношеніи къ нему другихъ людей. Онъ нашелъ его въ чувствѣ негодованія, которое свойственно человѣку. Если чей либо поступокъ вызываетъ къ себѣ негодованіе, то авторъ поступка долженъ быть признанъ вмѣняемымъ. Если

же вмѣсто негодованія мы испытываемъ состраданіе, то имѣемъ передъ собою невмѣняемаго субъекта. Эта теорія смѣшиваетъ нравственную оцѣнку съ юридическою. Цѣлый рядъ преступныхъ дѣяній не вызываетъ къ себѣ ни состраданія, ни негодованія. Кто жалѣетъ потерпѣвшаго или преступника? Господствующимъ является безразличное отношеніе къ нимъ. Только преступленія, выдающіяся по своей жестокости или сопровождавшіяся какими либо особыми обстоятельствами, привлекаютъ къ себѣ общественное вниманіе. Вмѣсто негодованія общества мы видимъ часто негодованіе лишь какого нибудь одного класса и равнодушіе или даже одобреніе другого. Одно это обстоятельство обезцѣниваетъ научное значеніе формулы Бине. Нельзя не отмѣтить, что исторія судебныхъ процессовъ и судебныхъ ошибокъ знаетъ случаи, когда выдающіяся по своей жестокости преступленія вызывали въ судьяхъ такой взрывъ негодованія, что они отправляли на эшафотъ явно душевно-больныхъ.

Теорія Тардъ въ своей философіи уголовного права вы-
Тарда. двигаетъ два условія, необходимыхъ для вмѣняемости. Первое изъ этихъ условій называется идентичностью личности, а второе—соціальнымъ сходствомъ. Подъ идентичностью личности Тардъ понимаетъ постоянство ея внутренняго міра, ея „Я“. Онъ поясняетъ это на примѣрѣ древняго Рима. Римъ входитъ въ сношенія со своими сосѣдями; онъ заимствуетъ у нихъ искусства, нравы, даже боговъ, но его идентичность не страдаетъ, такъ какъ онъ приспособляетъ и перевариваетъ все, что поглощаетъ. Онъ взялъ все лучшее у Греціи, Этруріи, но только то, что отвѣчало его идеаламъ. Послѣ взятія Коринфа и завоеваній въ Азіи въ Римъ врывается, по словамъ Тарда, новый идеалъ философско-артистической эстетики. Между старымъ катехизисомъ и новою доктриною не могло быть соглашенія. Въ такія минуты наступаетъ потрясеніе соціального организма или „соціальное безуміе“, но въ то время, какъ въ соціальномъ организмѣ эти коллизіи, хотя бы и бурныя въ видѣ революціи, могутъ привести къ прогрессу, въ человѣкѣ замѣна его одного „Я“ другимъ „Я“ всегда знаменуетъ его пораженіе. Конечно, личность человѣка претерпѣваетъ измѣненія, особенно въ дѣтствѣ и юности, но, достигнувъ извѣстнаго возраста, она почти застываетъ. Ея тождество сохраняется при нормальныхъ условіяхъ неизмѣннымъ.

Что касается социального сходства, то Тардъ видитъ его въ обладаніи человѣкомъ взглядами на добро и зло, одинаковыми съ другими членами общества. Сужденія о добрѣ и злѣ стоятъ внѣ всякой зависимости отъ свободы или несвободы воли: „ни детерминизмъ, ни позитивизмъ, ни даже утилитаризмъ не запрещаютъ намъ, говоритъ Тардъ, этихъ сильныхъ и благородныхъ чувствованій омерзенія, благоговѣнія, культъ долга, стремленіе къ справедливости и ненависть къ несправедливости“.

Относительно условія вмѣняемости въ видѣ социального сходства слѣдуетъ отмѣтить, что Тардъ сдѣлалъ ошибку, которую совершаютъ многіе изслѣдователи, говорящіе объ общемъ благѣ, общественномъ мнѣніи и пр., между тѣмъ, какъ здѣсь было бы вѣрнѣе говорить объ интересѣ отдѣльныхъ классовъ, о различіяхъ въ ихъ „оцѣнкѣ добра и зла“. Вызываетъ замѣчаніе и другое утвержденіе Тарда объ идентичности: неизмѣнность нашего „Я“ противорѣчитъ теоріи эволюціи.

**Теорія,
отрицающія
вмѣняе-
мость.**

Если, какъ вѣрно замѣтилъ проф. Таганцевъ, воззрѣніе на условія вмѣняемости мѣняются въ зависимости отъ цѣлей уголовной кары, то ученіе о вмѣняемости должно претерпѣвать тѣмъ большія измѣненія, когда отрицается польза уголовной кары. Такъ проф. Листъ заявилъ, что различіе вмѣняемыхъ и невмѣняемыхъ имѣетъ основаніе только до тѣхъ поръ, пока государство ограничивается исправленіемъ и устрашеніемъ преступниковъ; если же мѣры борьбы съ преступностью сводятся къ обезпеченію общества, т. е. къ социальной оборонѣ, то вопросъ о вмѣняемости теряетъ всякое значеніе. На эту точку зрѣнія всталъ Ферри, развившій ее подробнѣе другихъ.

Въ тотъ періодъ борьбы съ преступностью, когда первенствующее значеніе принадлежало кровавой мести, идея нравственной отвѣтственности отсутствуетъ. Лишь съ переходомъ судебныхъ функцій къ жрецамъ, кара получаетъ характеръ божественнаго возмездія, искупленія и очищенія. Этотъ религіозный характеръ наказанія уступаетъ мѣсто идеѣ „воздающей справедливости“. Отъ обороны наказаніе шло къ фазѣ религіозной, этической, юридической. Ферри возвращается къ наказанію—оборонѣ. Но самъ авторъ считаетъ свое возвращеніе не простымъ повтореніемъ, но завершеніемъ цикла, содержащимъ въ себѣ

всѣ предшествующія завоеванія. Для примѣненія тѣхъ или другихъ средствъ защиты, достаточно такъ называемой проф. Ферри „физической вмѣняемости“. Она требуетъ, чтобы 1) преступленіе было совершено и 2) лицомъ, привлеченнымъ къ суду. Классическая школа, говоритъ Ферри, требуетъ, кромѣ физической вмѣняемости, еще нравственной, видя условія послѣдней въ свободной волѣ или въ нормальномъ разумѣніи. Позитивная школа отрицаетъ нравственную вмѣняемость и свободу воли. Для нея достаточно физической вмѣняемости. Мѣры обороны могутъ и должны быть различны въ зависимости отъ различія преступленій и преступниковъ. Но цѣлью ихъ должна быть только оборона общества: преступленіе показываетъ наличность индивидуальныхъ аномалій и соціальной болѣзни. Больные элементы должны быть удалены, а общественная среда должна быть оздоровлена. Въ этой дѣятельности не должно быть мѣста злобѣ. Слѣдовало бы устранить самое слово „наказаніе“, такъ какъ съ нимъ связывается идея искупленія, которой не должно быть мѣста. Мы уже знаемъ изъ предшествующаго изложенія, что Ферри различалъ классовую оборону и соціальную. Цѣлью борьбы съ преступностью должно быть благосостояніе общества; однимъ изъ первыхъ условій для достиженія этого надо считать уваженіе къ человѣческой личности, какъ къ личности преступниковъ въ учрежденіяхъ, куда они помѣщаются, какъ бы въ клиники, такъ и къ личности больныхъ въ больницахъ или сумасшедшихъ въ домахъ для помѣшанныхъ. (357 стр. русск. пер. соціологіи Ферри).

Въ послѣдніе три года въ наукѣ уголовного права усилилось движеніе въ сторону замѣны понятія вмѣняемости понятіемъ опасности. Криминалисты раздѣлились на нѣсколько лагерей, и вопросъ объ опасномъ состояніи сдѣлался предметомъ обсужденія на нѣсколькихъ мѣстныхъ и международныхъ съѣздахъ. Но до настоящаго времени онъ еще не разрѣшенъ. Нельзя даже признать, чтобы было выяснено понятіе опаснаго состоянія. Намѣчено нѣсколько группъ опасныхъ преступниковъ: бродягъ, нищихъ, тунеядцевъ, сутенеровъ, алкоголиковъ, душевно-больныхъ. Предложены различныя средства борьбы съ преступностью этихъ группъ. Въ однихъ случаяхъ сдѣланныя предложенія сводились къ продленію сроковъ заточенія осужденныхъ въ обыкновенныхъ тюрьмахъ, въ другихъ было рекомен-

довано устройство особыхъ учреждений, въ третьихъ—указывалось на необходимость изоляціи или леченія-исправленія преступника послѣ отбытія имъ наказанія.

Казалось бы, что для послѣдовательнаго сторонника соціологической школы наиболее правильно является точка зрѣнія Ферри, отрицающаго вмѣняемость и самый терминъ „наказаніе“. Но въ государственномъ и общественномъ строѣ, гдѣ наблюдается рѣзкое противорѣчіе классовыхъ интересовъ, проведеніе въ жизнь теоріи опаснаго состоянія преступника можетъ лишь увеличить интенсивность того вида обороны, который, по терминологіи Ферри, носитъ названіе классовой обороны въ противоположность соціальной оборонѣ. Мы считаемъ ошибочнымъ, что все вниманіе въ настоящее время сосредоточено на борьбѣ за введеніе понятія опаснаго состоянія преступника. Между тѣмъ судъ присяжныхъ обращаетъ большое вниманіе на безопасность преступниковъ и склоненъ оправдывать тѣхъ изъ нихъ, кого признаетъ безопасными. Освобожденіе ихъ отъ наказанія въ значительной степени задерживаетъ ростъ повторной преступности среди нихъ. Демократизація суда привела бы въ этомъ отношеніи къ еще большимъ результатамъ.

Формулы Отношеніе кодексовъ къ вопросу о вмѣняемости
вмѣняемо- весьма различно. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напри-
сти въ ко- мѣръ, французское уложеніе, обходятся безъ формулъ
денсахъ. вмѣняемости. Но большинство кодексовъ содержатъ не только опредѣленія условій вмѣняемости или невмѣняемости, но и указанія на отдѣльные случаи невмѣняемости. Эволюція доктрины въ этомъ вопросѣ нашла свое отраженіе въ различныхъ формулахъ кодексовъ о вмѣняемости. Германское уложеніе придаетъ рѣшающее значеніе свободѣ воли и объявляетъ не подлежащимъ вмѣненію поступокъ, совершенный лицомъ, находившимся въ безсознательномъ состояніи или во время такого душевнаго разстройства, которое исключало возможность свободного волеопредѣленія. Итальянское уложеніе также подчеркиваетъ признакъ свободы воли, какъ условіе вмѣняемости: оно освобождаетъ отъ наказанія лицъ, совершившихъ преступленіе въ такомъ состояніи умственныхъ способностей, которое лишало ихъ сознанія и свободы поступковъ.

Уложеніе о нак. не содержитъ формулы вмѣняемости и въ рядѣ статей перечисляетъ случаи, исключаютъ вмѣняемость.

Составители Уголовнаго уложенія, подвергнувъ всестороннему обсужденію критическія замѣчанія на опредѣленіе вмѣняемости, представленныя врачами и юристами, дали такую формулу (ст. 39): „не вмѣняется въ вину преступное дѣяніе, учиненное лицомъ, которое во время его учиненія не могло понимать свойства и значенія имъ совершаемаго или руководить своими поступками вслѣдствіе болѣзненнаго разстройства душевной дѣятельности, или безсознательнаго состоянія, или же умственнаго неразвитія, происшедшаго отъ тѣлеснаго недостатка или болѣзни“. Эта формула содержитъ двѣ части: въ первой говорится, что для вмѣняемости требуется понимать свойства и значеніе совершаемаго и руководить своими поступками, а во второй перечислены состоянія, исключаящія вмѣняемость. Эта формула не встрѣтила общаго одобренія и вызвала замѣчанія со стороны психіатровъ, находившихъ ее недостаточно ясною и охватывающею не всѣ случаи невмѣняемости.

Проекты новыхъ уложеній не отказались отъ опредѣленія вмѣняемости, но внесли, какъ мы видѣли, также понятіе опаснаго состоянія и уменьшенной вмѣняемости. Проекты видятъ уменьшенную вмѣняемость тамъ, гдѣ преступникъ обладаетъ въ меньшемъ объемѣ качествами или условіями, входящими въ понятіе вмѣняемости. Въ такихъ случаяхъ слѣдуемое виновному наказаніе уменьшается или онъ заключается въ особыя карательныя учрежденія (см., на примѣръ, ст. 4 австрійскаго проекта уложенія).

Обстоятельства, исключаящія вмѣняемость.

Малолѣтство. Къ числу обстоятельствъ, исключаящихъ вмѣняемость, относится малолѣтство. Уже старыя законодательства не считали возможнымъ подвергать наказаніямъ дѣтей до достиженія ими того или другого возраста. Эта возрастная граница опредѣлялась и опредѣляется теперь въ различныхъ уложеніяхъ не одинаково. Такъ, по русскому уложенію не считается вмѣняемымъ ребенокъ не достигшій 10 лѣтняго возраста, по германскому—12 лѣтняго, итальянскому—9 лѣтняго. Во французскомъ кодексѣ до закона 22 іюля 1912 г. объ учрежденіи дѣтскаго суда не было возраста невмѣняемости и о всякомъ малолѣтнемъ, не достигшимъ 18 лѣтъ, ставился вопросъ, дѣйствовалъ ли онъ съ разумѣніемъ или безъ него. Въ

настоящее время ребенокъ, не достигшій 13 лѣтъ, во всякомъ случаѣ не подлежитъ суду за совершенные имъ проступки и преступленія.

Въ новыхъ законодательствахъ ясно обнаруживается стремленіе повысить возрастъ невмѣняемости ребенка. Такъ, проектъ новаго германскаго уложенія повышаетъ этотъ возрастъ съ 12 до 14 лѣтъ, проектъ австрійскаго уложенія съ 10 до 14 лѣтъ. Одновременно съ этимъ замѣчается и другая особенность новыхъ проектовъ и кодексовъ болѣе поздняго происхожденія: прежнія законодательства, объявлявшія ребенка невмѣняемымъ, не интересовались его судьбою въ случаѣ совершенія имъ преступления до достиженія означеннаго возраста; такъ, по русскому уложенію, какъ скоро слѣдователь или судья убѣждаются, что ребенку нѣтъ 10 лѣтъ, они прекращаютъ производствомъ дѣло и отпускаютъ ребенка. Теперь законъ предписываетъ принятіе по отношенію къ такому ребенку тѣхъ или другихъ мѣръ опеки, но наше законодательство остается еще на прежней точкѣ зрѣнія.

Кромѣ эпохи безусловной невмѣняемости ребенка, законодательства знаютъ еще вторую эпоху, носящую названіе періода условной вмѣняемости. Такъ, по нашему законодательству, относительно малолѣтняго въ возрастѣ 10—17 лѣтъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ ставится вопросъ, дѣйствовалъ ли онъ съ разумѣніемъ или безъ него и въ зависимости отъ положительнаго или отрицательнаго отвѣта на этотъ вопросъ принимаются тѣ или другія мѣры исправленія или наказанія. По германскому уложенію такая эпоха продолжается отъ 12 до 18 лѣтъ, по проекту австрійскаго уложенія отъ 14 до 18 лѣтъ.

Наконецъ, нѣкоторыя уложенія, и въ числѣ нихъ наше знаютъ еще третій періодъ—смягченной отвѣтственности. Юные преступники отъ 17 до 21 г. подлежатъ по Уложенію о нак., въ случаѣ признанія ихъ виновными, менѣе строгимъ наказаніямъ, чѣмъ взрослые. Только относительно смертной казни нѣтъ прямого указанія ея замѣны. Теоретики толкуютъ это умолчаніе въ томъ смыслѣ, что смертная казнь не можетъ быть примѣнена къ недостигшему 21 г., но практика встала на другую точку зрѣнія.

Отмѣченное нами стремленіе новыхъ законоположеній въ различныхъ странахъ замѣнять наказаніе юнаго преступника

мѣрами опеки надъ нимъ является одною изъ побѣдъ соціологической школы, выяснявшей соціальныя причины дѣтской преступности. Знаменательнымъ является, что французскій законъ 22 іюля 1912 г. предписываетъ производить разслѣдованіе экономического положенія и нравственного состоянія семьи юнаго преступника, условій, въ которыхъ протекала его жизнь и особенностей его характера.

Идіотизмъ. Идіотизмъ также относится къ обстоятельствамъ, исключаящимъ вѣняемость. Уложеніе о нак. не употребляетъ этого термина, имѣющаго опредѣленное содержаніе въ медицинѣ и въ психіатріи, но практика распространяетъ на эти случаи статью 95 Улож. о нак., которая говоритъ о „безумномъ отъ рожденія“. Однако, кромѣ прирожденнаго идіотизма, возможенъ также и пріобрѣтенный и поэтому постановленія 95 ст. должны быть признаны неудовлетворительными.

Глухонѣмота. Основаній для освобожденія отъ наказаній глухонѣмыхъ, совершившихъ преступленія, имѣется много: глухонѣмые въ большинствѣ случаевъ не могутъ пріобрѣсти необходимыхъ для жизни знаній и приближаются въ этомъ отношеніи къ ребенку, часто даже уступая ему въ своемъ развитіи. Въ кодексахъ приняты различныя системы: французское уложеніе обходитъ вопросъ молчаніемъ; германское, бельгійское и венгерское предписываютъ ставить вопросъ о разумѣніи глухонѣмого и освобождаютъ его отъ наказанія въ случаѣ отрицательнаго отвѣта и наказываютъ мягче въ случаѣ утвердительнаго. Въ Италіи глухонѣмые до 14 лѣтъ невмѣняемы, а болѣе зрѣлаго возраста—подлежатъ наказанію лишь въ случаѣ признанія ихъ дѣйствовавшими съ разумѣніемъ. Улож. о нак. въ ст. 98 говоритъ: „глухонѣмые отъ рожденія, а равно лишившіеся слуха и языка въ дѣтскомъ возрастѣ, когда нѣтъ сомнѣнія, что они не получили ни черезъ воспитаніе, ни черезъ сообщество съ другими никакого понятія объ обязанностяхъ и законѣ, также не подвергаются наказаніямъ за преступленія и проступки“. Законъ допускаетъ изоляцію этихъ лицъ въ случаѣ совершенія ими нѣкоторыхъ тяжкихъ преступленій.

Душевные болѣзни. Однимъ изъ наиболее частыхъ случаевъ невмѣненія является душевная болѣзнь. Болѣзненные разстройства душевной дѣятельности очень разнообразны. Сторонникъ классической школы Таганцевъ и послѣдователь соціологической

школы Листъ согласно признають, что характеристика формъ душевныхъ болѣзней не входитъ въ задачу науки уголовного права. Въ дѣлахъ по обвиненію лицъ, относительно которыхъ возникло сомнѣніе не исключала ли душевная болѣзнь ихъ вмѣняемость, необходимо выслушиваніе специалистовъ экспертовъ; мнѣніе ихъ, впрочемъ, не является обязательнымъ для суда. Для признанія субъекта невмѣняемымъ необходимо, чтобы болѣзненное состояніе, исключавшее вмѣняемость, было въ моментъ совершенія преступленія. По вопросу о возможности наказанія преступника за преступленіе совершенное въ т. н. свѣтлые промежутки, т. е., во время кажущагося выздоровленія душевно-больного, теперь установилось почти общее согласіе: психіатрія отрицаетъ значеніе этихъ промежутковъ и признаетъ продолженіе болѣзненности и въ эти періоды.

Другія состоянія невмѣняемости. Перечисленными обстоятельствами, исключаящими вмѣняемость, не ограничивается кругъ всѣхъ случаевъ невмѣняемости. Теорія и кодексы знаютъ нѣсколько другихъ случаевъ. Такъ, на примѣръ, въ группу болѣзненныхъ или ненормальныхъ состояній организма, вліяющихъ на вмѣняемость, относятъ беременность, роды, послѣродовой періодъ, эпоху менструацій, гипнотическій сонъ и пр. Особое значеніе имѣетъ вопросъ о вліяніи опьянѣнія. Въ литературѣ и въ законодательствахъ дѣлались попытки различенія опьянѣнія вынужденнаго отъ добровольнаго, умышеннаго отъ неосторожнаго. Среди случаевъ умышеннаго опьянѣнія пытались выдѣлить опьянѣніе съ цѣлью сослаться на него какъ на обстоятельство, устраняющее вмѣняемость. Но въ настоящее время такое разграниченіе не проводится въ теоріи. Однако въ нашемъ Уложеніи сохранились слѣды разграниченія видовъ опьянѣнія. Ст. 106 Ул. о нак. предписываетъ назначать наказаніе въ высшемъ размѣрѣ за преступленіе, учиненное въ пьянствѣ, „когда доказано, что виновный привелъ себя въ сіе состояніе именно съ намѣреніемъ совершить сіе преступленіе“. Въ особенной части имѣется нѣсколько статей, допускающихъ смягченіе наказанія за преступленія, совершенныя пьяными; это преимущественно, религіозныя и государственныя преступленія. Въ большинствѣ законодательствъ опьянѣніе не упоминается особо какъ обстоятельство, исключющее вмѣняемость, но практика подводитъ такіе случаи подъ общую формулу невмѣняемости.

Литература: *Таганцевъ*. Русское уголовное право. 1902 г. I т. 379 стр. и слѣд. *Амонъ*. Детерминизмъ и вмѣняемость перев. подъ ред. Жижиленко. *Вейсманъ*. Новыя теченія въ нѣм. наукѣ объ уменьшен. вмѣняемости. 1907 г. *Ферри*. Уголовная социологія.

ВИНОВНОСТЬ.

Развитіе понятія виновности.

Современныя законодательства и значительное большинство теоретиковъ считаютъ отвѣтственными за преступленія лишь субъектовъ, которые встали къ совершенному ими дѣянію въ опредѣленное психическое состояніе, именуемое виновностью. Согласно этой теоріи только вмѣняемый субъектъ можетъ быть признанъ виновнымъ, но не всякое вмѣняемое лицо можетъ быть объявлено виновнымъ и кромѣ того различаются степени виновности умыселъ и неосторожность. Историческое развитіе понятія вмѣняемости и эволюція виновности тѣсно связаны между собою. Въ древнѣйшее время не проводилось различія не только между вмѣняемыми и невмѣняемыми, но также между умысленными, неосторожными и даже случайными дѣйствіями. Доктрина новѣйшаго времени, отрицающая вмѣняемость, отрицаетъ также и виновность. Содержаніе, вкладываемое въ понятіе виновности, стоитъ въ прямой связи съ тѣми цѣлями, которыя преслѣдуетъ уголовная политика. Различая умыселъ и неосторожность, какъ формы виновности, а иногда различая подвиды умысла, дѣйствующія законодательства и теоретики требуютъ строгаго различенія въ наказуемости виновныхъ: высшая виновность-предумышленіе — ведетъ за собою непременно повышенное наказаніе. Но съ такимъ ученіемъ теперь не всѣ согласны.

Виновность и ея формы. Опредѣленіе общаго понятія виновности связано съ большими трудностями и приводитъ теоретиковъ къ непримиримымъ разногласіямъ. Имѣющіяся формулы вины большею частью мало удовлетворительны. Часть же криминалистовъ и старые и новые кодексы ограничиваются опредѣленіями лишь видовъ виновности. Эти виды виновности сводятся къ двумъ: къ умыслу и неосторожности.

Умыселъ. Среди теоретическихъ опредѣленій умысла различаются попытки выдвинуть значеніе съ одной стороны „воли“, а съ другой „представленія“. Сторонники теорій первой группы опре-

дѣляютъ умыселъ, какъ хотѣніе преступнаго результата своихъ дѣйствій и при этомъ даютъ различныя понятія хотѣнія. Развившаяся съ начала XIX вѣка вторая группа теорій умысла, какъ предвидѣнія или представленія, не находится въ радикальномъ противорѣчій съ теоріями первой группы: были попытки ихъ примиренія. Теоріи умысла, какъ предвидѣнія, опредѣляютъ его, какъ предвидѣніе преступнаго результата. Родоначальникомъ этихъ теорій является нѣмецкій ученый Алмендингенъ, подробное же обоснованіе онѣ нашли у Беккера. По мнѣнію послѣдняго, нельзя говорить о хотѣніи результата, такъ какъ можно хотѣть лишь дѣйствія, какъ продукта волевого движенія. Франкъ старался подкрѣпить эти разсужденія историко-догматическимъ изслѣдованіемъ понятія умысла. Также и Листъ, критикуя волевою теорію, говоритъ, что хотѣніе обозначаетъ психо фیزیологическій актъ, влекущій за собою сокращеніе мышцъ и ни въ какомъ случаѣ не преступный результатъ.

Въ половинѣ XIX вѣка было очень распространено неисчезнувшее и теперь дѣленіе умысла на виды. Такъ, подъ именемъ прямого умысла понималось хотѣніе преступнаго результата; подъ именемъ непрямого или эвентуальнаго умысла понималось предвидѣніе преступнаго результата, но безразличное отношеніе къ нему лица, предпринявшаго то или другое дѣйствіе. По времени протекшему между задумываніемъ преступленія и его совершеніемъ, умыселъ раздѣляется (впрочемъ не во всѣхъ кодексахъ) на внезапный и обдуманый заранѣе. Сообразно съ психическимъ настроеніемъ дѣятеля умыселъ дѣлится на хладнокровный и аффектированный. Но если теперь въ доктринѣ раздаются требованія опредѣлять выборъ той или другой мѣры для преступника внѣ всякой зависимости отъ формы виновности, то значительно ранѣе сами сторонники классической школы высказывались противъ такого дробнаго дѣленія умысла, находя, что эта классификація лишена въ дѣйствительности всякаго практическаго значенія и является плодомъ схоластики.

Въ цѣломъ рядѣ европейскихъ кодексовъ мы не находимъ опредѣленій умысла. Такъ поступаютъ уложенія французское, болѣе позднѣе германское и еще болѣе молодое — голландское, норвежское и др. Иначе поступаютъ проекты новыхъ уложеній Австріи, Германіи, Швейцаріи. Такъ, австрійскій проектъ опредѣляетъ умыселъ, какъ желаніе наступленія того нарушенія или

вреда, наступленіе которыхъ обуславливаетъ наказуемость дѣянія; контръ проектъ германскаго уложенія: „умыселъ есть тамъ, гдѣ представленіе объ указанномъ въ законѣ послѣдствіи является побужденіемъ къ дѣянію“ и др. Уложеніе о нак: преступленія и проступки „раздѣляются на умышленныя и неумышленныя“ (ст. 3) и, согласно 4 ст., различаются двѣ степени умышленныхъ преступленій и проступковъ: „первая—когда противозаконное дѣяніе учинено вслѣдствіе не внезапнаго, а заранѣе обдуманнаго намѣренія или умысла; вторая—когда оно было учинено хотя и съ намѣреніемъ, но по внезапному побужденію безъ предумышленія“. Нашему Уложенію извѣстенъ также не прямой умыселъ (ст. 108 и 109). Уголовное Уложеніе отказалось отъ дѣленія умысла на заранѣе обдуманный и внезапный, но удержало дѣленіе его на прямой и не прямой: „преступное дѣяніе почитается умышленнымъ не только когда виновный желалъ его учиненія, но также когда онъ сознательно допускалъ наступленіе послѣдствія, обусловливающаго преступность сего дѣянія“ (ст. 48). Но, принимая такое различіе видовъ умысла, Уголовное Уложеніе не связываетъ съ этимъ непременно большаго или меньшаго наказанія виновнаго: судъ здѣсь не связанъ предписаніемъ закона.

Неосторожность. Опредѣленіе второго вида вины—неосторожности—вытекаетъ изъ формулъ умышленной вины. Такъ какъ умыселъ опредѣляется, какъ хотѣніе или предвидѣніе преступнаго результата, то ^косторожность характеризуютъ противоположными признаками: здѣсь нѣтъ хотѣнія и предвидѣнія преступнаго результата, или, по крайней мѣрѣ, если есть предвидѣніе его, то есть вмѣстѣ съ тѣмъ надежда, что преступный результатъ не наступитъ.

Тотъ видъ неосторожности, при которой дѣятель не предвидѣлъ наступленія преступнаго результата, хотя могъ бы его предусмотрѣть, если бы дѣйствовалъ съ должною осмотрительностью, носитъ названіе небрежности. Если же дѣятель предвидѣлъ его, но надѣялся, что онъ не наступитъ, то неосторожность носитъ названіе самонадѣянности. Вопросъ о значеніи этихъ видовъ неосторожности при наказуемости преступника былъ очень спорнымъ среди криминалистовъ, но въ настоящее время онъ потерялъ всю свою остроту, и новые кодексы отказываются проводить въ своихъ статьяхъ это раздѣленіе неосто-

рожности на виды. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ законодательства обращаютъ вниманіе является ли неосторожная вина послѣдствіемъ совершенія дѣйствія, разрѣшеннаго закономъ или запрещеннаго и не лежала ли на дѣятелѣ обязанность особой осмотрительности въ виду, напримѣръ, его профессіи, какъ врача и пр. Уложеніе о нак. проводитъ систему слишкомъ дробнаго дѣленія неосторожности. Уголовное же уложеніе внесло значительное упрощеніе. Оно опредѣлило неосторожность такъ: „преступное дѣяніе почитается неосторожнымъ не только, когда виновный его не предвидѣлъ, хотя могъ и долженъ былъ оно предвидѣть, но также, когда онъ, хотя и предвидѣлъ наступленіе послѣдствія, обусловливающаго преступность сего дѣянія, но легкомысленно предполагалъ такое послѣдствіе предотвратить“ (48 ст.). Относительно наказуемости при неосторожной винѣ Уголовное уложеніе постановляетъ, что преступленія наказываются при наличности неосторожности лишь въ случаяхъ, особо указанныхъ закономъ; наоборотъ, проступки наказываются и при неосторожной винѣ, кромѣ случаевъ, особо оговоренныхъ въ законѣ.

Случай. Если въ дѣйствіяхъ лица не было умышленной или неосторожной вины, то мы имѣемъ дѣло со случаемъ. Такимъ образомъ, случай будетъ тамъ, гдѣ лицо не только не хотѣло преступнаго результата, но и не предвидѣло его и не могло предвидѣть. При такихъ обстоятельствахъ дѣяніе считается не подлежащимъ наказанію, такъ какъ здѣсь нѣтъ вины. Уложеніе о нак. въ ст. 5 говоритъ: „зло, сдѣланное случайно, не только безъ намѣренія, но и безъ всякой со стороны учинившаго оное неосторожности, не считается виною“. Согласно 42 ст. Уголовнаго уложенія „не вмѣняется въ вину преступное дѣяніе, коего учинившій не могъ предвидѣть или предотвратить“.

Литература: Г. С. Фельдштейнъ. Ученіе о формахъ виновности въ уголовномъ правѣ. М. 1902 г. Таганцевъ Н. С. Русское уголовное право. 1902 г. I т. стр., 562 и слѣд.

М О Т И В Ъ.

Мотивъ. Въ то время, какъ старая доктрина опредѣляла размѣръ наказанія въ зависимости отъ формы виновности, сторонники новыхъ школъ въ наукѣ уголовного права выдвигаютъ

значеніе здѣсь мотива. Впрочемъ, попытки приданія мотиву въ уголовномъ правѣ большаго значенія, чѣмъ придавали ему законодательства, были сдѣланы также нѣкоторыми послѣдователями классическаго направленія, но онѣ прошли мало замѣченными. Въ русской литературѣ сторонникъ соціологической школы проф. М. П. Чубинскій посвятилъ ученію о роли мотива въ уголовномъ правѣ спеціальное изслѣдованіе и справедливо требовалъ, чтобы законодательства обратили, наконецъ, должное вниманіе на этотъ дѣйствительно важный вопросъ. Изъ нѣсколькихъ опредѣленій мотива наиболее правильнымъ надо признать то, которое даетъ проф. Чубинскій: „Мотивъ есть внутренняя сила, которая, порождая волевой процессъ, движетъ индивидомъ въ его сознательной дѣятельности и приводитъ при содѣйствіи всей его психики къ совершенію преступнаго дѣянія“.

Чѣмъ старѣе кодексъ, тѣмъ меньшимъ признаніемъ пользуется въ немъ значеніе мотива. Къ числу уложеній, въ которыхъ мы не находимъ сколько нибудь приближающейся къ правильной постановки интересующаго насъ вопроса, относится наше Улож. о нак. Законодатель по общему правилу не считается съ мотивомъ преступника: при существованіи тѣлесныхъ наказаній они назначались за самыя различныя преступленія и въ томъ числѣ даже за политическую пропаганду или другія сходныя преступленія; въ настоящее время Уложеніе допускаетъ заключеніе въ крѣпость, какъ не безчестящее наказаніе, за нѣкоторыя политическія и другія преступленія, но оно же назначаетъ въ другихъ совершенно сходныхъ случаяхъ заключеніе въ тюрьму. Въ очень немногихъ случаяхъ Уложеніе освобождаетъ отъ наказанія во вниманіе къ мотиву (напримѣръ, самоубійство изъ патріотизма, или для спасенія женщиною ея цѣломудрія, при превышеніи власти изъ мотива государственной пользы и нѣк. др.). Къ числу мотивовъ, увеличивающихъ наказаніе, Уложеніе относитъ фанатизмъ, корысть (при убійствѣ) и пр. Оно относитъ къ числу мотивовъ, уменьшающихъ отвѣтственность, стыдъ и страхъ при дѣтоубійствѣ, невѣжество и суевѣріе при убійствѣ урода, родственныя чувства при недонесеніи о совершенномъ преступленіи, крайность и совершенное неимѣніе средствъ къ пропитанію и нѣк. др.

Проекты новыхъ уложеній поступаютъ иначе и въ нѣкоторыхъ случаяхъ говорятъ о значеніи мотива, какъ обстоятельства,

повышающаго или понижающаго отвѣтственность уже въ общей части (таковъ контръ проектъ нѣмецкихъ профессоровъ ст. 81, швейцарскій проектъ 1908 г. ст. 50 и др.). Однако, названные проекты не дѣлаютъ въ указанномъ направленіи рѣшительныхъ шаговъ и останавливаются на полпути, такъ какъ не отказываются отъ установленія понятій квалифицированныхъ и привилегированныхъ преступленій на основаніи объективныхъ признаковъ.

Литература: *Чубинскій, М. П.* Мотивъ преступной дѣятельности и его значеніе въ уголовномъ правѣ. Яросл. 1900 г.

ВОСЬМАЯ ГЛАВА.

Обстоятельства, устраняющія преступность дѣянія.

Какъ ни тѣсно связана съ идеей преступленія идея наказанія въ доктринѣ классическаго направленія, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ она считаетъ необходимымъ объявлять совершенныя дѣянія не подлежащими карѣ. Она, а вмѣстѣ съ нею и уголовные кодексы, считаютъ дѣянія въ такихъ случаяхъ извинительными или правомѣрными. Въ число такихъ обстоятельствъ, устраняющихъ преступность, входятъ: исполненіе закона, исполненіе приказа, осуществленіе дисциплинарной власти, необходимая оборона и крайняя необходимость.

Исполненіе закона и приказа. Относительно непреступности исполненія закона не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Если лишеніе чело-вѣка жизни именуется при извѣстныхъ условіяхъ убійствомъ и влечетъ за собою строгія наказанія, то лишеніе жизни, совершенное въ исполненіе приговора палачемъ, является правомѣрнымъ актомъ. Въ 44 ст. Уголовнаго Уложенія этотъ принципъ выраженъ въ словахъ: не почитается преступнымъ дѣяніе, учиненное въ исполненіе закона (ст. 44).

Болѣе сложнымъ является вопросъ о значеніи приказа. Наиболѣе консервативная теорія слѣплого безпрекословнаго подчиненія служащаго начальству оправдываетъ исполнившаго приказъ, не смотря на явную незаконность этого приказа. Большинство теоретиковъ, однако, держится противоположнаго мнѣнія и ставитъ рядъ ограничительныхъ условій: компетентность лица, отдавшаго приказъ, соблюденіе узаконенной формы приказа и нѣк. др. Такъ, напримѣръ, проф. Таганцевъ вмѣстѣ съ другими полагаетъ, что не можетъ быть освобождено отъ наказанія лицо, исполнившее приказъ, отданный въ установленной формѣ надлежащимъ начальствомъ, но явно преступный по его содержанію. Послѣднее мнѣніе нашло себѣ практическое осуществленіе въ Уголовномъ уложеніи, которое въ 44 ст. говоритъ: „не почитается преступнымъ дѣяніе, учиненное въ исполненіе . . . приказа по службѣ, даннаго подлежащею властью въ предѣлахъ ея вѣдомства, съ соблюденіемъ установленныхъ на то правилъ и не предписывавшаго дѣянія, явно преступнаго“.

**Осуществле-
ніе своего
права, дис-
циплинар-
ной власти
и проч.** Въ группѣ случаевъ осуществленія своего права, какъ условія непреступности дѣянія, могутъ быть различаемы осуществленіе своего частнаго права, дисциплинарной власти, профессиональнаго долга. Всѣ эти случаи могутъ быть очень разнообразны. Въ первой группѣ возможны различныя комбинаціи: пользованіе собственника его имуществомъ во вредъ другимъ лицамъ, уничтоженіе имъ своихъ вещей и т. д.; на всѣ эти дѣйствія онъ управомоченъ, по сколько не существуетъ въ законѣ специальныхъ ограниченій въ интересахъ общества или отдѣльныхъ лицъ. Что касается непреступности осуществленія дисциплинарной власти, то мы имѣемъ ее во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда лицо, не выходя изъ предоставленныхъ ему границъ дѣятельности, пользуется правами, связанными съ принадлежащею ему властью. Напримѣръ, учитель наказываетъ ученика, начальникъ дѣлаетъ замѣчаніе подчиненному и пр. Сходно разрѣшаются случаи, вытекающіе изъ отправленія лицомъ его обязанности (напримѣръ, производство операціи, переливаніе крови, умерщвленіе плода для спасенія жизни беременной и т. п.). По мнѣнію проф. Листа, отъ профессиональной этики зависитъ должно ли, напримѣръ, быть испрошено согласіе потерпѣвшаго лица или оно не является обязательнымъ. Впрочемъ, этотъ вопросъ разрѣшается въ литературѣ и кассационной практикѣ не одинаково и вызываетъ не мало споровъ.

**Необходимая
оборона.** Необходимою обороною называется отраженіе противоправнаго нападенія посредствомъ причиненія вреда нападающему. Такое теоретическое опредѣленіе принято съ тѣми или другими измѣненіями въ современныхъ законодательствахъ. Въ законодательствахъ древнѣйшаго времени необходимая оборона признавалась лишь при защитѣ жизни и тѣлесной неприкосновенности. Развитіе этого института шло въ сторону его постепеннаго расширенія: увеличивался объемъ интересовъ, подлежащихъ защитѣ и отмѣнялись классовыя неравенства, предоставлявшія высшимъ сословіямъ болѣе широкую возможность защиты, нежели низшимъ. Въ доктринѣ институтъ необходимой обороны привлекъ къ себѣ усиленное вниманіе криминалистовъ, начиная со среднихъ вѣковъ: они изслѣдовали вопросы объ основаніяхъ права необходимой обороны, ея пре-

дѣлахъ и пр. Въ настоящее время теорія высказывается за самое широкое примѣненіе разсматриваемаго нами института.

Нападеніе при необходимой оборонѣ должно быть противоправно: нельзя обороняться противъ законно дѣйствующаго лица. Безразлично кто является нападающимъ: вполне допустима оборона противъ представителя власти, вышедшаго изъ предоставленныхъ ему предѣловъ полномочія. Можно обороняться лишь противъ совершающагося нападенія, но отсюда не слѣдуетъ выводить заключенія, что необходимо ждать начала насильственныхъ дѣйствій, напримѣръ, перваго удара и т. д. Не будетъ необходимой обороны тамъ, гдѣ узнавшій о предстоящемъ на него завтра нападеніи врага, убиваетъ его сегодня. Невозможна оборона и противъ окончившагося нападенія.

Допускается защита всѣхъ благъ безъ исключенія какъ своихъ, такъ и чужихъ. Въ болѣе раннее время, когда теорія крѣпко держалась за необходимость широкаго примѣненія наказанія, исключалась защита чужихъ благъ.

Не требуется, чтобы подвергнувшійся нападенію занимался при отраженіи нападенія выясненіемъ вопроса, бывшаго одно время спорнымъ о соотношеніи блага угрожаемаго и блага напавшаго лица.

Но требуется, чтобы защищающійся не выходилъ изъ границъ необходимаго. Иначе наступаетъ превышеніе предѣловъ необходимой обороны. Если какое либо лицо причиняетъ вредъ другому, ошибочно признавъ наличность нападенія, въ дѣйствительности неимѣвшаго мѣста, то наступаетъ положеніе, которое криминалисты называютъ „мнимою обороною“. Разрѣшеніе такихъ случаевъ зависитъ отъ того значенія, которое придается субъективному и объективному моментамъ.

Уложен. о нак. даетъ сѣуженное опредѣленіе необходимой обороны, допуская ее только для защиты опредѣленныхъ благъ, какъ своихъ, такъ и третьихъ лицъ (ст. ст. 101—103). Иначе поступаетъ Угол. Улож., не знающее этихъ ограниченій (ст. 45). По Уст. о нак., налаг. мир. суд., проступки не вѣняются въ вину, когда они совершены по необходимой оборонѣ (ст. 10 п. 5).

Крайняя необходимость. Близко къ институту необходимой обороны подходитъ институтъ крайней необходимости. Крайней необходимостью называется защита собственными силами юридическихъ благъ посредствомъ причиненія вреда третьимъ лицамъ.

Въ теоріи до сихъ поръ остается спорнымъ какое мѣсто въ системѣ долженъ занимать этотъ институтъ и насколько широко допустимо его дѣйствіе. Криминалистъ соціологъ Листъ, классикъ Таганцевъ—сторонникъ болѣе либеральныхъ и гуманныхъ теченій въ области ученія о преступленіи и наказаніи, отводятъ необходимой оборонѣ и крайней необходимости мѣсто среди обстоятельствъ, исключающихъ преступность дѣянія. Наоборотъ, сторонникъ противоположнаго теченія въ той же классической школѣ—Сергѣевскій—видитъ между обоими институтами принципиальное различіе. Онъ усматриваетъ въ расширеніи института крайней необходимости „упадокъ духа и ослабленіе чувства законности въ гражданахъ“, а въ расширеніи необходимой обороны „признакъ развитія гражданскихъ силъ въ обществѣ“. По мнѣнію этого автора, законодательство должно заботиться объ ограниченіи этого института (стр. 272—273 Рус. уг. пр. 1908). Сергѣевскій поэтому отводитъ крайней необходимости мѣсто среди случаевъ невмѣненія.

Уже въ древнѣйшемъ законодательномъ памятникѣ Хамураби имѣется прямое указаніе на признаніе значенія за крайнею необходимостью: „если кто попадетъ въ плѣнъ и въ домъ его не будетъ средствъ къ жизни и жена его уйдетъ въ другой домъ, то нѣтъ ея вины“ (ст. 134). Наоборотъ, она подлежитъ смерти, если уходитъ изъ дома, въ которомъ остаются съѣстные припасы. Развитіе института въ кодексахъ и въ теоріи началось съ его признанія при спасеніи жизни и въ частности отъ голодной смерти. Даже суровые каноническіе писатели признавали необходимость освобожденія отъ наказанія въ въ случаяхъ совершенія наказуемыхъ дѣяній по крайней необходимости. Въ обоснованіе ненаказуемости кражи по голодной нуждѣ указывали на примѣръ Христа, разрѣшившаго своимъ ученикамъ рвать колосья въ полѣ и ѣсть зерна для утоленія голода. Были даже указанія, что въ періоды острой нужды воскресаетъ коммунистическая собственность древнихъ христіанъ, что здѣсь нѣтъ грѣховнаго побужденія.

Въ русскомъ правѣ наиболѣе яркое указаніе на признаніе крайней необходимости встрѣчается лишь въ Воинскомъ Уставѣ Петра I: наказаніе воровства обыкновенно умаляется или весьма оставляется, если кто изъ крайней голодной нужды съѣстное или питейное иное что невеликой цѣны украдетъ (ст. 195).

Впрочемъ, указаніе на признаніе этого института встрѣчается и въ Улож. Алексѣя Михайловича. Уложеніе 1845 г. признало крайнюю необходимость лишь при защитѣ своей жизни. Уголовн. улож. допускаетъ крайнюю необходимость какъ при защитѣ жизни (1 ч. 46 ст.), такъ и другихъ благъ своихъ или другого лица, если учинившій дѣяніе имѣлъ достаточное основаніе считать причиняемый имъ вредъ маловажнымъ сравнительно съ охраняемымъ благомъ (2 ч. ст. 46).

Самыя различныя силы могутъ вызвать состояніе опасности при крайней необходимости: нападенія человѣка, силы природы, особыя состоянія человѣческаго организма, нападеніе животнаго. Многочисленныя попытки классификаціи такихъ причинъ не имѣютъ практическаго значенія, такъ какъ характеръ причины не оказываетъ никакого вліянія на юридическую природу института. Нѣкоторые, напримѣръ нѣмецкій ученый Кестлинъ, русскій проф. Будзинскій, исключаютъ изъ понятія крайней необходимости случаи совершенія запрещенныхъ уголовнымъ закономъ дѣяній подъ вліяніемъ психическаго принужденія. Однако, нѣтъ серьезныхъ основаній для такого выдѣленія. Такъ, напримѣръ, Будзинскій указываетъ, что въ случаяхъ психическаго принужденія средство предотвращенія опасности указывается, а въ случаяхъ крайней необходимости оно выбирается самостоятельно. Но ошибочно полагать, что юридическая природа крайней необходимости можетъ быть измѣнена въ случаѣ выбора подвергнувшимся опасности средства своего спасенія не самостоятельно (напримѣръ, растерявшійся прохожій, подвергнувшійся нападенію собаки, бросается въ чужую квартиру, слѣдуя совѣту другого лица).

Опасность должна быть въ настоящемъ и неотвратима другими средствами, кромѣ причиненія вреда третьимъ лицамъ. Различно разрѣшаютъ вопросъ о возможности спасенія посредствомъ бѣгства, обмана и т. п. Нѣкоторые высказываются противъ такихъ способовъ защиты, заявляя, что требованіе бѣгства, предъявляемое къ находящимся въ опасности, развило бы трусливость въ гражданахъ. Но при этомъ забывается, что проявленіе въ такихъ случаяхъ смѣлости совершается за счетъ интересовъ третьихъ лицъ.

Въ настоящее время крайняя необходимость допускается при защитѣ всѣхъ благъ, хотя и не по всѣмъ законодатель-

ствамъ. Проф. Сергѣевскій высказывается противъ защиты чужихъ благъ, такъ какъ это значитъ, по его мнѣнію, отдавать чужія блага на усмотрѣніе перваго встрѣчнаго. Но здѣсь опускается изъ вниманія уголовно-политическое значеніе солидарности, значеніе отсутствія равнодушнаго отношенія къ находящемуся въ опасности человѣку: подавленіе этого чувства солидарности не отвѣчаетъ общественнымъ интересамъ.

По вопросу о предѣлахъ защиты законодательства требуютъ, чтобы низшее благо не защищалось за счетъ высшаго и устанавливаютъ, какъ общее положеніе, что существованіе особыхъ обязанностей, исполненіе которыхъ связано съ опасностью, исключаетъ возможность ссылки на крайнюю необходимость (напримѣръ, опасность для сражающихся солдатъ на полѣ битвы).

Литература: *Кони*. Необходимая оборона. 1866. *Фельдштейнъ*. О необходимой оборонѣ. 1899. *Рейнардтъ*. Необходимая оборона. Казань. 1898. *Розинъ*. О крайней необходимости. 1899 г.

ДЕВЯТАЯ ГЛАВА.

Совершеніе преступнаго дѣянія.

Прежде чѣмъ преступникъ достигъ задуманнаго имъ результата, его дѣятельность проходитъ черезъ нѣсколько стадій: онъ обдумываетъ планъ преступленія, дѣлаетъ различныя приготовленія для его совершенія, приступаетъ къ исполненію и, смотря по успѣшности дѣятельности, достигаетъ или не достигаетъ тѣхъ результатовъ, къ которымъ онъ стремился. Такимъ образомъ, въ области науки уголовного права и въ законодательствахъ возникаетъ вопросъ о значеніи обнаруженія умысла, приготовленія, покушенія и исполненія.

Обнаруженіе умысла. Если лицо, предположившее совершить преступленіе, обнаруживаетъ свой умыселъ, то согласно дѣйствующихъ законодательствъ оно, по общему правилу, не подлежитъ наказанію. Одно обнаруженіе умысла на словахъ или на письмѣ еще не даетъ увѣренности, что вслѣдъ за нимъ послѣдуетъ приведеніе его въ исполненіе. Такимъ образомъ, признается, что въ такихъ случаяхъ карательное воздѣйствіе на личность не имѣетъ подъ собою твердыхъ основаній. Съ точки зрѣнія теорій, выдвигающихъ опасное состояніе личности и мѣры соціальной обороны вмѣсто наказанія, такое голое обнаруженіе умысла также признается не подлежащимъ никакому воздѣйствію въ интересахъ гарантій личной свободы.

Приготовленіе. Умыселъ совершить преступленіе можетъ быть обнаруженъ не только на словахъ и на письмѣ, но и на дѣлѣ, т. е. совершеніемъ нѣкоторыхъ дѣйствій, не входящихъ въ составъ понятія преступленія. Сюда входитъ приготовленіе средствъ для совершенія преступленія и ихъ приспособленіе для такого совершенія. Такія дѣйствія носятъ названіе приготовительныхъ. Точно также, какъ и голый умыселъ, приготовленіе, по общему правилу, не влечетъ за собою примѣненія кары, такъ какъ господствующая теорія и законодательства считаютъ, что здѣсь не можетъ быть увѣренности въ совершеніи задуманнаго преступленія. Но эта же теорія и законодательства допускаютъ нѣкоторыя исключенія изъ приведеннаго общаго правила и, выдвигая принципъ опасности, допу-

скають наказуемость приготавленія къ нѣкоторымъ преступленіямъ. Въ Улож. о нак. въ ст. 112 приготавленіе объявляется ненаказуемымъ, кромѣ спеціально оговоренныхъ случаевъ и когда „употребленныя средства были противозаконны“ и самое приобрѣтеніе средствъ было соединено съ опасностью для какого либо частнаго лица или многихъ лицъ или всего общества. Эта статья вызываетъ нѣсколько замѣчаній: средства не могутъ быть „противозаконны“, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть опасности для всего общества, не можетъ быть общей опасности также отъ факта приобрѣтенія къмъ либо средствъ и т. д. Добровольно оставленное приготавленіе (ст. 113) не подлежитъ наказанію за исключеніемъ случаевъ, когда наказуемость такого приготавленія особо указана въ законѣ. Уголовное Уложеніе наказываетъ приготавленіе также только въ случаяхъ особо закономъ указанныхъ, и если при томъ „оно было остановлено по обстоятельству, отъ воли виновнаго независѣвшему“. Это Уложеніе называетъ приготавленіемъ приобрѣтеніе или приспособленіе средства для приведенія въ исполненіе умышеннаго преступнаго дѣянія (ст. 50). Въ отступленіе отъ этихъ теоретическихъ началъ составители Уголовнаго Уложенія допустили наказуемость приготавленія, одинаковую съ оконченымъ преступленіемъ, если сдѣланы приготавленія къ совершенію преступленія, указаннаго въ 99 ст.: здѣсь приготавленіе, покушеніе и совершеніе наказываются смертною казнью.

Покушеніе. Покушеніе занимаетъ мѣсто среднее между приготавленіемъ и оконченымъ преступленіемъ. Криминалисты классическаго направленія вели горячіе споры объ установленіи границы, отдѣляющей покушеніе съ одной стороны отъ приготавленія, а съ другой—отъ оконченаго преступленія. Одни изъ теоретиковъ пытались найти отличительныя черты въ объективной сторонѣ, т. е. въ характерѣ совершенныхъ дѣйствій, другіе же въ субъективныхъ моментахъ, т. е. въ самихъ виновныхъ. Такъ, напримѣръ, проф. Колоколовъ, авторъ спеціальнаго труда на тему о покушеніи, видѣлъ покушеніе тамъ, гдѣ субъектъ выполнилъ всѣ предположенные имъ акты, но преднамѣренный результатъ или вовсе не осуществился или осуществился инымъ путемъ или на другомъ лицѣ. Цахарія опредѣляетъ покушеніе, какъ такое намѣренное дѣйствіе или упущеніе, направленное на совершеніе преступленія, которое не

осуществляетъ всего того, что принадлежитъ къ законному составу оконченнаго деликта. Сторонники субъективныхъ теорій считаютъ покушеніемъ тѣ дѣйствія, которыя даютъ возможность распознать преступную волю лица, рѣшившагося достигъ преступнаго результата. Таковы теоріи Баумгартена, Бауера и др. Въ происшедшихъ и происходящихъ до настоящаго времени спорахъ о достоинствахъ и недостаткахъ объективныхъ и субъективныхъ теорій указывалось на несовершенство всѣхъ сдѣланныхъ попытокъ опредѣленія покушенія: отмѣчалась не-правильность отнесенія нѣкоторыхъ дѣйствій къ началу исполненія, опровергалась возможность распознаванія „энергичной“ преступной воли въ покушеніи и т. д. Въ современныхъ законодательствахъ преобладаетъ стремленіе предоставлять усмотрѣнію суда констатированіе покушенія какъ начала исполненія преступленія. Въ такомъ смыслѣ, впрочемъ, высказалось еще французское уложеніе въ началѣ 19 вѣка. Также опредѣляетъ покушеніе контръ-проектъ германскаго уложенія: „кто съ умысломъ совершить преступленіе или проступокъ началъ приведеніе въ исполненіе этого преступленія или проступка, однако, преступленіе или проступокъ не были окончены, тотъ подлежитъ наказанію за покушеніе“. Таково же опредѣленіе послѣдняго проекта австрійскаго уложенія (ст. 14). Сходное опредѣленіе даетъ Уголовное Уложеніе: „дѣйствіе, коимъ начинается приведеніе въ исполненіе преступнаго дѣянія, учиненія коего желалъ виновный, не довершеннаго по обстоятельству, отъ воли виновнаго не зависѣвшему, почитается покушеніемъ“ (ст. 49). На этой же точкѣ зрѣнія стоитъ Уложеніе о нак (ст. 9). Также германское улож. ст. 43 и др.

Въ современныхъ законодательствахъ покушеніе влечетъ для виновнаго меньшее наказаніе, нежели оконченное дѣяніе. На этой точкѣ зрѣнія стоятъ и названные нами проекты новыхъ уложеній.

Покушеніе дѣлится на нѣсколько видовъ: 1) покушеніе *оконченное* есть тамъ гдѣ лицо выполнило всѣ преднамѣренныя имъ дѣйствія, но желательный результатъ не наступилъ. 2) Покушеніе *неоконченное* есть въ тѣхъ случаяхъ, когда лицо не исполнило всѣхъ тѣхъ дѣйствій, которыя оно считало необходимыми для полученія преступнаго результата. Послѣдній видъ покушенія дѣлится въ свою очередь на два вида: а) *доброволь-*

но оставленное покушение и б) *воспрепятствованное* покушение. Съ указываемымъ дѣленіемъ покушенія связывается различная наказуемость его видовъ. Добровольно оставленное покушение ведетъ къ освобожденію отъ наказанія, оконченное покушение карается часто строже, нежели неоконченное. Объясненіе этому надо искать въ особомъ отношеніи кодексовъ и старой доктрины къ внѣшней сторонѣ и въ стремленіи поставить дѣятельности суда узкія границы. Поскольку субъективная сторона преступленія будетъ получать большее признаніе, постолько будутъ отпадать стѣсненія судейскаго усмотрѣнія.

Литература классическаго направленія охотно занималась разрѣшеніемъ случаевъ, когда покушавшійся на преступленіе употребилъ негодныя средства, т. е. такія, которыя не могли привести къ совершенію преступленія или когда покушеніе было совершено надъ такъ называемымъ негоднымъ субъектомъ, т. е. не обладающимъ тѣмъ благомъ, на лишеніе котораго направляется дѣятельность покушающагося.

Вопросъ о значеніи для наказуемости употребленія негодныхъ средствъ разсматривался еще римскими юристами и въ средніе вѣка по отношенію къ отдѣльнымъ преступленіямъ. Фейербахъ перенесъ споръ на болѣе общую почву и выдвинулъ требованіе наказанія лишь опаснаго покушенія. Нѣмецкіе ученые середины XIX вѣка дѣлили средства на абсолютно и относительно негодные, т. е. негодные лишь при данныхъ обстоятельствахъ и всегда негодные. Противъ такого дѣленія возсталъ Бури, авторъ т. н. субъективной теоріи. Онъ придавалъ рѣшающее значеніе субъективному моменту и требовалъ наказуемости покушенія и въ разсматриваемыхъ нами случаяхъ. На эту точку зрѣнія всталъ и высшій нѣмецкій судъ, высказавшійся за наказуемость также абсолютно негоднаго покушенія. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ было выдвинуто значеніе субъективной опасности дѣятеля и необходимость борьбы съ нею. Практика русскаго Сената не отличается постоянствомъ по данному вопросу. Сходна исторія ученія о покушеніи надъ негоднымъ субъектомъ.

Въ Улож. о нак. имѣется особое постановленіе объ употребленіи нѣкоторыхъ негодныхъ средствъ, а именно: употребленіе „по крайнему невѣжеству или суевѣрію вполнѣ и очевидно не дѣйствительныхъ средствъ“, какъ на примѣръ, нашептыванія,

и наговора, заклинанія и т. п., приравняется обнаруженію умысла (по ст. 111). Уголовное Уложеніе объявляетъ ненаказуемымъ покушеніе на совершеніе преступнаго дѣянія очевидно негоднымъ средствомъ, выбраннымъ по крайнему невѣжеству или суевѣрію (ст. 49). Точно также не считается преступнымъ дѣяніе, „направленное на предметъ, не существующій или очевидно негодный для учиненія того рода преступнаго дѣянія“ (ст. 47 Угол. Улож.).

Окончаніе преступленія. Въ кодексахъ не встрѣчается, за рѣдкими исклю-ченіями, формулъ, опредѣляющихъ понятіе оконченнаго преступленія. Уложеніе о нак. поступаетъ иначе, но даваемое имъ опредѣленіе не удовлетворительно, такъ какъ оно говоритъ о наступленіи не только „преднамѣреннаго зла“, но и всякаго другого „зла“ (ст. 10). Преступленіе считается оконченнымъ, какъ скоро осуществлены всѣ моменты, входящіе въ составъ его.

Соучастіе. Преступленія могутъ быть совершаемы усиліями одной личности или совокупною дѣятельностью нѣсколькихъ лицъ, изъ которыхъ каждое можетъ различно содѣйствовать наступленію преступнаго результата. Въ нашъ вѣкъ роста трестовъ, синдикатовъ, акціонерныхъ компаній, профессиональных организацій и пр. наблюдается также, по словамъ Тарда, увеличеніе числа преступленій, совершаемыхъ по соучастію. Преступность является для нѣкоторыхъ лицъ профессіей и преступники-профессионалы образуютъ организаціи спеціально для совершенія преступленій. Нѣкоторыя изъ такихъ преступныхъ сообществъ получили широкую извѣстность, напримѣръ, каморра или мафія въ Италіи, организація мошенниковъ-нищихъ въ Нью-Йоркѣ и др.

Вопросъ о значеніи соучастія въ уголовномъ правѣ привлекъ къ себѣ особое вниманіе криминалистовъ классической школы и вызвалъ среди нихъ много споровъ относительно формъ соучастія, значенія предварительнаго соглашенія, умысла и неосторожности, размѣровъ наказуемости cadaго участника и пр. Сторонники соціологической школы, выдвигающіе значеніе субъективнаго момента въ преступности на первое мѣсто, развили иные взгляды и русскій послѣдователь этой школы проф. Фойницкій пришелъ къ вѣрному выводу о необходимости примѣненія къ участію общихъ теоретическихъ началъ и къ устраненію

такимъ образомъ понятія соучастія изъ науки и кодексовъ. Новые кодексы, въ которыхъ идеи соціологической школы нашли большее признаніе, нежели въ другихъ уложеніяхъ, какъ на- примѣръ, норвежскій кодексъ, обходятся безъ понятія соучастія. Впрочемъ, сходные взгляды развиваютъ и нѣкоторые послѣдователи классическаго направленія (напримѣръ, въ Россіи проф. Колоколовъ), придающіе субъективному моменту первенствующее значеніе и являющіеся противниками точнаго разрѣшенія въ законѣ самыхъ различныхъ комбинацій соучастія.

По мнѣнію однихъ ученыхъ и кодексовъ соучастіе требуетъ такъ называемаго ими „единенія воли“, т. е. соглашения и умысла. Но самимъ же авторамъ этихъ теорій приходится значительно расширять понятія „единенія“ воли и видѣть соглашеніе, хотя бы молчаливое, тамъ, гдѣ его въ дѣйствительности не было. Попытки построить ученіе о соучастіи и объ его различныхъ формахъ на утвержденіи, что дѣятельность однихъ соучастниковъ была большею причиною преступленія, а другихъ меньшею, также должна быть отвергнута, какъ ошибочная въ самомъ ея основаніи. Наиболѣе правильнымъ мы считаемъ опредѣленіе соучастія какъ обусловленіе преступнаго результата дѣятельностью нѣсколькихъ лицъ при той или иной формѣ ихъ вины. Эта формула не исключаетъ и неосторожнаго соучастія и допускаетъ различныя комбинаціи случаевъ участія при различной формѣ виновности. Но старое и новое Уложенія требуютъ для понятія соучастія соглашения и умысла, при этомъ Улож. о нак. знаетъ при соучастіи предварительное соглашеніе и соучастіе безъ предварительнаго соглашенія.

Въ значительномъ большинствѣ кодексовъ соучастію отводится нѣсколько статей, подробно классифицирующихъ и выясняющихъ наказуемость различныхъ соучастниковъ. Дѣйствующее Уложеніе о нак. различаетъ среди дѣйствовавшихъ безъ предварительнаго соглашенія главныхъ виновныхъ и участниковъ, а среди дѣйствовавшихъ по предварительному согласію зачинщиковъ, сообщниковъ, подстрекателей, пособниковъ. Уложеніе считаетъ главными виновными, распоряжавшихся дѣйствіями другихъ и ранѣе другихъ приступившихъ къ дѣйствіямъ или непосредственно совершившихъ преступленіе, а участниками, помогавшихъ главнымъ виновнымъ и доставлявшихъ средства для совершенія преступленія или устранявшихъ препятствія. Зачин-

щиками Уложение называетъ умыслившихъ преступленіе, соглашавшихъ на то другихъ, управлявшихъ дѣйствіями другихъ, или приступившихъ первыми къ совершенію преступленія; сообщниками—согласившихся съ зачинщиками или съ другими виновными дѣйствовать сообща; подстрекателями—тѣхъ изъ неучаствовавшихъ въ совершеніи преступленія, которые подстрекали другихъ къ совершенію; пособниками—помогавшихъ совѣтами, указаніями, доставлявшихъ средства для совершенія преступленія и пр. (ст.ст. 11—13).

Уголовное Уложение требуетъ для понятія соучастія соглашеніе или дѣйствіе завѣдомо сообща. Оно относитъ къ соучастникамъ тѣхъ, которые: 1) непосредственно учинили преступное дѣяніе или участвовали въ его выполненіи, 2) подстрекнули другого къ соучастію въ преступномъ дѣяніи и 3) были пособниками, доставлявшими средства или устранявшими препятствія, или оказавшими помощь учиненію преступнаго дѣянія совѣтомъ, указаніемъ или обѣщаніемъ не препятствовать его учиненію или скрыть его. Въ то время, какъ Уложение о нак. очень подробно различаетъ наказуемость отдѣльныхъ участниковъ, Уголовное Уложение назначаетъ соучастникамъ тяжкаго преступленія и преступленія наказаніе, опредѣленное за совершенное преступленіе и смягчаетъ наказаніе лишь того пособника, помощь котораго была „несущественна“. Изъ соучастниковъ же проступка Уголовное Уложение наказываетъ только непосредственно учинившихъ его или участвовавшихъ въ его выполненіи; подстрекатель же и пособникъ подлежатъ при этомъ наказанію только въ случаяхъ, особо закономъ указанныхъ. Соучастникъ, отказавшійся отъ участія въ преступномъ дѣяніи и принявшій своевременно всѣ зависѣвшія отъ него мѣры для его предотвращенія, освобождается отъ наказанія (ст. 51).

Уставъ о нак., налаг. мир. суд., предписываетъ наказывать строже тѣхъ изъ виновныхъ, которые сами совершили проступокъ или подговорили къ тому другихъ (ст. 15).

Постановленія иностранныхъ кодексовъ о соучастіи сходны въ основныхъ чертахъ съ системой Улож. о нак. или съ близкой къ ней системой Угол. Улож.

Схоластическое построеніе съ рядомъ произвольныхъ предположеній отличаетъ эту систему. Проф. Фойницкій, критикуя ее, правильно указываетъ, что не можетъ быть рѣчи объ еди-

номъ умыслѣ, а мотивы соучастниковъ тѣмъ болѣе различны. Криминалисты, для которыхъ рѣшающее значеніе имѣетъ не дѣяніе, а дѣятель, выразившійся въ его дѣяніи, признаютъ ошибкою говорить объ отвѣтственномъ участіи въ чужой винѣ. Для нихъ основнымъ положеніемъ является: *quot delinquenti, tot delicti*, т. е. сколько преступниковъ, столько преступленій.

Ошибочнымъ должно быть признано положеніе, проведенное въ старыхъ и современныхъ кодексахъ о большей наказуемости участниковъ шайки, совершившей преступленіе. Участіе въ такомъ совершеніи преступленія еще не свидѣтельствуетъ ни о большей опасности дѣятеля, ни о большей винѣ его. Кодексы, усиливающіе въ данномъ случаѣ отвѣтственность, исходятъ изъ предположенія большей опасности, т. е. изъ принципа, который находится въ противорѣчій съ ихъ системой уголовной политики, построенной на началахъ виновности. Считаая опаснымъ самый фактъ составленія сообществъ для совершенія преступленій, кодексы наказываютъ участіе въ нихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже тогда, когда преступленія еще не были совершены. Такъ, на примѣръ согласно 52 ст. Уг. Улож. наказывается въ случаяхъ, особо закономъ указанныхъ, участіе въ сообществѣ для учиненія тяжкаго преступленія или въ шайкѣ, составившейся для учиненія нѣсколькихъ тяжкихъ преступленій или преступленій.

Прикосновенность. Подъ прикосновенными къ преступленію доктрина считаетъ лицъ, дѣятельность которыхъ, не обусловивъ наступленіе преступнаго результата, выразилась въ попустительствѣ, недоносительствѣ или укрывательствѣ. Такъ Улож. о нак. считаетъ попустителями тѣхъ, которые, имѣя власть или возможность предупредить преступленіе, съ намѣреніемъ или по крайней мѣрѣ завѣдомо допустили его совершеніе. Укрыватели скрываютъ слѣды совершеннаго преступленія или самихъ преступниковъ или добытые преступленіемъ предметы. Недоносителями Уложеніе признаетъ тѣхъ, которые, зная объ умышляемомъ или уже совершенномъ преступленіи, не донесли объ этомъ надлежащимъ лицамъ. Наказуемость прикосновенностей устанавливается особыми статьями и различается для каждаго изъ нихъ. Уложеніе о нак. дѣлаетъ нѣкоторыя исключенія изъ требованія доноса а именно: не подвергаются наказанію за недонесеніе дѣти на родителей и вообще на родственниковъ по

прямой восходящей линіи, а также родители на дѣтей и другихъ нисходящихъ по прямой линіи. супруги на супруговъ и родные братья и сестры на сестеръ и братьевъ. Суду предоставляется возможность освобожденія отъ наказанія или его уменьшенія и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ недонесенія и укрывательства (ст. 128).

Литература: *Колоколовъ*. Къ ученію о покушеніи. М. 1884 г. *Его же*. О соучастіи въ преступленіи. М. 1881 г. *Фойницкій*. Уголовно-правовая доктрина о соучастіи. Статья въ Юрид. Вѣстн. 1891 г., № 1.

ДЕСЯТАЯ ГЛАВА.

Примѣненіе наказанія.

Для сторонниковъ теорій, отрицающихъ наказаніе и требующихъ его замѣны мѣрами соціальной обороны, вопросъ о выборѣ того или другого средства защиты рѣшается въ зависимости отъ принадлежности преступника къ опредѣленной категоріи правонарушителей, а продолжительность примѣненія этого средства опредѣляется прекращеніемъ опасности повторенія преступности. Такъ какъ вычисленіе заранѣе срока, необходимаго для достиженія указанной цѣли, представляется невозможнымъ, то безусловная неопредѣленность срока въ приговорѣ явилась логическимъ послѣдствіемъ такихъ теорій и только совершенно справедливое опасеніе, что неопредѣленные приговоры приведутъ при современныхъ условіяхъ къ тяжелому произволу, заставило названныхъ нами теоретиковъ внести въ ихъ ученіе различныя отступленія отъ принятаго ими принципа. Такъ, на смѣну безусловно неопредѣленнаго приговора явился относительно неопредѣленный приговоръ; было предложено предоставить новому разсмотрѣнію суда рѣшеніе вопроса о минованіи опасности или создать при учрежденіяхъ, назначенныхъ для различныхъ категорій преступниковъ, особая комиссія съ установленіемъ гарантій ихъ правильной дѣятельности и проч. Значительно сложнѣе рѣшается вопросъ объ опредѣленіи мѣры наказанія съ точки зрѣнія господствующей теоріи, принятой уголовными законодательствами: наказаніе должно соответствовать винѣ, но, ограничивая усмотрѣніе суда, законъ устанавливаетъ случаи, когда наказаніе можетъ или должно быть смягчено или увеличено. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ наказаніе не примѣняется.

Въ настоящее время господствуетъ относительно опредѣленный видъ санкціи, т. е. въ законѣ указываются тѣ предѣлы, въ которыхъ можетъ совершаться судомъ выборъ наказанія. Чѣмъ старѣе кодексъ, тѣмъ ограниченнѣе возможность судейскаго усмотрѣнія при выборѣ наказанія. Наиболѣе старыя уложенія, а въ томъ числѣ и наше Уложеніе о нак., допуская возможность повышенія или уменьшенія наказанія, пытаются дать

исчерпывающій перечень обстоятельствъ, вліяющихъ на отвѣтственность преступника. Эти обстоятельства могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: повышающія наказаніе и уменьшающія его.

Увеличеніе наказанія. Уложеніе о нак. въ 129 ст. видитъ основанія для увеличенія наказанія въ самыхъ различныхъ обстоятельствахъ какъ субъективнаго, такъ и объективнаго характера. Законодатель обращаетъ здѣсь вниманіе и на размѣръ причиненнаго вреда и на опасность преступленія и на мотивы дѣятели, его нравственныя качества и пр. Согласно приведенной статьи, наказаніе увеличивается по мѣрѣ того: 1) чѣмъ болѣе было обдуманности и умысла въ дѣйствіяхъ преступника; 2) чѣмъ выше были его состояніе, званіе и степень образованности; 3) чѣмъ болѣе противозаконны и безнравственны были побужденія его къ сему преступленію; 4) чѣмъ болѣе лицъ онъ привлекъ къ участию въ сему преступленіи; 5) чѣмъ болѣе онъ употребилъ усилій для устраненія представлявшихся ему въ томъ препятствій; 6) чѣмъ болѣе имъ нарушено особыхъ личныхъ обязанностей въ отношеніи къ мѣсту, въ коемъ преступленіе учинено, и въ отношеніи къ лицамъ, противъ коихъ оно предпринято; 7) чѣмъ болѣе было жестокости, гнусности или безнравственности въ дѣйствіяхъ, коими сіе преступленіе было предуготовляемо, приводимо въ исполненіе или сопровождается; 8) чѣмъ важнѣе была опасность, которою сіе преступленіе угрожало какому либо частному лицу, или многимъ или всему обществу и государству; 9) чѣмъ важнѣе зло или вредъ, симъ преступленіемъ причиненные; 10) чѣмъ болѣе виновный при слѣдствіи и судѣ оказывалъ неискренности и упорства въ заpiresельствѣ, особливо, если при томъ онъ старался возбудить подозрѣніе на невинныхъ или даже прямо клеветалъ на нихъ.

Проекты новыхъ уложеній, стремящіеся найти компромиссъ между требованіями классической и соціологической школъ, вносятъ опредѣленія, которыя подчеркиваютъ на ряду съ виною значеніе опасности преступника и факторовъ экономическаго порядка. Такъ, на примѣръ, австрійскій проектъ въ § 43 предлагаетъ сообразовать размѣръ наказанія съ виною и опасностью преступника, личными особенностями и его имущественнымъ положеніемъ.

Рецидивъ. Къ числу обстоятельствъ, которыя въ дѣйствующихъ и старыхъ уложеніяхъ считались особо увеличивающими

наказаніе относится рецидивъ или повтореніе преступленія при особыхъ условіяхъ, о которыхъ мы будемъ говорить позднѣе. До какой степени могла быть измѣнена отвѣтственность преступника при рецидивѣ можно, напримѣръ, видѣть изъ ст. 146 Уложен. о нак., остававшейся въ силѣ до закона 3 февраля 1892 г. и предписывавшей наказывать малолѣтнихъ отъ 10-ти лѣтъ какъ взрослыхъ, если они послѣ отбытія наказанія совершили то же самое, равное или болѣе тяжелое преступленіе. Подыскать теоретическое обоснованіе такому увеличенію наказанія рецидивистовъ очень трудно, если стоять на точкѣ зрѣнія соразмѣренія вины и наказанія: вина преступника, отбывшаго наказаніе и совершившаго послѣ этого вновь преступленіе, не становится больше, такъ какъ первая вина уже искуплена отбытымъ имъ наказаніемъ. Несомнѣнно, что увеличеніе наказанія въ дѣйствительности вызывалось здѣсь опасностью новаго повторенія преступленія, но этотъ принципъ не признавался этими кодексами, такъ какъ они знали опасныя преступленія, но не опаснаго преступника. Увеличеніе наказанія рецидивистамъ иногда до весьма значительныхъ размѣровъ, впрочемъ, не приводило къ желательному уменьшенію преступности, какъ мы видѣли это уже выше, когда говорили о классификаціи преступниковъ. Однако, увеличеніе наказанія за повтореніе преступленій очень старое явленіе. Уже въ кодексѣ Ману повтореніе преступленія рассматривается, какъ основаніе для увеличенія наказанія. Также было и въ древнемъ русскомъ правѣ: уставная Двинская грамота назначаетъ за третью кражу смертную казнь. Въ этихъ древнѣйшихъ законодательныхъ памятникахъ упоминается о повтореніи преступленій лишь при отдѣльныхъ преступленіяхъ и не устанавливается опредѣленіе рецидива: законъ довольствуется провозглашеніемъ требованія увеличенія наказанія за повторное совершеніе наказуемаго дѣянія. Установленіе общаго понятія рецидива относится къ значительно болѣе позднему времени. Въ теоріи требованіе увеличенія наказанія за повторно совершенное преступленіе послѣ отбытія наказанія мотивировалось различными соображеніями: большею виновностью преступника, большею его испорченностью и пр., но находились также и противники такого увеличенія наказанія. Въ послѣднее время господствующее мнѣніе видитъ основанія къ увеличенію отвѣтственности въ большей опасности рецидивиста. Самое понятіе рецидива возбуждаетъ споры

среди криминалистовъ и отличается разнообразіемъ въ кодексахъ. Наболѣе старою и вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе совершенною является теорія, которая требуетъ для понятія рецидива лишь опредѣленныхъ объективныхъ признаковъ, на примѣръ, совершеніе того же дѣянія или однороднаго съ первымъ въ теченіе извѣстнаго періода времени послѣ отбытія наказанія. Недостатокъ этой теоріи заключается въ полномъ игнорированіи самого преступника: второй разъ передъ судомъ можетъ оказаться лицо, повторившее свое преступленіе, но при совершенно иныхъ условіяхъ: въ одномъ случаѣ его толкнула на преступленіе корысть, въ другомъ нужда; въ одномъ случаѣ онъ могъ дѣйствовать изъ низменныхъ мотивовъ, а въ другомъ изъ благороднаго альтруистическаго побужденія и пр. Эта теорія нашла себѣ наболѣе полное и яркое примѣненіе во французскомъ кодексѣ, а именно въ законѣ 1885 г. о релѣгаціи, въ силу котораго, какъ мы знаемъ, подлежатъ ссылкѣ лица, совершившія опредѣленное число преступныхъ дѣяній. Другая группа теорій прибѣгаетъ къ комбинаціи объективнаго момента (т. е. совершеніе преступленія послѣ отбытія наказанія за такое или однородное дѣяніе) съ субъективнымъ моментомъ. Этотъ послѣдній моментъ понимается теоретиками не одинаково: одни указываютъ на необходимость констатировація опасности, другіе требуютъ, чтобы преступленіе было вызвано тѣми же мотивами (на примѣръ Сакеръ). До послѣдняго времени установленіе рецидива связывалось съ правомъ или обязанностью суда назначать преступнику повышенныя наказанія. Но уже французскій законъ 1885 г. примѣнялъ къ рецидивистамъ послѣ отбытія ими наказанія ссылку, какъ *мѣру безопасности*.

Въ настоящее время довольно ярко обнаруживается стремленіе примѣнять къ рецидивистамъ такія мѣры, которыя ставятъ своею задачею не увеличеніе наказанія, но уничтоженіе опасности повторнаго совершенія преступленія. Эти мѣры безопасности примѣняются и проектируются въ качествѣ добавочныхъ къ наказанію. Такъ, норвежское уложеніе допускаетъ при судѣ надъ лицомъ, совершившимъ нѣсколько тяжкихъ преступленій, ставить присяжнымъ засѣдателямъ вопросъ о признаніи его особенно опаснымъ. Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, преступникъ можетъ быть задержанъ въ мѣстѣ заключенія въ теченіи срока, который въ три раза превышаетъ срокъ высшаго наказанія, но не можетъ быть долѣе 15 лѣтъ по истеченіи

этого высшаго наказанія. Принудительное задержаніе рецидивистовъ въ теченіе очень продолжительныхъ сроковъ устанавливается также въ проектахъ германскаго, швейцарскаго и австрійскаго уложеній. Примѣненіе къ преступнику мѣръ для его обезвреженія послѣ отбытія имъ наказанія встрѣчаетъ одобреніе сторонниковъ классическаго направленія, но это одобреніе противорѣчитъ основнымъ началамъ названнаго направленія и является компромиссомъ между старыми и новыми теченіями въ области нашей науки. Возможность примѣненія мѣръ защиты противъ рецидивистовъ открывается лишь послѣ признанія рецидивиста опаснымъ, окончательное же примѣненіе этихъ мѣръ и ихъ прекращеніе должно, по мнѣнію ихъ сторонниковъ, зависѣть отъ особой комиссіи, учрежденіе которой проектируетъ въ нѣмецкой литературѣ Ашаффенбургъ, а въ русской—В. Д. Набоковъ. Послѣдній авторъ, рассматривая вопросъ о тѣхъ преступленіяхъ, повтореніе которыхъ можетъ привести къ примѣненію мѣръ защиты, исключаетъ отсюда политическія преступленія. Опасенія за политическую свободу совершенно основательно имѣютъ для названнаго автора здѣсь рѣшающее значеніе. Мы идемъ далѣе. Современная организація государства и правосудія вызываютъ опасенія за индивидуальную свободу и не позволяютъ отдать ее на распоряженіе какихъ бы то ни было органовъ также при совершеніи и другихъ преступленій. Мы и въ данномъ случаѣ стоимъ на точкѣ зрѣнія, высказанной нами при разсмотрѣніи общаго вопроса о мѣрахъ безопасности.

По дѣйствующему Уложенію о нак. повтореніемъ преступленія или проступка признается совершеніе того же или однороднаго преступнаго дѣянія по отбытіи наказанія за предшествующее преступное дѣяніе или послѣ освобожденія отъ наказанія за общимъ милостивымъ манифестомъ или въ силу особаго монаршаго снисхожденія (ст. 131). Вмѣстѣ съ тѣмъ, Улож. о нак. устанавливаетъ различные сроки, въ теченіе которыхъ совершеніе преступнаго дѣянія составляетъ рецидивъ. Эти сроки для отбывшихъ наказаніе каторжными работами—десять лѣтъ, для лицъ, приговоренныхъ къ наказанію ниже тюрьмы, годъ и т. д. По Уставу о нак., налаг. мир. суд., эти сроки: одинъ, два и три года (ст. 14).

Совокупность преступныхъ дѣяній.

Подъ совокупностью преступныхъ дѣяній понимается совершеніе однимъ и тѣмъ же лицомъ нѣсколькихъ преступныхъ дѣяній, за которыя оно еще не отбывало наказаній. Передъ теоретиками всталъ вопросъ, какъ

быть въ этихъ случаяхъ при опредѣленіи наказанія? Должно ли преступнику назначать наказанія въ отдѣльности за каждое совершенное имъ преступное дѣяніе и присуждать его къ суммѣ этихъ наказаній (система сложенія), или присуждать его къ отбытію лишь высшаго, назначеннаго ему наказанія (система поглощенія), или, присуждая къ высшему наказанію, возвышать его срокъ? Сторонники классической школы исходили при разрѣшеніи возникающихъ здѣсь сомнѣній изъ соображеній о справедливости и о возмездіи. Сложеніе наказаній представлялось имъ карою свѣше дѣйствительной вины, такъ какъ отбытіе, на примѣръ, съ промежутками трѣхъ приговоровъ, каждый къ двумъ годамъ тюрьмы, наказаніе болѣе легкое, нежели отбытіе сразу шести лѣтъ заключенія. Наоборотъ, система поглощенія представлялась имъ слишкомъ мягкой и поэтому также не отвѣчающей дѣйствительной винѣ преступника. Наиболѣе справедливою большинствомъ была признана система увеличенія строжайшаго наказанія. Ст. 152 Улож. о нак. проводитъ систему поглощенія наказанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ допускается увеличеніе наказанія. Денежные же штрафы складываются. Уголовное Уложеніе придерживается системы поглощенія съ факультативнымъ возвышеніемъ наказанія.

Смягченіе наказанія. На ряду съ обстоятельствами, ведущими къ увеличенію наказанія, кодексы говорятъ объ обстоятельствахъ, уменьшающихъ наказаніе. Такъ, ст. ст. 134, 153 Улож. о нак. допускаютъ смягченіе наказанія: 1) когда виновный добровольно и прежде нежели на него пало какое либо подозрѣніе явился въ судъ или же къ мѣстному или другому начальству и вполнѣ чистосердечно съ раскаяніемъ сознался въ учиненномъ преступленіи; 2) если онъ, хотя и послѣ уже возбужденія на счетъ его подозрѣнія, но вскорѣ, безъ упорства, по одному изъ первыхъ на допросъ убѣжденій или увѣщаній, учинилъ съ раскаяніемъ полное во всемъ признаніе; 3) если онъ безъ замедленія, благовременно и также съ полною откровенностью, указалъ всѣхъ участниковъ его преступленія; 4) если преступленіе учинено имъ по легкомыслію, или же слабоумію, глупости, крайнему невѣжеству, которымъ воспользовались другіе для вовлеченія его въ сіе преступленіе; 5) если преступленіе учинено имъ вслѣдствіе сильнаго раздраженія, произведеннаго обидами, оскорбленіями, или иными поступками лица, ко-
ему онъ сдѣлалъ или покусился сдѣлать зло; 6) если онъ былъ

вовлеченъ въ сіе преступленіе убѣжденіями, приказаніями, или дурнымъ примѣромъ людей, имѣвшихъ надъ нимъ по природѣ или по закону высшую сильную власть; 7) если онъ учинилъ сіе преступленіе единственно по крайности и по совершенному неимѣнію никакихъ средствъ къ пропитанію и работѣ; 8) если при самомъ содѣяніи преступленія онъ почувствовалъ раскаяніе или сожалѣніе къ жертвамъ онаго и по сему побужденію не совершилъ всего преднамѣреннаго имъ зла, особливо-жъ, когда онъ удержалъ отъ того и своихъ сообщниковъ; 9) если онъ по содѣяніи преступленія старался по крайней мѣрѣ отвратить, хотя нѣкоторыя изъ вредныхъ онаго послѣдствій и вознаградить причиненные онымъ зло или убытокъ (135 ст.). Ст. 153 обращаетъ также вниманіе на продолжительность содержанія обвиняемаго подъ стражею, на предварительную его безпорочную службу, заслуги и пр., на сообщеніе имъ о другомъ готовящемся преступленіи (153 ст.). Кромѣ того, судъ можетъ при наличности и другихъ смягчающихъ вину обстоятельствъ возбудить ходатайство передъ государемъ о смягченіи наказанія виновному (ст. 154). Въ противоположность обстоятельствамъ, увеличивающимъ наказаніе, обстоятельства, понижающія наказанія, большею частью относятся не къ дѣянію, а къ самому преступнику, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, какъ на примѣръ, доносъ о готовящемся преступленіи, далеко не всегда являются показателями нравственной личности виновнаго.

Отмѣна наказанія. Мы говорили до сихъ поръ объ обстоятельствахъ, вліявшихъ на размѣръ наказанія. Но, помимо ихъ, имѣются также обстоятельства, ведущія къ отмѣнѣ наказанія. Кодексы относятъ сюда смерть преступника, примиреніе съ обиженнымъ, давность, помилованіе.

Смерть преступника. Въ прежнее время судъ надъ умершимъ и надругательства надъ трупомъ преступника производившіеся палачемъ по судебному приговору, были совершенно обычнымъ явленіемъ. Классическая школа провозгласила принципъ личной отвѣтственности и поэтому смерть обвиняемаго во время процесса теперь ведетъ къ прекращенію дѣла, а приговоръ, не приведенный въ исполненіе надъ осужденнымъ при его жизни, отпадаетъ самъ собою. Это также относится и къ наказанію денежнымъ штрафомъ. Иного рѣшенія здѣсь быть въ настоящее время не можетъ. Уложеніе о нак. въ 156 ст. опредѣленно формулировало это положеніе. Также 22 ст. Уст. о нак.

Прими́реніе. По дѣламъ, вчиненіе уголовнаго иска по которымъ зависитъ отъ желанія потерпѣвшаго, возможно окончаніе процесса вслѣдствіе примиренія преступника съ потерпѣвшимъ. Здѣсь законъ допускаетъ какъ прощеніе преступника безъ возложенія на него какихъ либо обязательствъ по желанію потерпѣвшаго и по согласію самого преступника, такъ и заключеніе мировыхъ сдѣлокъ на опредѣленныхъ условіяхъ. Но во всякомъ случаѣ неисполненіе преступникомъ принятыхъ на себя гражданскихъ обязательствъ не можетъ вести ни къ возобновленію прекращеннаго дѣла, ни къ примѣненію отмѣненнаго на этомъ основаніи наказанія. Ни въ какомъ случаѣ также не можетъ зависѣть отъ усмотрѣнія потерпѣвшаго опредѣленіе судомъ размѣра наказанія. Прощеніе и примиреніе становятся невозможными, когда осужденный уже началъ отбывать наказаніе. По исключенію, законъ не допускаетъ примиренія по нѣкоторымъ изъ преступленій, вчиненіе уголовнаго иска по которымъ зависитъ отъ желанія частнаго лица (напримѣръ, по обвиненію въ изнасилованіи).

**Помилова-
ніе.** Помилованіе или прощеніе верховной властью въ государствѣ какъ осужденныхъ и отбывающихъ наказаніе, такъ и обвиняемыхъ до признанія ихъ виновными и даже до начала административнаго или судебнаго преслѣдованія ихъ, извѣстно практикѣ съ давняго времени. Современные кодексы предусматриваютъ прекращеніе дѣлъ и отмѣну наказаній вслѣдствіе помилованія преступниковъ. Помилованіе можетъ прости- раться на отдѣльныхъ обвиняемыхъ и цѣлыя ихъ группы (амни- стія). Въ настоящее время субъектомъ права помилованія въ большинствѣ государствъ является представитель верховной власти: государь, президентъ и пр.

Улож. о нак. и Угол. Улож. содержатъ постановленія о помилованіи (первое въ ст. 165—167 и второе—въ 72 ст.).

Давность. Истеченіе опредѣленнаго времени со дня соверше- нія преступленія или со дня постановки приговора можетъ при нѣкоторыхъ условіяхъ привести въ первомъ изъ указанныхъ случаевъ къ прекращенію начатаго уголовнаго преслѣдованія, а во второмъ—къ устраненію назначеннаго судомъ наказанія. Этотъ институтъ извѣстенъ подъ именемъ давности. Различа- ется два вида давности: во-первыхъ, давность преступленія и, во-вторыхъ, давность наказанія. Давность преступленія приво- дитъ къ устраненію судебнаго преслѣдованія, а давность нака- занія къ устраненію назначеннаго наказанія.

Въ наукѣ уголовного права извѣстны многочисленныя попытки подыскать основанія институту давности. Одни видѣли эти основанія въ предполагаемыхъ мученіяхъ совѣсти скрывающагося преступника, другіе въ трудности установленія его вины послѣ истеченія значительнаго промежутка времени, третьи въ предполагаемомъ исправленіи преступника и т. д. Проф. Листъ, вмѣстѣ со многими другими изслѣдователями, правильно указываетъ, что основанія давности лежатъ въ томъ вредѣ, который получается при вторженіи въ новыя сложныя и пустившія глубокія корни отношенія въ несоразмѣрно большихъ трудностяхъ установленія истиннаго положенія дѣла по истеченіи значительнаго времени и ничтожности роли наказанія въ этихъ случаяхъ какъ для самого преступника, такъ для потерпѣвшаго и постороннихъ.

Улож. о нак. знаетъ лишь давность преступленія и считаетъ необходимымъ для ея примѣненія обнаруженіе виновнаго въ теченіе различныхъ сроковъ въ зависимости отъ тяжести наказанія, которымъ законъ грозитъ за совершенное преступленіе. Прекращеніе начатаго противъ кого либо въ качествѣ обвиняемаго производства не препятствуетъ примѣненію закона о давности. Противорѣчитъ началамъ, принятымъ Уложеніемъ, недопущеніе давности при преступленіи отцеубійства.

Постановленія Уст. о нак. сходны въ существенныхъ чертахъ съ системой Уложенія. Уголовное же Улож., слѣдуя примѣру иностранныхъ кодексовъ, знаетъ также давность наказанія. Въ отступленіе отъ общихъ теоретическихъ началъ, оно не допускаетъ давности при совершеніи преступленія, указаннаго въ 99 ст., но понижаетъ наказаніе для осужденныхъ по этой статьѣ.

Литература: *Таганцевъ*. О повтореніи преступленій. 1867 г. *Набоковъ В. Д.* Мѣры соціальной защиты противъ рецидивистовъ. Журн. угол. права и процесса. 1913 г. № 1. *Фойницкій И.* Ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ. 1889 г. *Люблинскій*. Очерки современ. суда и нак. въ Англіи (статья о предупредительномъ детенированіи привычныхъ преступниковъ).

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Предисловіе.

ПЕРВАЯ ГЛАВА. Исторія уголовного права. 1— 14

Опредѣленіе уголовного права (1 стр.). Дѣленіе исторіи уголовного права на періоды (1—2). Уголовное право у охотничьихъ и пастушескихъ племенъ (2—5). Вымираніе мести. Выкупы (5—7). Уголовное право у земледѣльческихъ народовъ (7—8). Классовыя неравенства (8—9). Устрашительныя наказанія (9—11). Смягченіе наказаній. Исправленіе преступника (11—13). Современные уголовные кодексы (13—14). Литература (14).

ВТОРАЯ ГЛАВА. Исторія науки уголовного права 15— 38

Разработка вопросовъ уголовного права въ древнемъ мірѣ (15—16). Наука уголовного права въ средніе вѣка (16—17). Школа естественнаго права (17—18). Беккарія (18—19). Классическая школа въ наукѣ уголовного права (19—21). Уголовно - антропологическая школа (21). Ломброзо. Эмбриологія преступленія (22—23). Внѣшность преступника (23—24). Татуировка у преступниковъ (24—25). Жаргонъ преступниковъ (25—26). Иероглифы преступниковъ (27). Творчество преступника (27—28). Психологія преступника (28). Критика ученія о преступномъ типѣ (28—29). Ученіе Ломброзо о преступникѣ нравственно-помѣшанномъ (29—30). Заслуга Ломброзо и его школы (30—31). Соціологическая школа (31). Предшественники соціологической школы (31—34). Либеральное и соціологическое крыло (35). Содержаніе и методы науки уголовного права (35—38).

ТРЕТЬЯ ГЛАВА. Ученіе о преступленіи, какъ о соціальномъ явленіи. 39— 49

Причины преступности и ихъ дѣленіе (39—40). Физическіе факторы (40—42). Антропологическіе факторы. Возрастъ (42). Полъ (43—44). Раса (45). Соціальные факторы. Бѣдность (45—47). Жилища (47—48). Алкоголизмъ (48—49).

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА. Классификація преступниковъ и преступленій. 50— 67

Числа преступниковъ (50). Классификація преступниковъ (50—55). Привычные преступники (55—58). Случайный преступникъ (58—60). Душевно-больные преступники (60). Опредѣленіе преступленія (61—63). Вопросъ о различіи уголовного и гражданскаго правонарушенія (63—64). Дѣленіе преступленій (65—67). Литература (67).

ПЯТАЯ ГЛАВА. Уголовный законъ. Право наказанія и цѣли наказанія. Отдѣльныя карательныя мѣры	68—152
Уголовный законъ (68—69). Предѣлы дѣйствія закона (69—71). Право наказанія (71—72). Абсолютныя теоріи (72—74). Цѣлевыя теоріи (74—75). Правовыя теоріи (75). Смѣшанныя теоріи (75—76). Отношеніе новыхъ школъ къ наказанію (76—77). Лѣстница наказаній (77—78). Смертная казнь. Ея исторія (78—81). Статистика смертной казни (81—83). Оцѣнка смертной казни (83—86). Психологія осужденнаго (86—87). Литература (87—88). Тѣлесныя наказанія (88). Увѣчащія наказанія (88—91). Болевыя наказанія (91—95). Вліяніе тѣлеснаго наказанія (95—96). Ссылка (96). Исторія ссылки въ иностранныхъ государствахъ (97—102). Ссылка въ Россіи (102—107). Литература (107). Тюремное заключеніе (107). Значеніе тюрьмы въ современной карательной системѣ (107—108). Исторія тюрьмы (108—109). Исторія тюрьмы въ Россіи (109—112). Современное положеніе тюремъ. (112). Одиночная система (112—115). Общее заключеніе (115). Смѣшанная система (115—116). Новыя тюремныя учрежденія. Реформаторіи (116—120). Борстальскія учрежденія (120). Англійскія реформаторіи для пьяницъ (120). Тюрьмы для слабоумныхъ осужденныхъ (120). Тюремныя работы (120—122). Тюремная дисциплина (122—123). Оцѣнка тюремнаго заключенія (123—125). Психологія заключеннаго (125—128). Литература (128). Тюремный патронатъ. Патронатъ (129). Отрицательныя черты дѣятельности патроната (130). Статистика обществъ патроната (130—132). Литература (132). Условное освобожденіе (132). Условное освобожденіе (132—134). Условное освобожденіе въ Россіи (134—135). Литература (135). Условное осужденіе (135). Условное осужденіе. Понятіе его (135—137). Статистика условнаго осужденія (137—138). Отношеніе къ условному осужденію теоріи (138). Литература (138). Имущественныя наказанія (139). Опредѣленіе (139). Общая конфискація (139—140). Спеціальная конфискація (140). Денежныя пени (140—141). Статистика денежныхъ штрафовъ (141—142). Наказанія, направленные на честь (142). Историческія свѣдѣнія (142—143). Выговоръ (143—144). Пораженіе правъ (144). Историческія свѣдѣнія (144—145). Система русскаго законодательства (145—147). Лишеніе правъ въ иностранныхъ кодексахъ (147—148). Статистика лишенія правъ (149). Реабилитація (149). Литература (149). Оцѣнка борьбы съ преступностью посредствомъ наказаній (149—152).	

ШЕСТАЯ ГЛАВА. Мѣры соціальной безопасности	153—161
Отличіе мѣръ безопасности отъ наказаній (153—154). Исправительныя заведенія (154—157). Статистика исправительныхъ заведеній (157). Организациія дѣтскаго суда (157—158). Мѣры безопасности противъ	

душевно - больныхъ преступниковъ (158—159). Мѣры безопасности противъ бродягъ, нищихъ, развратниковъ, алкоголиковъ (160). Литература (161).

СЕДЬМАЯ ГЛАВА. Субъектъ преступленія 162—176

Вмѣняемость. Различныя опредѣленія вмѣняемости (164). Теорія Бине (164—165). Теорія Тарда (165—166). Теоріи, отрицающія вмѣняемость (166—168). Формулы вмѣняемости въ кодексахъ (168—169). **Обстоятельства, исключаящія вмѣняемость.** Малолѣтство (169—171). Идіотизмъ (171). Глухонѣмота (171). Душевные болѣзни (171—172). Другія состоянія невмѣняемости (172). Литература (173). **Виновность.** Развѣтѣ понятія виновности (173). Виновность и ея формы (173). Умыселъ (173—175). Неосторожность (175—176). Случай (176). Литература (176). **Мотивы.** Мотивъ (176). Литература (178).

ВОСЬМАЯ ГЛАВА. Обстоятельства, устраняющія преступность дѣянія 179—184

Исполненіе закона и приказа (179). Осуществленіе своего права, дисциплинарной власти и проч. (180). Необходимая оборона (180—181). Крайняя необходимость (181—184). Литература (184).

ДЕВЯТАЯ ГЛАВА. Совершеніе преступнаго дѣянія 185—193

Обнаруженіе умысла (185). Приготовленіе (185—186). Покушеніе (186—189). Окончаніе преступленія (189). Соучастіе (189—192). Прикосновенность (192—193). Литература (193).

ДЕСЯТАЯ ГЛАВА. Примѣненіе наказанія 194—203

Увеличеніе наказанія (195). Рецидивъ (196—199). Совокупность преступныхъ дѣяній (199). Смягченіе наказаній (199—200). Отмѣна наказанія (200). Смерть преступника (200—201). Примириѣніе (201). Помилованіе (201—202). Давность (202—203). Литература (203).
